

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный
нефтегазовый университет»
**Научно-исследовательский институт
прикладной этики**

В. И. Бакштановский

**ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА:
инновационный курс
для магистр(ант)ов и профессоров**

Часть 1

Тюмень
ТюмГНГУ
2011

УДК 17
ББК 87.75
Б 19

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, академик, директор Института философии РАН А. А. Гусейнов;
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры этики МГУ А. В. Прокофьев

Бакштановский В. И.

Б 19 Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть первая) : монография. – Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2011. – 274 с.
ISBN 978-5-9961-0440-6

Курс – опыт учебного пособия, представляющего инновационную парадигму, долгое время первую и единственную в современной отечественной прикладной этике.

Курс сосредоточен на процессе креации инновационной парадигмы в целом и конкретных ее проектов. Тем самым и магистр(ант)ы, и профессора получают возможность включиться в творческое, а не только учебное, соавторство в освоении и развитии ноу-хау инновационной парадигмы.

Курс структурирован таким образом, чтобы описать системное ноу-хау инновационной парадигмы в работе с феноменом приложения в этике в каждом из двух его проявлений: приложение как конкретизация морали в ее нормативно-ценностных подсистемах и приложение как производство этико-прикладного знания.

В четырех частях курса рассматриваются: основания прикладной этики; концептуальные и проектные разработки «территорий» ойкумены прикладной этики, в отношении которых инновационная парадигма предприняла «новое освоение»; технологии прикладной этики в действии – в формате «рабочих тетрадей» для будущего магистра, сегодняшнего эксперта, консультанта этических инфраструктур, преподавателя прикладной этики и т.п.

УДК 17
ББК 87.75

Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Художник М.М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовали: М.В. Богданова, Е.Э. Богданова, Г.Е. Жуганов, А.П. Тюменцева.

ISBN 978-5-9961-0440-6

© В.И.Бакштановский, 2011
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет», 2011

Ministry of education and science
State educational institution
of high professional education
«Tyumen State Oil and Gas University»
Applied Ethics Research Institute

V.I. Bakshtanovsky

**APPLIED ETHICS:
innovation course for masters and professors**

Suppl. 1

Tyumen 2011

Моей дочери
Ирине Владимировне
Бакштановской

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Законная планета	
в «кругу расчисленных светил»	10
Иновационная парадигма прикладной этики:	
от идеи к учебному курсу.....	10
Предварительные тезисы к амбициозным	
притязаниям курса на статус инновационного.....	25
Фронестика в действии: учебно-методические	
ориентиры проектирования курса	34
«Путеводитель» по учебному пособию	40
Благодарности.....	44
Лекция вступительная. В лаборатории	
инновационной парадигмы	46
1. Анонс мастер-класса «Профессионально-	
этический кодекс университета».....	47
2. Сценарная версия с фрагментами ее реализации	
и актуальными репликами.....	49
2.1. Замысел.....	49
2.2. Мотивы инициирования проекта.....	51
2.3. Иновационная парадигма прикладной этики:	
вводные понятия.....	51
2.4. Проектирование кодекса в инновационной	
парадигме: концептуальное «техзадание».....	54
2.4.1. Категориальное гнездо	
проектно-ориентированного исследования	54
2.4.2. Матрица анализа практики	
этического кодифицирования университетов.....	57
2.5. Формирование «техзадания»:	
этапы теоретической концептуализации	
и проектно-ориентированной разработки.....	58
2.6. Технология внешней экспертизы.....	62
2.7. Технология формирования	
университетского дискурса о Кодексе	
и анализ динамики версий Кодекса.....	65

	7
2.8. Ректорские семинары.....	67
2.9. Комментарий к тексту принятого Кодекса.....	70
3. Краткие комментарии к обсуждению мастер-класса в МГУ и Киевском национальном университете.....	74

Часть первая

Лекция 1. Ситуация в прикладной этике: от «ереси» к парадигмальному многообразию	83
1.1. Жизненный путь идеи прикладной этики: «ересь» → «в этом что-то есть» → «кто же этого не знает».....	83
1.1.1. «...В начале была ересь».....	83
1.1.2. «В этом что-то есть...».....	89
1.1.3. «...Кто же этого не знает?».....	100
1.2. Маршруты парадигмального бума: от «прикладной» к практической – или от практической к «прикладной»?.....	115
Лекция 2. Рефлексивная биография инновационной парадигмы прикладной этики	122
2.1. Не «дорога», а «путь».....	122
2.2. «Три источника...».....	124
2.3. «Этапы большого пути ...».....	135
Лекция 3. Инновационная парадигма: что? к чему? каким образом? зачем?	164
3.1. Конкретизация морали как акт креации.....	165
3.2. Теоретическая концептуализация «малых» систем и нормативно-ценностных систем иных масштабов.....	173
3.3. Проектно-ориентированное этическое знание....	183
3.4. Образ профессионала в сфере прикладной этики: запросы практики, ориентиры от образовательных программ, предложения от этико-прикладного знания.....	191

Лекция 4. Ситуация морального выбора как предпосылка креации прикладной этики	211
4.1. Ситуация морального выбора: эскиз.....	212
4.2. Ситуация морального выбора: идентификация..	216
4.2.1. Алгоритм идентификации.....	217
4.2.2. Фундаментальные признаки.....	223
4.3. Нравственно-конфликтная ситуация выбора.....	235
Лекция 5. Моральный выбор как <i>modus vivendi</i> прикладной этики	239
5.1. Тотальность морального выбора	239
5.2. Моральный выбор как творчество общественного масштаба	250
5.2.1. Апробация идеологии проекта	253
5.2.2. «Двадцать лет назад»: эскиз ситуации морального выбора времен Перестройки	257
5.2.3. «Двадцать лет спустя»: эскиз современной отечественной ситуации морального выбора	260
5.2.4. О программе экспертизы шансов выбора Россией ценностей гражданского общества	267

Содержание следующих частей курса

Часть вторая

Лекция 6. Современная мораль: запрос на прикладную этику
6.1. Социокультурная динамика морали как основание запроса на прикладную этику
6.1.1. От «естественной» морали к «рациональной» морали гражданского общества
6.1.2. Запросы от достигательской цивилизации
6.1.2.1. Успех как этико-прикладная проблема
6.1.2.2. Профессионализм как этико-прикладная проблема
6.2. Запросы от морали неклассического гражданского общества

- 6.2.1. «Русская тройка»
- 6.2.2. «Рынкофилия» и/или «рынкофобия»
- 6.2.3. Российская модернизация: этические модели

**Лекция 7. Общепрофессиональная этика:
алгоритм конкретизации морали
в «малых» системах**

- 7.1. «Предназначение» профессиональной этики
- 7.2. Природа профессии: «моральное измерение»
  - 7.2.1. Professions или occupations?
  - 7.2.2. Идея *высокой* профессии
  - 7.2.3. Профессия как корпорация
  - 7.2.4. Саморегулирование профессии
- 7.3. Мировоззренческий ярус профессиональной этики
- 7.4. Нормативный ярус профессиональной этики
- 7.5. Этика профессии в системе прикладных этик и общеобщественной морали

Лекция 8. Know-how – технологии прикладной этики

- 8.1. Этическое моделирование (этико-прикладные игры)
- 8.2. Этическая экспертиза
- 8.3. Этическое проектирование
- 8.4. Этическое консультирование
- 8.5. Этический консилиум
- 8.6. Мастер-класс
- 8.7. Этический практикум
- 8.8. Образ профессионала в сфере технологий прикладной этики

Лекция 9. Инфраструктура прикладной этики

- 9.1. Кодексы
- 9.2. Комитеты и комиссии
- 9.3. Кафедры прикладной этики
- 9.4. Ассоциации исследователей, преподавателей и практиков в сфере прикладной этики

Часть третья

Лекция 10. Политическая этика

10.1. Повестка дня

10.2. Кодексы политической этики

Лекция 11. Университетская этика

11.1. Повестка дня

11.2. Кодексы университетской этики

Лекция 12. Журналистская этика

12.1. Повестка дня

12.2. Кодексы журналистской этики

Лекция 13. Программа нового освоения ойкумены прикладной этики: очередной этап развития инновационной парадигмы

13.1. Этика воспитания

13.2. Этика предпринимательства

13.3. Этика госслужбы

13.4. Этика успеха

13.5. Этика инженера

Часть четвертая

«Рабочие тетради» инновационной парадигмы .....

Мастер-класс «Профессионально-этический кодекс государственного служащего»

Этико-прикладная игра «Профессионализм и/или гражданственность»

Проблемный семинар «Этика профессора в отсутствии полного алиби»

Консилиум «Этика и модернизация»

Консультативный проект для

Гражданского форума Тюменской области

Рекомендации к работе с проблематикой курса

Заключение

Введение

ЗАКОННАЯ ПЛАНЕТА В «КРУГУ РАСЧИСЛЕННЫХ СВЕТИЛ»

Инновационная парадигма прикладной этики: от идеи к учебному курсу

« – А, может, здесь и нет никакой морали, – заключила Алиса.

– Как это нет! – возразила Герцогиня. – Во всем есть своя мораль, нужно только уметь ее найти!

– Как она любит всюду находить мораль, – подумала Алиса».

ЗАДУМАЛ инновационный курс – не забывай об иронии сказочной Алисы. Более того, культивируй ироничность в ее духе.

Прежде всего потому, что такая ироничность – вполне вероятный настрой для потенциального читателя-слушателя, который вполне может посчитать демонстративную приверженность автора учебного пособия предмету своего курса *чрезмерной*, а настойчиво декларируемую инновационность представленной в курсе парадигмы прикладной этики – *фанатичной*.

И я готов принять такую иронию. И не пассивно, но активно вызывать ее на себя.

Но, может быть, ироничность в духе сказочной Алисы – допустимый настрой и самого автора курса в отношении взрывной актуализации, *бума* в развитии прикладной этики?

Бума долгожданного: вспоминая первые годы становления современной отечественной прикладной этики, годы *одиночества* совсем немногих авторов, продвигающих – точнее, *пробивающих* – идею возможности и необходимо-

сти развития этико-прикладного знания, нельзя не радоваться.

Тем не менее, в отношении этого бума допустима если и не ирония, то взвешенный скепсис. Ирония – в отношении мгновенного перехода этического сообщества от пренебрежения идеей прикладной этики к ее активному принятию и продвижению. Ирония – в отношении добровольного отказа ряда коллег-исследователей и авторов учебных программ и пособий от отечественного приоритета в инициировании и развитии оригинальной парадигмы прикладной этики. Скепсис в отношении чреватого банализацией отождествления *прикладной* этики с этикой *практической*. И в отношении попыток *редуцировать* инновационную парадигму к набору технологий и методов, пренебрегая ее теоретическими основаниями. Иронию и скепсис – в отношении не ослабевающего за долгие годы стремления отсечь инновационную парадигму прикладной этики от этического мейнстрима, отведя ей, в лучшем случае, роль Золушки. И т.п.

Бум в прикладной этике поддерживается признаками активного внимания общества к современным проблемам морального выбора. К ситуациям, возникающим в сфере индивидуальных нравственных исканий, в нравственном самоопределении общества, в сфере глобальной моральной проблематики; в профессионально-этических ситуациях инженерной, научно-образовательной, политической, предпринимательской, журналистской и т.д. деятельности; в острых современных ситуациях, ставших предметом *над*-профессиональных био- и экологической этики и т.д.

Внимания весьма активного: в печатных СМИ и в Интернете сегодня трудно не столкнуться с сюжетами на темы прикладной этики, связанными с разными сферами современной жизни. Нет, конечно, дискурс о вопросах прикладной этики по своей интенсивности не может (пока?) конкурировать с дискурсом об отечественной модернизации (даже если учесть, что собственно этико-прикладная проблематика часто скрыта – скорее по привычке – за словом

«этика»). Тем не менее *прикладная этика* стала темой, которую «открыли» для себя депутаты и бизнесмены, чиновники и пиарщики, медики и учителя, инженеры и экологи, гражданские активисты и университетские интеллектуалы... Внутрикorporативно и публично дискутируются моральные дилеммы профессиональной, надпрофессиональной и общеобщественной деятельности, проектируются профессиональные и корпоративные этические кодексы, формируются этические комитеты и комиссии, создаются офисы корпоративной этики, консультативные центры и т.д. (Правда, все это не обходится без практически бесполезных, скорее вредных, формально-бюрократических кампаний «в защиту нравственности».)

В то же время сам по себе феномен *бума*, один из признаков которого – вхождение прикладной этики в период академической легитимации, обретения статуса уже *законной* планеты «в кругу расчисленных светил», требует *рационального* отношения.

С одной стороны, говоря о *буме* прикладной этики, следует прежде всего иметь в виду его сосредоточенность на двух предметных областях – биомедицинской и экологической этиках. В целом ряде исследовательских публикаций и учебников само возникновение прикладного этического знания как такового связывается именно с развитием био- и экологической этики. Так, например, автор статьи «Прикладная этика» в Международной этической энциклопедии для характеристики предмета прикладной этики обращается прежде всего к вопросу о допустимости прерывания врачом жизни неизлечимо больного пациента по его требованию¹. И автор известной книги «Практическая этика» П.Сингер строит свою работу на проблематике био- и экоэтики². И в первом отечественном учебнике по этике,

---

¹ См.: International encyclopedia of ethics. Ed. J.K.Roth. London-Chicago: FD. Professional ethics. P.703-706.

² См.: *Singer P.* Practical ethics. Cambridge University Press, 1993.

включившем в качестве самостоятельного раздела проблематику прикладной этики, в качестве актуальных выделяются проблемы эвтаназии, аборт, трансплантации органов, смертной казни³.

Однако представление о связи возникновения прикладного этического знания именно с развитием био- и экологической этики по меньшей мере – преувеличение. И эффект такого представления противоречив. С одной стороны, становление био- и экоэтики действительно почти сразу сняло неприятие философской этикой идеи развития прикладного этического знания. С другой стороны, на основе активного развития биоэтики строится одна из парадигм прикладной этики – «этика открытых вопросов». Весьма перспективная парадигма. Но она фактически отождествляет себя с концепцией прикладной этики *как таковой*.

Бесспорны ли основания для такого отождествления? Анализ этого вопроса посвящен специальный параграф лекции 1. Но уже на этапе Введения уместно подчеркнуть: очевидно, что вопросы, исследуемые биоэтикой, экологической этикой, подлинно новые, причем многие из них действительно «пограничные», однако корректнее было бы говорить не о *рождении* прикладной этики в связи с этими новыми вопросами, но о взрывном характере обращения исследователей и широкой общественности к этико-прикладной тематике. Так было бы более корректно уже потому, что этико-прикладная проблематика имеет своим предметом вопросы, возникшие намного раньше XX века. Многообразие вопросов, рожденных становлением и развитием Современности.

В инновационном курсе проводится идея о возникновении и развитии прикладной этики в связи с *интегральным* фактором Современности: социокультурной динамикой морали и порожденными ею ситуациями мо-

---

³ См.: Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 1998.

рального выбора, предполагающими возрастание роли свободного выбора и меры ответственности за него.

Еще раз: актуализация прикладной этики далеко не исчерпывается ни био-, ни экоэтикой. В панораме многообразия запросов современной морали на этико-прикладное знание наряду с био- и экоэтикой представлены и традиционные темы политической, журналистской, инженерной, предпринимательской и т.п. этик, а также этика модернизации, этика успеха и т.д. Несколько предварительных аргументов (они развиваются в Лекции 6).

* «Шаг за шагом: журналист делает выбор» – характерное название одного из учебных пособий по журналистской этике (*курсив в заголовке этой книги мой.* – В.Б.). Авторы мотивируют свою работу следующим образом: «Чем больше влияние рыночных отношений на СМИ, тем большая ответственность ложится на Журналиста, когда ему предстоит сделать этический выбор»⁴. «Говорящее» название одной из глав еще одного пособия: «Проблемы морального выбора, возникающие в результате экономического давления на СМИ»⁵. Название, за которым важнейшая проблема профессии в современном обществе, одна из противоречивых по своим последствиям основ которого – рыночная экономика.

* Другой пример – из сферы этики образования. Актуальная дилемма самоопределения современного университета: «Университет – “хозяйствующий субъект” на рынке “образовательных услуг” или научно-образовательная корпорация, сориентированная на ценности *высокой* профессии?»⁶. Дилемма, которая ставит перед прикладной этикой

---

⁴ См.: Шаг за шагом: журналист делает выбор. Маастрихт, 1996.

⁵ См.: Кумылганова И.А. Профессиональная этика журналиста в США. Учебно-методические материалы к спецкурсу. Институт проблем информационного права. Сер. «Журналистика и право». Вып. 55.

⁶ См.: Самоопределение университета: путь реально-должного.

проблему соотношения требований двух нормативно-ценностных (под)систем: корпоративной этики организации и этики профессии в одном университетском кодексе.

* Особое место в формирующейся «повестке дня» прикладной этики занимают ситуации выбора в масштабе общественной морали. Например, возможность и необходимость идентифицировать ситуацию российской модернизации в пафосных категориях «моральная миссия», «ситуация морального выбора». Если ситуация Перестройки предполагала самоопределение нашего общества к альтернативе «социалистическая мораль – мораль общечеловеческая»⁷, то ситуация Модернизации предполагает его самоопределение к альтернативе: «неотрадиционалистская парадигма “нравственных основ” модернизации» – «парадигма публичной (общественной) морали современности, морали гражданского общества»⁸.

Проявление взрывной актуализации, «бума» – многообразные учебные программы курсов прикладной этики в целом или ее отдельных направлений во многих университетах. Растет число учебников и учебных пособий – многие из них будут названы и прокомментированы в разных лекциях курса.

Нельзя не выделить отдельной строкой событие: Министерство науки и образования инициировало специальное направление высшего профессионального образования 003700 Прикладная этика – квалификация (степень) магистр. Приказом Минобрнауки от 29 марта 2010 г. введен в действие Федеральный государственный стандарт высшего

Кол. мон. / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень. НИИ ПЭ, 2008. С. 92.

⁷ См.: Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

⁸ См., напр.: Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010.

образования по направлению подготовки «Прикладная этика».

ОДНАКО вынесенная в заголовок Введения характеристика степени академической легитимности прикладной этики как законной планеты «в кругу расчисленных светил» может оказаться поспешно-поверхностной без специального уточнения. Судя по программам многих учебных курсов и содержанию ряда учебников, долгожданное внимание общества к вопросам прикладной этики обременено двумя трендами.

Первый из них – многогранная банализация прикладной этики как следствие обманчивой простоты уже самого термина «прикладная этика». «В этой книге я собираюсь показать, что понятие, которое мы рассматриваем как очевидное и ясное (если вообще его рассматриваем), отнюдь не является таковым; что его внешняя понятность происходит исключительно от частого употребления; ...что оно гораздо более не однозначно, нежели мы готовы признать», – писал З.Бауман о понятии свободы⁹. И признак обманчивой простоты применительно к словосочетанию «прикладная этика» побуждает потрудиться над преодолением милой «незабоченности» стихией многообразия значений, в которых это словосочетание употребляется, над размытостью образов прикладной этики.

Даже беглый обзор научной и учебной литературы позволит обнаружить целый ряд вариантов проявления ситуации обманчивой простоты.

* Самые явные случаи: массово распространяемое отождествление прикладной этики с «практической философией», позволяющее ряду авторов относить к сфере прикладной этики вопросы типа «что есть благо? что есть долг?»; характеризовать «виртуальную этику» как область прикладной этики, в задачи которой должна входить мо-

---

⁹ Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2008. С.13.

рально-философская рефлексия; трактовать прикладную этику как этику актуальных практических проблем и т.п.

* Стоит выделить и не различие аппликации и приложения в характеристике прикладной этики.

* Или случай банализации предмета прикладной этики за счет неотрефлексированной трактовки профессиональной этики как прикладной. Без последствий такая простота не дается. Например, у автора известного учебника по деловой этике в одном ряду оказываются деловая, медицинская, техническая этики¹⁰. В итоге – уход от различения деловой и профессиональной этик, оставляющий, например, без внимания обсуждение известного тезиса о том, что цель бизнеса – выгода, а цель, например, медицины – здоровье пациента.

* Случай противопоставления прикладной этики этике профессиональной, согласно которому профессиональная этика – для самих профессий, а прикладная этика – «для всех, кто не является членами этих профессий, кто находится вне их, но кто кровно заинтересован в том, как будут идти дела в этих профессиях»¹¹.

Имеющее важный смысл для соотнесения биоэтики с медицинской этикой такое противопоставление за пределами этого отношения рискованно выведением профессиональных этик из сферы этико-прикладного знания, а потому редукцией их природы к набору дополнительных или исключительных норм.

* Выделю и предложенную в качестве стратегии преподавания практических аспектов этики позицию «От “прикладной” к “практической”»¹². В этой позиции я вижу тради-

---

¹⁰ Де Джорж Р.Т. Деловая этика / Пер. с англ. / В 2 т. Т.1. СПб.: Экономическая школа, М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. С.49.

¹¹ См.: Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1: Биоэтика и экоэтика. М., 1998. С. 44-45.

¹² См.: Кэллахан Дж. От “прикладной” к практической: преподавание практических аспектов этики // Этическая мысль. Вып. 9. М.: ИФ РАН, 2009.

ционную версию этики как «практической философии», легко отменяющую сложный феномен прикладной этики с помощью ссылки на «ошибочное понимание», которое порождено «самим названием “прикладная этика”, наводящим на мысль, что занятие такой этикой предполагает простое приложение общих нормативных теорий к различным вопросам, вызывающим текущий общественный интерес».

Полагаю, что противопоставляемая так упрощенно трактуемой прикладной этике «практическая этика» как исследование, «которое напрямую направлено на решение конкретных проблематичных с моральной точки зрения ситуаций и безотлагательных моральных вопросов», и не отменяет прикладной этики, и не заменяет ее, если только подвергнуть критической рефлексии сам образ практичности этики, подразумеваемый этой позицией.

В лекциях 1 и 3 тезис о не сводимости «прикладной этики» к «этике практической» будет обстоятельно аргументирован.

* И еще один из случаев банализации – весьма заметная в некоторых учебниках эклектическая ипостась разных парадигм прикладной этики. Предположу, с минимумом иронии, что среди причин проявления такой эклектичности в рамках какого-либо одного учебника – невнимание к особенностям статьи «Прикладная этика» в Энциклопедическом словаре «Этика». А статья эта состоит из двух текстов, отражающих разные парадигмы (первый текст – А.А.Гусейнова, второй – В.И.Бакштановского и Ю.В.Согомонова), которые некоторые авторы просто «склеивают», «изобретая» для себя некую единую позицию. Поступили бы они так, обратившись к «Новой философской энциклопедии», где эти тексты представлены отдельно?

В целом риски банализации как следствия «обманчивой простоты» выражаются, с одной стороны, в том, что авторы проектов, посвященных «отраслевым» прикладным этикам (чаще всего не являющиеся профессиональными этиками), нередко пренебрегают этической идентичностью своих раз-

работок, продуцируя параморальные «правила игры», «функционально желательные стандарты поведения», «регламенты»; с другой – наконец-то заинтересовавшиеся сферой прикладной этики моральные философы нередко пренебрегают интервалом эффективности формата-метафоры «этика – практическая философия». Тем самым оба вида риска обременены эффектом квази: либо квазиэтика, либо квазиприкладная,

Второй тренд, в чем-то пересекающийся с первым – активно продвигаемый инерционный сценарий развития этой исследовательской и учебной дисциплины. Инерционный – экстенсивный, пассивный – сценарий предполагает движение по накатанной за последние годы трассе за счет расширения предметного поля прикладной этики, прежде всего, путем освоения достижений наших зарубежных коллег. Суть этого сценария – намеренная (или просто не от-рефлексируемая) экстенсивная модернизация этики в ее традиционной роли «практической философии».

В последние годы я неоднократно выступал на российских и международных конференциях с категоричной оценкой ситуации в современном этико-прикладном знании как ситуации проблемной. Речь шла о том, что охвативший постсоветское пространство бум прикладной этики обретает признаки «большого скачка». Рискованным – «благодаря» методологии «большого скачка» – последствиям его участники чаще всего не придавали должного значения, прежде всего основаниям идентификации современных образов «практической философии» как этики прикладной. А потому «обходились» без специального анализа множественности сформировавшихся парадигм прикладной этики.

Острота этой проблемной ситуации (ее анализ – в специальном параграфе лекции 1) мотивирует уже на этапе Введения вывод о доминировании именно инерционного сценария, в рамках которого традиционный образ этики как «практической философии» приспособляется для ответов на новые запросы, и весьма категоричный тезис, что

научный, образовательный и прагматический эффект такой адаптивности весьма ограничен.

Даже эскизные характеристики работающих в рамках иннерционного сценария парадигм прикладной этики, прямо или косвенно проявленных в теоретической и учебной литературе (обстоятельное обсуждение ждет нас в параграфе 2 лекции 1): прикладная этика – современная разновидность практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы; предметным полем прикладной этики является императивно-ценностное содержание конкретных, профессионально и предметно определенных, социальных практик с целью их этической рационализации; прикладная этика – использование общеэтических концепций для решения конкретных практических ситуаций – позволяет утверждать, что инерционный сценарий отличает слабая отрефлексированность самого феномена приложения, прежде всего соотношения «прикладной этики» и «практической этики».

Концептуальное упрощение предмета прикладной этики – наиболее беспокоящая меня цена «бума» как в развитии этико-прикладного знания, так и в реализации его в образовательных программах.

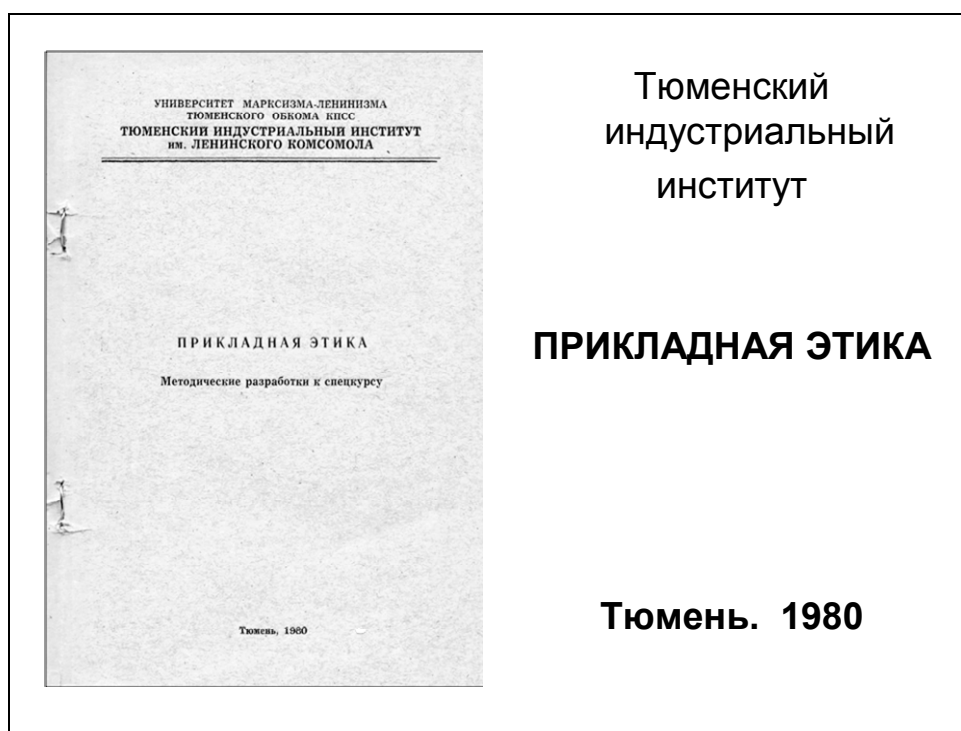
Эта цена – прямое следствие «большого скачка» в судьбе прикладной этики. Неизбежный в жизненном алгоритме всякой инновации, он проявился и в отношении инновационной концепции прикладной этики. Вспомним «народную мудрость» из фольклора науковедов: *всякая инновация проходит три фазы. Первая: «что за ересь?!», вторая: «что-то в этом есть», третья: «кто же этого не знает».*

Мгновенный скачок отечественного этико-прикладного знания от первой к третьей фазе этого вполне рационально описанного алгоритма объясняет то обстоятельство, что авторы ряда учебников и учебных пособий либо вообще

проходят мимо рефлексии природы прикладной этики, либо склонны к эклектическому соединению ее парадигм. А что касается единичных концептуально проработанных учебников, то и они прямо или косвенно просто отождествляют предмет прикладной этики с практическим применением этико-философского знания к современным проблемам.

Готовы ли участники «большого скачка» принять такую мою ироничную квалификацию в свой адрес? Но спокойно принять ее можно лишь через рефлексию иного, *инновационного* сценария развития прикладной этики, сценария, истоки которого отражены на следующем ниже слайде.

ЭТОТ СЛАЙД поможет мне напомнить коллегам магистра(нта)м времена первой фазы алгоритма восприятия профессиональным сообществом этиков идеи прикладной этики. В те совсем еще недавние времена – это было три с половиной десятилетия назад – о создании нормального курса прикладной этики можно было только мечтать.

Сохранившаяся, скорее всего, только на моей книжной полке стостраничная брошюра в выцветшем растрепанном переплете, на котором проглядываются скобы¹³, написана в 1980 году и адресована студентам Тюменского индустриального института и слушателям вечернего университета марксизма-ленинизма. Однако, во-первых, реальной возможности включить целиком такой курс в программу не было. А, во-вторых, уточняющий статус этой публикации формат «методички» не был выбором по доброй воле: он скорее вынужденно *заменял* полноценную книгу по прикладной этике. В те годы издать таковую не удавалось по простой причине – *еретичности* самого предмета. *Еретичности* – с точки зрения ряда лидеров отечественной философской этики. *Еретичности* – с точки зрения высокопоставленного функционера ЦК КПСС, оказывающего долго не ослабевающее сопротивление развитию прикладной этики – с использованием «партийно-административного ресурса», в том числе через давление на издательства. Характерно, что для первой столичной публикации моей работы по прикладной этике¹⁴ издательство приняло беспрецедентное решение подстраховаться послесловием. Мотивируя «необходимость такого добавления тем обстоятельством, что высказанные автором положения находят далеко не однозначную оценку»¹⁵. И совсем не случайно мне пришлось пойти на маскировку подлинного названия: на обложке – более или менее нейтрально сформулированная тема:

---

¹³ *Бакштановский В.И.* Прикладная этика. Методические разработки к спецкурсу. /Отв. Ред. Ю.В.Согомонов. Тюмень: ТИИ, 1980.

Характерное примечание в электронном каталоге Библиотечно-издательского комплекса ТюмГНГУ: Прикладная этика [Текст]: методические разработки к спецкурсу. Тюмень: [б. и.], 1980. – 100 с. Список лит. с. 100-102.: «**Свободных экз. нет**».

¹⁴ *Бакштановский В.И.* Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы.

¹⁵ См.: *Щербак Ф.Н.* Послесловие // *Бакштановский В.И.* Этика как «практическая философия. С.54.

«Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы».

Зачем я сегодня напоминаю об этих давних работах? Чтобы точнее объяснить актуальную проблемную ситуацию с характерным для нее доминированием инерционного сценария развития прикладной этики.

Объяснить так:

заметная интенция догоняющего – относительно западного опыта – развития в отечественной прикладной этике не была и не является безальтернативной.

Многие читатели учебных пособий на слово поверили и, вероятно, до сих пор верят в пафосно декларированный авторами этих пособий (в свою очередь повторяющих автора книги-обзора одной из тенденций западной прикладной этики) приоритет зарубежных коллег в инициировании прикладной этики. Но эти декларации не соответствуют реалиям становления отечественной прикладной этики.

Предпринимаю уже во Введении это *патриотически* акцентированное заявление не только ради исторической справедливости, но чтобы помочь постсоветскому этическому знанию и этико-прикладному образованию, *в том числе и магистр(ант)ам, и профессорам*, избежать вольного-невольного предпочтения стратегии «догоняющей теории». Если от «догоняющей модернизации» стране пока

не удастся уйти по объективным причинам, то отечественной прикладной этике, при самом честном признании очевидных успехов в развитии прикладной этики за рубежом¹⁶, нет здравых оснований считать себя обреченной лишь на освоение зарубежного мейнстрима, отказываясь от собственного потенциала и исследовательского – теоретического, и проектно-ориентированного, и от разработок в сфере технологий этико-прикладного знания, вполне соответствующих формату научно-практических изобретений. Отказываясь от давно уже вполне институализированного (в трех продолжающихся изданиях, в организационных формах: лаборатория – центр – НИИ, в целом ряде авторских и коллективных монографий и т.д.) потенциала, не отстающего от зарубежного опыта ни по времени возникновения, ни по эффективности.

Кстати, редакторы отечественного энциклопедического словаря «Этика» попытались повлиять на этический мейнстрим не только включением в содержание «Словаря» серии статей о прикладной этике, но и представив две версии ее предмета, зафиксировав тем самым академическую легитимность инновационной парадигмы. Аналогично поступил и научно-редакционный совет «Новой философской энциклопедии».

Я решился на почти пафосное патриотическое заявление от имени своего курса уже потому, что он обращен не только к магистрантам, но и к магистрам и профессорам. *Профессорам* не только по критериям отечественной университетской иерархии, но и американской. И даже шире. Это заявление, задающее моему курсу определенный настрой и энергию, обращено ко всем, кто так или иначе вовлечен в этико-прикладную проблематику: исследователям; преподавателям различных сфер прикладной этики; теоре-

---

¹⁶ Достаточно помнить четырехтомную Энциклопедию прикладной этики: *Encyclopedia of Applied Ethics / Editor-in-Chief R. Chadwick. San Diego: Academic Press. 1997.*

тикам и практикам профессий и надпрофессиональных видов деятельности, продуцирующим проблемы прикладной этики. И это «так или иначе» – не просто случайный подбор. Фактически я обращаюсь к потенциальным участникам условной экспертной системы, определяющей судьбу прикладной этики: авторам уже практикуемых парадигм прикладной этики и тех парадигм, которые уже задуманы; исследователям этико-прикладной проблематики, работающим в какой-либо из этих парадигм; экспертам, рефлексирующим прикладную этику из своих позиций в конкретных профессиональных сферах; экспертам, которые пришли к прикладной этике не от теории этики, а от других разделов философии (или других гуманитарных наук, или даже от негуманитарных областей); авторам учебников по прикладной этике или по ее отдельным направлениям; разработчикам магистерских программ, преподавателям курсов прикладной этики: этика журналиста, компьютерная этика, этика науки, этика техники, политическая этика, экологическая этика, биоэтика, этика PR и т.д.; консультантам по бизнес-этике, политической этике, экологической этике и т.д.

***Предварительные тезисы
к амбициозным притязаниям
курса на статус инновационного***

Необходимость этих тезисов уже на этапе Введения к курсу – следствие инновационного характера самого предмета курса – во-первых; обращенности курса не только к магистрантам, *но и к моим коллегам* – исследователям и преподавателям курсов прикладной этики, экспертам этических инфраструктур, консультантам и т.д. – во-вторых.

Прежде всего отмечу, что сознаю риск характеристики курса в качестве инновационного – велика ее уязвимость «благодаря» профанации этого термина, его скомпрометированности неадекватным употреблением.

Сознаю и риск восприятия инновации в уже упомяну-

том выше алгоритме восприятия нововведений. Применительно к инновационной парадигме этап «кто же этого не знает» уже оборачивается ее *освоением* в значении, знакомом нам по роману братьев *Стругацких* «Улитка на склоне».

Но решаюсь на риск декларации инновационного характера парадигмы по ряду мотивов, во многом *связанных между собой*.

Один из мотивов: и сегодня, как двадцать-двадцать пять лет назад, образ инновационной парадигмы редуцируется до набора методов и технологий, при этом предполагается, что и без этих технологий *Большая, Настоящая и проч.* Прикладная этика вполне может и обойтись.

Другой мотив: в инициированных на страницах «Ведомостей» НИИ ПЭ дискуссиях о природе прикладной этики выдвинут тезис об отсутствии принципиального конфликта между инновационной парадигмой и парадигмой, которую автор называет «парадигма практической этики». Тем самым снимается и проблема двух сценариев.

Еще один мотив: инновационной парадигме прямо или косвенно предлагается поискать себе скромное местечко в мейнстриме доминирующих парадигм, «заслуживая» это место смиренным принятием роли одного из технологических проработанных путей, каналов связи этики с практикой.

Интегральный мотив: необходимость преодолеть тенденцию к *снятию* самой ситуации противоположности двух сценариев, не поддаваться вольному-невольному стремлению «пристроить» инновационную парадигму как *технологическое дополнение* к парадигмам, заявляемым в качестве мейнстрима. Даже если наиболее продвинутые версии «практической этики» решатся «внести коррективы», предпринять «минимальные поправки к пониманию практической этики», это не заменит и не отменит миссию прикладной этики, которая вдохновляет инновационную парадигму.

ПЕРВОЕ основание амбициозных притязаний курса –

потенциал идеи инновационного сценария развития прикладной этики в его соотнесении с *инерционным* сценарием.

В рамках инерционного сценария трудно преодолеть риски двух коэволюционных тенденций. Рискованный момент укрепления первой из них – квазиприкладной этики: стремление удержать этическую идентичность прикладных этик оборачивается затруднениями в сфере собственно *приложения*. Рискованный момент укрепления второй тенденции – квазиэтики: стремление к прагматичности этико-прикладных проектов нередко оборачивается их параморальностью.

Такой диагноз-прогноз – основание вывода о необходимости *иного* сценария развития прикладной этики, предполагающего напряженный *поиск пути* между выведением прикладной этики из понимания этики как «практической философии», с одной стороны, и из частно-научного знания – с другой. Поиск *маршрута*, не «отменяющего» ни практичность философской этики, ни моральную рефлексивность частных наук, но ориентированного на изобретение именно *прикладной* и именно *этики*.

Преодолеть инерционный сценарий, не дожидаясь пока его «догоняющий» ресурс иссякнет, значит проектировать сценарий *инновационный*.

ВТОРОЕ основание – самоидентификация инновационной парадигмы как системного нововведения, идея которого опирается на вполне определенный смысл прилагательного «прикладная» применительно к существительному «этика», на ноу-хау в работе с феноменом *приложения* в этике, имеющем две стороны – моральную практику и этическое знание.

Краткая характеристика системного нововведения выражается (этой теме специально посвящена лекция 3), во-первых, в тезисе о социокультурном процессе *конкретиза-*

ции общественной морали в ее нормативно-ценностных подсистемах, регулирующих и ориентирующих сегментированные сферы общества.

В таком подходе *акт приложения* – конкретизации – выступает как *акт креации* прикладных структур морали.

Во-вторых, в тезисе о развитии системы этического знания за счет производства этико-прикладного знания, включающего:

как теорию конкретизации морали и воплощающие идею конкретизации морали концепции, описывающие каждую из прикладных этик=моралей;

так и проектно-ориентированное знание и фронестические технологии приложения; знания и технологии, ориентированные и приуроченные для исследования и преобразующего воздействия на нормативно-ценностные подсистемы¹⁷.

Зачем выделять именно теорию конкретизации морали и концепции, описывающие прикладные морали? Я намеренно сделал это в ответ коллегам, вольно или невольно редуцирующую инновационную парадигму.

ТРЕТЬЕ основание амбициозных притязаний курса – целенаправленная ориентация этико-прикладного знания на роль своеобразной «производительной силы» относи-

---

¹⁷ Презентация этого образа инновационной парадигмы в специализированных журналах: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вопросы философии. 2007. № 9; Они же: Прикладная этика: инновационный сценарий развития // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2009. № 6; *Бакштановский В.И.* Современная прикладная этика: экстенсивная модернизация «практической философии» и/или инновационная парадигма? // Практична філософія. 2010. № 2.

тельно той или иной профессиональной или *над*профессиональной практики.

Иначе говоря:

такой практической устремленности прикладной этики, которая проявляется в подчинении задачи *познания* «малых» – и других – подсистем задаче их *развития* через разработку и применение проектно-ориентированного этического знания. В том числе через конструирование моделей инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, разработку технологий связи этического знания с моральной практикой.

СУЩЕСТВЕННУЮ роль в ряду оснований для притязания курса на статус инновационного играет концептуальная характеристика прикладной этики как *фронестики морального выбора*. Эта характеристика исходит из тезиса:

modus vivendi прикладной этики в ее инновационной парадигме – ситуация морального выбора. Ситуация выбора – универсальный запрос-вызов прикладной этике и универсальная структура приложения.

Краткое развертывание этого тезиса.

* Ситуация морального выбора – предпосылка *креации* прикладной этики (морали) уже потому, что предполагает *акт приложения* как *конкретизации* универсальной (общественной, общечеловеческой) моральной системы применительно к «малым» нормативно-ценностным системам.

В то же время в природе морального выбора важно видеть не только *предпосылку*, но и одно из *оснований* прикладной этики, *способ ее существования*. И, может быть, даже так: способ существования прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как *науки и искусства приложения*.

Две иллюстрации. Одна из них – из сферы профессио-

нальной морали. Статус журналиста как субъекта морального выбора – ключевой индикатор идентификации профессиональной этики журналистов. А ситуация выбора – способ ее существования, именно этим и отличающийся от множества пара- и внеморальных регулятивов: «правил игры», «стандартов поведения», «регламентов» и т.п. Журналист – Субъект Выбора (оба слова намеренно написаны с большой буквы): выбора миссии журналистики; выбора профессии; выбора в дилемме «служение в профессии» – «жизнь за счет профессии», выбора в конкретной профессионально-нравственной ситуации.

Другая иллюстрация – из сферы общеобщественной морали. В актуальном дискурсе о модернизации сформулировано концептуальное противостояние двух этических программ: консервативной версии этики модернизации и либеральной версии этики модернизации.

Первая из этих программ предпочитает характерный *для обычая* тип императивности «поступай как все!» и общинный тип солидаризма нормам рациональной морали рыночного, «открытого» общества. Ориентирует на патерналистски определяемое долженствование – в противоположность его самостоятельному поиску. Предлагает применительно к модернизации патерналистскую этическую стратегию, в рамках которой человек не только лишен свободы морального выбора, но обречен на статус *объекта* и *инструмента* модернизации.

Вторая программа предполагает *эмансипацию* свободы морального выбора как фундаментальной ценности гражданского общества, *проект* культивирования морального потенциала ситуации выбора в стратегии Модернизации.

* Очевидно *риторичен* вопрос о том, может ли и должно ли этико-прикладное знание дать моральному субъекту нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как «бремени», передав ответственность за выбор всецело самому субъекту. Важно уточнение: передать ответственность за выбор всецело самому субъекту этико-

прикладное знание не только может, но и должно – чтобы не подменить нравственные искания личности, сообщества, общества в целом. Но вполне может – и должно – создавать многообразные *технологии приложения*: технологии *исследования* прикладных этик (моралей) – во-первых; технологии *проектирующего воздействия* результатов этих исследований на практику «малых систем» – во вторых. Технологии *фронестические*. Технологии, продуцирующие потенциал *испытания выбором* как ноу-хау инновационной парадигмы.

Личностный момент: в характеристике морального выбора как *modus vivendi* прикладной этики органично сплелись два направления моего пути в этике (в теоретических исследованиях, в экспертно-консультативной и проектной работе, в учебной деятельности): моральный выбор и прикладная этика. Вероятно, решительный синтез этих направлений можно связать с эпохой Перестройки, которую я трактовал как ситуацию морального выбора¹⁸.

В РЯДУ важных оснований амбициозных притязаний – сосредоточенность курса на *процессе креации* инновационной парадигмы прикладной этики.

В этой сосредоточенности я, конечно, нарушаю описанный Г.С.Батыгиным в характерном для него ироническом стиле формат учебника. «Если в монографиях научную новизну можно и нужно терпеть, в учебниках она становится нестерпимой. Учебник – это формирование текстового канона... Функция учебника – создавать таких, как мы, иными словами, автор учебника должен сделать все возможное, чтобы следующее поколение научных сотрудников

---

¹⁸ См.: Перестройка как ситуация выбора: проблемы гуманитарной экспертизы и консультирования. Послесловие редактора // Самолторский практикум / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1987.

было не лучше его. К счастью, хороших учебников не бывает (бывают плохие и очень плохие)»¹⁹.

В ситуации *становления* отечественного этико-прикладного знания учебник по прикладной этике не должен подавать свое содержание как некое сакральное знание. Более адекватным представл яется курс, включающий и магистр(ант)а и профессора в процесс *исследовательского* поиска его автора(ов). И доминировать в таком курсе должна информация с исследовательского стола самого автора(ов) плюс информация о процессе и результатах совместной работы автора(ов) с заинтересованными в *самопознании* практиками конкретных профессий, с профессиональными ассоциациями, с коллегами по прикладной этике, вовлеченными в инициированные инновационной парадигмой проекты. Отсюда особая роль в учебном пособии эмпирических материалов, отражающих экспертные опросы, этико-прикладные игры, консилиумы, этическое проектирование и т.п.²⁰.

Следствие выбора именно такого формата – включение в учебное пособие (отнюдь не только в лекцию 2) фрагментов рефлексивной биографии инновационной парадигмы, сюжетов о ее становлении и развитии, с фиксацией результатов креации этико-прикладного знания на некоторых темах. Речь идет, во-первых, о конкретных проектах Центра

---

¹⁹ См.: Батыгин Г.С. Эмос науки // Этика науки. Ведомости. Вып. 18 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. С. 55-56.

²⁰ См. примеры такого рода совместной работы в коллективных монографиях «Становление духа университета: Опыт самопознания» / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, Центр прикладной этики, 2001; «Самоопределение университета: путь *реально-должного* /Под ред. В.И. Бакштановского,Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2008; «Будь лицом!»: Рабочие тетради Гражданского форума /Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2004; в обзорах ректорских семинаров в ТюмГНГУ, обзоры которых представлены на страницах «Ведомостей» НИИ ПЭ.

прикладной этики (в трех его ипостасях) и НИИ ПЭ, в том числе об экспертных опросах и этико-прикладных играх. Во-вторых – о представлении потенциала и результатов инновационной парадигмы через проекты *нового освоения* ойкумены прикладной этики (см. часть третья).

НАКОНЕЦ, еще одно основание. Начиная со спецкурса, обложка которого представлена на слайде в начале Введения, инновационная парадигма предлагает *модель компетентности профессионала* в сфере прикладной этики, определяемую *миссией прикладной этики* как своеобразной «производительной силы» относительно той или иной профессиональной или *над*профессиональной практики.

Компетентность в продуцировании и применении *системного* ноу-хау инновационной парадигмы – основной признак продвигаемой в курсе модели профессионала.

Признак, требующий и сегодня актуализации далеко не очевидной для профессионального сообщества исследователей, разработчиков учебных программ, авторов учебных пособий и преподавателей, экспертов этико-прикладной инфраструктуры идеи о том, что *ноу-хау – способ существования прикладной этики*.

Как видно из подзаголовка к названию курса, *апология* инновационной парадигмы – так вполне можно квалифицировать задачу курса – адресована не только тем, кто *изучает* прикладную этику, но и тем, кто программирует и/или преподает ее, и тем, кто консультирует и проектирует инфраструктуры прикладной этики. Предлагаемая в учебном пособии модель компетентности профессионала ориентирована как на тех, так и на других.

Модель компетентности, предполагающая трансформацию исследователя, преподавателя прикладной этики, специально подготовленного практика и т.п. в активного и технологически оснащенного профессионала социально-проектировочной деятельности. *Компетентности про-*

фессиионала, исходящего из задачи не просто *выявлять* объекты для реализации прикладных задач этики и не просто *реагировать* на течение нравственной жизни в формах нормативной этики, но активно *участвовать* в преобразовании прикладных этик (моралей) и общеобщественной морали. Участвовать, *опираясь* на потенциал проектно-ориентированного знания, его ноу-хау-технологии.

Владение конкретными технологиями – этико-прикладной экспертизы, консультирования, проектирования, моделирования и т.д. – атрибут модели компетентности профессионала, подготовленного и работающего в инновационной парадигме. Причем компетентность в продуцировании и применении этих технологий не может быть оторвана от их фронестической природы: *акт приложения* происходит в непосредственном *сотрудничестве* исследователей, работающих в сфере этико-прикладного знания, и представителей той или иной сферы деятельности, профессии, над-профессионального вида деятельности. Само это сотрудничество, собственно говоря, является одной из таких технологий.

***Фронестика в действии:
учебно-методические ориентиры
проектирования курса***

ОДИН ИЗ ориентиров проектирования курса – избранный для учебного пособия статус «Введения». Но *введения* в определенном смысле.

В практике написания Введений один из распространенных случаев – популярное изложение уже разработанных и широко принятых концепций. Этот вариант применительно к этико-прикладному знанию еще только зреет.

В биографии инновационной парадигмы прикладной этики было два этапа публикаций в статусе «Введений». Первый – «Введение» как предъявление публике *начальных* стадий формирования новой концепции, когда она еще

только конституируется, ведя энергичный поиск и апробацию методов, осознавая специфику как теоретизирования, так и практического применения полученных исследовательских результатов²¹. Второй – предъявление уже не *начала*, но определенной *зрелости* теории, создающее возможности актуализации рефлексии теоретико-методологических оснований инновационной парадигмы²². И вот новый случай.

Статус «Введения» предполагает здесь, во-первых, *учебную* версию концепции, достигшей определенной зрелости. Во-вторых, перспективу *развернутого* курса, которому предстоит представить инновационную парадигму. А потому включающую *эскизы будущих* лекций, посвященных другим «территориям» нового освоения ойкумены прикладной этики. «Территориям», с которыми непосредственно связана *биография* парадигмы: этика успеха, этика воспитания, этика бизнеса, этика госслужбы, проблема морального выбора и т.д.

При этом статус *Введения* определяется вполне определенным концептуальным *инвариантом* будущих лекций развернутого курса: «общим стволом» для бизнес-этики, этики воспитания, этики инженера и т.п. «Стволом», которым служит не философская этика, а сама инновационная парадигма. Тем самым обеспечивается соединение инновационного сценария развития этико-прикладного знания с соответствующими инновациями в этико-прикладном образовании.

УСТАНОВКА «фронестика в действии» в проектировании курса предполагает особое внимание к формату взаи-

---

²¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск: Изд-во ТГУ, 1986.

²² См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ ТЮМГНГУ, 2006.

модействия автора учебного пособия и тех, кто с этим пособием работает. Этот формат, как уже было сказано выше – *сотрудничество*. Подчеркну: курс, опирающийся на многолетний опыт инновационной парадигмы, ее ноу-хау, принципиально исходит из установки именно на творческое, а не просто учебное, соавторство.

Первый аргумент: курс предполагает «приглашение к самоопределению» как значимую учебно-методическую особенность. Подчеркну: курс *стремится повлиять* на результат самоопределения – в пользу инновационной парадигмы.

В качестве примера – *парадигмальное* самоопределение, к которому курс приглашает аудиторию исследователей и практиков в сфере экологической этики и, разумеется, магистр(ант)ов и профессоров. В учебном пособии представлены материалы моего выступления на пленарном заседании международного научного семинара «Экологическая этика» (Вильнюс, февраль 2009). Тема доклада «Этико-прикладная идентификация экологической этики: приглашение к рефлексивному самоопределению» – с намерением провести публичный этико-прикладной *аудит* публикаций по теме семинара.

Формирование ситуации парадигмального самоопределения и технология влияния на его результаты обеспечивались в докладе *определенным алгоритмом*, шаги которого оформлены в серию слайдов. Их заголовки: «Значения, в которых экологическая этика идентифицируется как прикладная» – «Парадигмы прикладной этики» – «Смысл прилагательного “прикладная” применительно к существительному “этика” в парадигме НИИ ПЭ» – «Варианты соотношения терминов “прикладная этика” и “практическая этика”» – «Критерии определения интервала эффективности идентификации экологической этики как прикладной» – «Признаки проектно-ориентированного знания» – «Технологии прикладной этики» – «Элементы предпроектного “техзадания” на проектирование Кодекса экологической

этики, исходя из понимания особенностей проектно-ориентированного знания» – «*Опережающее ограничение* к выводам критиков» (примечание к этому этапу алгоритма: речь *не* идет о самоопределении экологической этики в *альтернативном* формате – либо парадигма А, либо парадигма Б и т.д., но о целесообразности классифицировать задачи, адекватные для каждой из парадигм прикладной этики).

Вывод докладчика: возможно, экологической этике только еще предстоит стать прикладной этикой – по критериям инновационной парадигмы. Возможно, она уже сегодня является и обновленной моральной философией, и прикладной этикой. Но риска стать квази*прикладной* этикой она сможет избежать лишь в результате парадигмального самоопределения.

Второй аргумент в пользу методической установки курса именно на творческое, а не просто учебное, соавторство: подчеркнутая выше сосредоточенность курса на представлении *процесса* креации инновационной парадигмы в целом и конкретных ее проектов. На предъявлении *результатов* развития парадигмы в контексте постоянной атмосферы дискуссионности, в которой она возникла и живет, в том числе дискуссионности, инициированной самими авторами парадигмы.

В качестве одного из примеров: в разных лекциях представлен цикл проектов, посвященных креации кодексов этики журналистов, госслужащих, депутатов, университетской этики. Каждый кодекс создавался в атмосфере специально организованных дискуссий исследователей и практиков; стенограммы и обзоры этих дискуссий рекомендованы в качестве самостоятельных заданий к соответствующим лекциям.

Кстати, в особом внимании к *процессу* развития инновационной парадигмы – одно из оправданий так не любимого издателями учебников обильного цитирования, в том числе самоцитирования.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ учебно-методических ориентиров проектирования курса предполагает их обращенность не только к профессорской части его потенциальной аудитории, но и к магистрантам. И в случае с этой «другой частью» курс исходит из сочетания традиционного способа образования с *тьюторством*, предполагающим наставническое и/или консультативное сопровождение процесса самостоятельного освоения магистрантом основ инновационной парадигмы прикладной этики, ее ноу-хау. Сопровождение, в котором акцентировано как самоопределение магистранта к этой парадигме, так и консультирование его самостоятельной работы с публикациями инновационной парадигмы: в ее журналах «Тетради гуманитарной экспертизы», «Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР», «Ведомости» НИИ ПЭ и монографических изданиях, в том числе представленных на странице НИИ ПЭ сайта ТюмГНГУ и т.д.

В рамках проектирования курса значимым было определение *интервала эффективности* таких «модных» методов, как кейсы и тренинги, и проявление потенциала технологии «этический практикум».

Метод этического практикума изобретен еще во времена Тюменского индустриального института и эволюционировал от этических упражнений, призванных устранить *формализм* и развивать способы *активного обучения*, до системы эффективных средств формирования культуры морального выбора как в индивидуальной нравственной жизни человека, так и в ситуациях его профессиональной деятельности. Системы, включающей решение задач, разбор конкретных ситуаций, этико-прикладные игры, образовательные практикумы.

В качестве современного примера в инновационном курсе представлен практикум «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность *высокой* профессии?»,

включающий этическую деловую игру (см. часть четвертая – «Рабочие тетради»).

Отличие формата «практикум» от форматов «семинар», «кейс-стади», «тренинг» и т.п.: первый этап его алгоритма – экспертный опрос журналистов; второй – игровое моделирование, в том числе самоопределение участников практикума к моделям выбора, проявленным в ходе проведенного среди них же экспертного опроса, и групповое позиционирование. Третий этап алгоритма – анализ материалов игрового моделирования в формате «включенного наблюдения» и авторский аналитический обзор практикума.

МЕСТО формата *мастер-класс* в инновационном курсе определяется его общей установкой на сотрудничество-соавторство. Обращусь здесь к анонсу моих мастер-классов на кафедрах этики МГУ и Киевского национального университета на тему проектирования Профессионально-этического кодекса университета, эти *классы* представлены во Вступительной лекции.

«Обычно метод мастер-класса предполагает, что некий опытный преподаватель действует из установки “Я знаю, как это делать и научу вас”. Отсюда склонность к потенциалу обучающего тренинга, к передаче профессионального опыта посредством демонстрации пути к заранее известному результату.

В нашем случае речь идет о мастер-классе в сфере инновационной деятельности, в демонстрации пути к результату, новому относительно как теории, так и практики. Поэтому, намереваясь продемонстрировать ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики, рассчитывая, как и в традиционном мастер-классе, на “обратную связь” с его участниками, я, тем не менее, вижу в участниках мастер-класса своих коллег, готовых отрефлексировать инновационную парадигму с установкой на ее освоение и развитие в концептуальном и технологическом аспектах».

«Путеводитель» по учебному пособию

В ПЕРВЫХ же абзацах своей книги «Этика международного бизнеса» Т.Дональдсон предлагает щадящий ее читателя *путеводитель*. «Ведущие идеи представлены в главах 4, 5 и 6... Они критически важны для моих аргументов и без них остальная часть книги имеет меньше смысла. Читатели, не относящиеся скептически к применению этики в кросскультурном контексте, могут пропустить главу 2. Наверно, это хороший совет для практикующих менеджеров корпораций... В то же время, для склонных к скептицизму или для философов и политологов, имеющих профессиональный интерес к проблемам культурного релятивизма и “реализма”, глава 2 критически важна. Наверно, очевидно, что остальная часть книги предполагает: читатель отверг радикальный моральный скептицизм... Однако и профессиональные моральные философы могут решиться пропустить первую часть второй главы...»²³.

Сначала я намеревался поступить по отношению к потенциальному читателю инновационного курса столь же *щадяще*. Например, рекомендовать тем, кто заинтересован прежде всего в описании конкретных направлений прикладной этики – политической, журналистской, университетской этики и т.п., представленных в части третьей, – пренебречь частями первой и второй. А тем, кто заинтересован прежде всего в освоении ноу-хау-технологий инновационной парадигмы, ограничиться лекцией 7 и частью четвертой. Однако решил уклониться от такой *оптимизации*: инновационная парадигма – это *системное* ноу-хау.

Распространенный способ структурирования учебников и учебных пособий по прикладной этике: Вводная глава об ее предмете – и набор глав по направлениям, сферам прикладной этики, отобранным по разным основаниям. Фор-

---

²³ *Donaldson T.* The Ethics of International Business. – N.Y.-Oxford: Oxford University Press, 1989. P.7.

мальное основание – стандарт бакалавриата или магистратуры по прикладной этике. За пределами этого основания, относящегося к выпускающим кафедрам, иные: по актуальности для современной отечественной ситуации; по значимости для разных сторон жизни человека и общества; по степени дискуссионности направлений прикладной этики; по критерию «открытости» новых моральных проблем; по видам профессионального разделения труда; по критерию наибольшей близости к потенциалу этико-философского знания; по наиболее известным предметам интереса западной литературы; по профилю того или иного университета; по стремлению собрать все возможные направления; просто по степени владения автором тем или иным направлением прикладной этики и т.д.

В случае с инновационным курсом конструкция учебного пособия иная. Надеюсь на предельно дробное оглавление и «говорящие» заголовки, позволю себе сосредоточиться на оправдании структуры курса, разбитого на четыре части.

Но прежде всего следует выделить Вступительную лекцию «В лаборатории инновационной парадигмы», посвященную мастер-классу по проектированию Профессионально-этического кодекса ТюмГНГУ. Ее задача – презентация основных положений инновационной парадигмы в присущей этой парадигме технологии.

Инновационный характер парадигмы потребовал посвятить ее *основаниям* части первую и вторую. К числу *оснований* отнесены анализ ситуации становления и развития прикладной этики в ее динамике; определение и описание предмета прикладной этики в ее инновационной парадигме с акцентами на связь прикладной этики с особенностями запросов-вызовов современной морали, трактуемой как мораль гражданского общества, и образом профессионала в сфере прикладной этики; характеристика морального выбора как предпосылки и способа существования этой парадигмы; концепция общепрофессиональной этики и сформу-

лированный в ее рамках алгоритм конкретизации морали служит моделью для понимания этого феномена в сегментированных сферах общества; один из ключевых признаков прикладной этики – ее технологии, каждая из которых описана как концептуально, так и через опыт их применения в реальной практике.

Часть третья посвящена «малым» нормативно-ценностным системам как «территориям» нового освоения ойкумены прикладной этики. Одна из задач этой части демонстрация потенциала инновационной парадигмы, до сих пор упорно сводимого некоторыми ее критиками к «набору методов и приемов».

Здесь представлено описание концептуальных и проектных разработок только тех «территорий» прикладной этики, в отношении которых инновационная парадигма предприняла «новое освоение». Именно с этими «*территориями*» непосредственно связана биография инновационной парадигмы.

Идея *нового освоения*, развивающегося и в ширь ойкумены прикладной этики, и в глубь, доведена на некоторых «территориях» прикладной этики до статуса завершеного исследования (в той мере, в которой этот статус в науке вообще возможен), позволяющего описать некоторые «малые» нормативно-ценностные системы в формате собственно *учебных* лекций (например, журналистская этика и университетская этика). На других «территориях» – до статуса назревшего *учебного* оформления результатов уже проведенных исследований (например, этика воспитания, этика предпринимательства, этика успеха). Наконец, на некоторых – до статуса освоения, только формирующего новую территорию инновационной парадигмы и потому требующего особого внимания к *процессу* проектно-ориентированного исследования соответствующей «малой» системы (например, этика госслужбы).

Соответственно, часть «Ойкумена прикладной этики» содержит *несколько типов* лекций, отражающих сложную

структуру предметного поля инновационной парадигмы. Один тип – лекции, уже оформленные как учебные. Второй – эскиз проектов, которым предстоит стать *учебными* лекциями во втором издании курса. Третий – лекции про локальные проекты, которые, вероятно, станут фрагментами *будущих* учебных лекций.

Лекции этой части структурированы следующим образом. Один параграф – старая и новая «повестка» дня, другой параграф – характеристика соответствующей теме лекции нормативно-ценностной подсистемы, организованная вокруг описания процесса и результата проектирования кодекса данной профессии.

Концептуальное обновление «повестки», необходимость которого демонстрируется в процессе критики практикуемой (в публицистической, исследовательской и образовательной литературе) проблематизации той или иной «малой» системы, связывается с его «привязкой» к алгоритму идентификации общепрофессиональной этики как вида прикладной этики²⁴.

Сверхзадача этих лекций в целом: в каждой из них акцентировать ту или иную сторону, грань инновационной парадигмы: например, базовые дилеммы *высокой* профессии, этосное («реально-должное») проявление «малой» системы, инфраструктура саморегулирования, моральный выбор как способ существования прикладных этик и т.д.

ЧАСТЬ четвертая – «Рабочие тетради» – непосредственно нацелена на проходящую через части первую-третью задачу представить *проектную* работу профессионала прикладной этики: будущего магистра, сегодняшнего эксперта, преподавателя прикладной этики и т.п.

Эта проектная работа представлена через многообразие тематики и технологий приложения. В составе части

---

²⁴ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. С. 10-11.

четвертой: мастер-класс («Профессионально-этический кодекс государственного служащего»); этико-прикладная игра («Профессионализм и/или гражданственность»); проблемный семинар («Этика профессора»); консилиум («Этика и модернизация»); консультативный проект (для Гражданского форума Тюменской области).

Благодарности

Автор чтит память и искренне разделяет свои достижения с Ю.В. Согомоновым. В метафорическом названии нашего долгого сотрудничества «Товарищество “Прикладная этика”» выражено счастливое сочетание способа научной работы и характера личных отношений. Наша жизненная встреча – и успех, и удача.

Автор помнит коллег, в сотрудничестве и дискуссиях с которыми становилась и развивалась инновационная парадигма: Г.С.Батыгина, В.Т.Ганжина, Н.Д.Зотова, В.А.Коблякова, А.И.Титаренко, Ю.М.Федорова, Ф.Н.Щербака и др.

Автор выражает благодарность сотрудникам, выбравшим диссертационные темы в сфере прикладной этики и успешно защитившим свои исследования: В.А. Абилькеновой-Кабаковой, Ю.М. Беспаловой, М.В. Богдановой, Ю.В. Казакову, Н.В. Колотовой, Л.В. Лебедевой, И.А. Попковой, И.Ю. Фомичеву и др. Наша совместная работа, несомненно, отразилась в позитивных моментах этого курса.

Автор дорожит партнерским участием в проектировании биографии инновационной парадигмы на разных этапах ее развития: В.Т. Ганжина, В.Н. Сагатовского, Г.Д. Лутошкина, В.А.Чурилова, А.Ю. Согомонова, Ю.В.Казакова, М.В. Богданову. Многие результаты такого участия существенно продвинули ее успех и нашли свое отражение в этом курсе.

Автор ценит творческую поддержку и понимающую критику со стороны коллег по НИИ прикладной этики: Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова, И.М. Клямкина, А.В. Прокофьева.

Автор сознает связь своих достижений с реальными со-

авторами этико-прикладных проектов – многочисленными участниками экспертных опросов, проблемных семинаров и деловых игр в Тюмени, Ханты-Мансийском автономном округе, Москве и т.д.

Автор отмечает большой вклад в научно-организационное обеспечение развития инновационной парадигмы: который принадлежит: И.В. Бакштановской, М.В. Богдановой, И.А. Ивановой, Т.С. Караченцевой, Л.В. Лебедевой, М.Г. Лутошкиной, И.А. Михайловой, А.П. Тюменцевой.

Автор выражает признательность руководителям организаций, в составе которых в течение более трех десятков лет действовали институции инновационного направления прикладной этики (кафедра этики и лаборатория прикладной этики – лаборатория прикладной этики и академический центр прикладной этики – ЗАО «Центр прикладной этики», ФИК «Югра» и их журнал «Этика успеха» – АНКО «Центр прикладной этики: XXI век» – НИИ прикладной этики и его журнал «Ведомости»):

В.Е. Копылову, ректору Тюменского индустриального института; В.П.Мельникову, директору Института проблем освоения Севера СО АН СССР; В.А.Чурилову, президенту финансово-инвестиционной корпорации «Югра»; Н.Н.Карнаухову, ректору ТюмГНГУ (1995-2010); В.В.Новоселову, ректору ТюмГНГУ (с 2010).

Лекция вступительная

В лаборатории инновационной парадигмы

Читателю-слушателю инновационного курса предстоит (не)принять решение автора предварить основное содержание курса презентацией мастер-класса «Проектирование профессионально-этического кодекса университета в инновационной парадигме прикладной этики». Я провел такой класс на кафедрах этики двух университетов (Киевского национального и МГУ), построив его на основе опыта создания этого кодекса в ТюмГНГУ²⁵.

Целесообразность этого решения? В открытии курса демонстрацией одного из *случаев* реализации инновационной парадигмы прикладной этики *в конкретном действии*. Представлением в конкретном действии *системного ноу-хау* инновационной парадигмы. Представлением в действии *всех* элементов парадигмы, работающих в определенном *алгоритме*.

Оправдывая решение открыть курс *такой* вступительной лекцией, я сопровождаю описание сценария и фрагментов его реализации *актуальными репликами*, наводящими на важнейшие элементы инновационной парадигмы, которым посвящены последующие лекции.

---

²⁵ Во вступительной лекции дан сокращенный вариант описания этого мастер-класса. Полный вариант см.: *Бакштановский В.И.* Проектирование профессионально-этического кодекса университета в инновационной парадигме прикладной этики: опыт мастер-класса // Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010. С. 175-213. Описанию самого проекта создания Профессионально-этического кодекса ТюмГНГУ посвящено два выпуска ж. «Ведомости»: 34, 36. Обоснованию и анализу текста кодекса посвящена лекция 10 данного учебного пособия.

1. Анонс²⁶

«22 апреля 2010 г. на философском факультете МГУ состоится мастер-класс директора НИИ прикладной этики Тюменского нефтегазового государственного университета, профессора Владимира Иосифовича Бакштановского на тему “Проектирование профессионально-этического кодекса университета в инновационной парадигме прикладной этики”».

Начало в 15.00. Ауд. Г 226.

Уважаемые коллеги!

Мое намерение – представить инновационную парадигму прикладной этики *в действии*. Постараюсь показать реальную практику ее *работы* в сфере университетской этики на примере одного из локальных проектов – «Профессионально-этический кодекс Тюменского государственного нефтегазового университета».

Это намерение адресовано в первую очередь новому поколению этиков, которое, в отличие от старших поколений, уже не только не отторгает саму идею прикладной этики, но, даже и воспитываемое в духе традиционной парадигмы, открыто к восприятию иных парадигм.

Проектирование этического кодекса университета исходит из идентификации такого кодекса как феномена прикладной этики в парадигме развиваемого НИИ ПЭ направления. Отсюда сосредоточенность мастер-класса на демонстрации ноу-хау инновационной парадигмы, в которой взаимосвязаны (а) проектно-ориентированная исследовательская деятельность, программируемая форматом концептуального «техзадания», и (б) практическая реализация «техзадания» посредством этико-прикладных технологий.

---

²⁶ <http://www.philos.msu.ru/news.php?nid=1601>

Специально обращаю внимание на название и назначение конкретного этического документа «Профессионально-этический кодекс Тюменского государственного нефтегазового университета». Это название ограничивает субъект и адресат Кодекса базовыми профессиями научно-образовательной деятельности университета: преподавателей, научных работников, профессоров-администраторов. Назначение Кодекса сформулировано уже в первом абзаце раздела «Пreamбула». «Профессионально-этический кодекс – императивно-ценностная декларация базовых профессий научно-образовательной деятельности университета: преподавателей, научных работников, профессоров-администраторов, самообязательство университетских профессионалов, ориентир самопознания и саморегулирования профессии».

Формат. Обычно метод мастер-класса предполагает, что некий опытный преподаватель действует из установки «Я знаю, как это делать, и научу вас». Отсюда склонность к потенциалу обучающего тренинга, к передаче профессионального опыта посредством демонстрации пути к заранее известному результату.

В данном случае речь идет о мастер-классе в сфере инновационной деятельности, о демонстрации пути к новому относительно теории и практики результату. Поэтому, намереваясь продемонстрировать ноу-хау прикладной этики, рассчитывая, как и в традиционном мастер-классе, на «обратную связь», я вижу в участниках мастер-класса своих коллег по работе в сфере прикладной этики.

Приложение: «Профессионально-этический кодекс ТюмГНГУ»; Ведомости НИИ ПЭ, Вып. 34: «Этический кодекс университета».

С уважением, В.Бакштановский.

2. Сценарная версия с фрагментами ее реализации и актуальными репликами

Сопровождающая мастер-класс презентация открывается слайдом-символом НИИ ПЭ (он вынесен на обложку инновационного курса) и слайдом-эпиграфом – образом Сизифа, поднимающего камень в гору.

Комментарий к слайду предполагает подчеркивание различия между характеристикой «сизифов труд» в практике русского языка («артель напрасный труд») и экзистенциалистской интерпретацией мифа о Сизифе – как исполнение долга без гарантии успеха.

На мой взгляд, смысл последней схвачен поэтом Вл. Савельевым:

*Он катит камень в гору, в гору, в гору.
Он этот труд предпочитает спору
О результатах этого труда...
Сизифов стиль.
Сизифово терпенье.
Сизифов труд.
Сизифова тропа.*

2.1. Замысел

В замысле серии мастер-классов, инициированной после принятия ученым советом университета «Профессионально-этического кодекса ТюмГНГУ» (далее – Кодекс), выделю необходимость рефлексии этого проекта с установкой на развитие концептуального и технологического аспектов самого Кодекса, во-первых, продвижение ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики в этическое общество – во-вторых.

Алгоритм мастер-класса совпадает с основными этапами пути реального проекта.

Ограничения к задаче мастер-класса.

1. Замысел мастер-класса *не* предполагает проведение в его рамках традиционной для проектов НИИ ПЭ процедуры «примерки» текста Кодекса как испытания его действительности применительно к поведенческим кейсам или к деятельности этической комиссии (эта работа еще впереди).

2. За рамками мастер-класса останется обстоятельное обсуждение вопроса о (не)универсальности представляемого здесь подхода к проектированию этических кодексов, о (не)возможности его распространения на практику этической институализации других университетов.

Отчасти можно согласиться с одним из экспертов проекта А.А.Гусейновым, полагающим, что тюменский Кодекс «это типовая модель». Но не потому, что «в ней нет никакой привязки к Тюмени и никакого запаха нефти и газа». Типичность-уникальность Кодекса – не в «запахе нефти», а в «случае ТюмГНГУ»: * в организованном дискурсе соавторского коллектива участников проекта о ситуации своего университета, его самоопределении, ориентирах самопознания; * в сопровождении процесса трансформации университета долговременным проектом исследования и консультирования проблем его становления и развития, реализуемом структурным подразделением университета – НИИ прикладной этики.

3. Еще раз, вслед за анонсом, стоит специально обратить внимание на *назначение* этого конкретного этического документа. Оно сформулировано уже в первом абзаце Преамбулы, профилактирующей как *регулятивный раж* тех университетских администраторов, которые склонны превращать этические кодексы в инструменты «морального суда», так и ожидания некоторых наших коллег, которые видят в кодексе прежде всего *воспитательный инструмент корпорации*: «Профессионально-этический кодекс – *самообязательство* университетских профессионалов, *ориентир* самопознания и саморегулирования профессии».

2.2. Мотивы инициирования проекта

Один из сильных мотивов – проявления процесса девальвации профессионально-нравственных ориентиров научно-образовательной деятельности университетов: то, что еще недавно считалось *постыдным*, сегодня для многих становится нормой.

Второй мотив – конфликт в самом профессиональном сообществе: для одних профессиональная деятельность является исполнением долга, для других – «деловое предприятие»; в такой ситуации особая необходимость профессионально-нравственной поддержки первых.

И последствия падения «планки», и необходимость поддержки тех профессионалов, которые не позволяют себе смириться с этим (а не «задание сверху»), побудили НИИ ПЭ инициировать проект.

Но не менее важный мотив – осознание готовности инновационной парадигмы прикладной этики воздействовать на проблемную ситуацию предложением концептуальной модели Кодекса.

2.3. Инновационная парадигма прикладной этики: вводные понятия²⁷

* Сегодня прикладная этика уверенно перемещается от края исследовательской ойкумены в ее центр. Иллюстрация этого тезиса – слайд, представляющий обложки книг, фиксирующих этапы изменения ситуации для инновационной парадигмы прикладной этики за четверть века.

* Следующий тезис: сегодня мало сказать, что уже нет дилеммы «либо философская этика – либо этика прикладная».

---

²⁷ Ради цельности представления мастер-класса я вынужден допустить здесь повторы относительно некоторых лекций курса.

Сама прикладная этика составляет большую ойкумену. Что может радовать, но не должно успокаивать: сформировалась проблема выбора из *многообразия парадигм* прикладной этики. Оно отражено на слайде.

Парадигмы прикладной этики

- * современная разновидность практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы
- * практическая этика, предметным полем которой является императивно-ценностное содержание профессионально и предметно определенных социальных практик с целью их этической рационализации
- * применение этических концепций к частным ситуациям
- * прикладная этика: (а) конкретизация морали в «малых» нормативно-ценностных подсистемах (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика, этика образования и т.п.); (б) теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения

Последняя в списке версия и есть инновационная парадигма. Ее признаки описываются рассуждением на тему: в каком смысле парадигма инновационная? *относительно чего?*

Прежде всего – относительно потенциала парадигмы этики как «практической философии» в освоении «малых» систем. Кроме того – относительно смысла прилагательного «прикладная» применительно к существительному «этика»: большинство версий остается в традиционном формате «этика – практическая философия», предполагающем идею *наложения (аппликации)* философского этического знания на практические проблемы.

Прогноз относительно первых трех парадигм (они широко представлены в учебных программах и учебниках по прикладной этике), который я адресую прежде всего кафедрам, решившимся на подготовку магистров прикладной этики: *какую парадигму прикладной этики вы предпочитаете, такого магистра вы и получите.*

Образ инновационной парадигмы этико-прикладного знания представлен на следующем слайде.

Инновационная парадигма этико-прикладного знания

- * теория конкретизации морали, предполагающая выход за рамки аппликации философской этики
- * концепции, описывающие каждую из «малых» систем (этика бизнеса, журналистская этика, политическая этика, этика образования и т.п.)
- * проектно-ориентированное знание, обеспечивающее исследование и преобразующее воздействие на «малые» системы
- * фронестические технологии приложения (инвариантный элемент – испытание выбором)

* Важно особо подчеркнуть необходимость *развести* понимание ноу-хау как способа существования инновационной парадигмы – и некоторые ее трактовки как в публичных дискуссиях, так и в литературе о ситуации в этике.

Ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики никак не сводится к «совокупности вспомогательных методов», а предполагает *сочетание* (а) проектно-ориентированной *исследовательской* деятельности, доведенной до формата концептуального «техзадания» к проектированию кодекса, и (б) его практической реализации посредством этико-прикладных *технологий*.

Ноу-хау – *системный* элемент этой парадигмы.

2.4. Проектирование кодекса в инновационной парадигме: концептуальное «техзадание»

Концептуальное «техзадание» – элемент технологии этического проектирования: а) программирующий проектно-ориентированную *исследовательскую* деятельность; (б) организующий проектную деятельность; (в) определяющий результаты этих видов деятельности в конкретном документе.

2.4.1. Категориальное гнездо проектно-ориентированного исследования

АКТУАЛЬНАЯ РЕПЛИКА: в лекции 3 у нас будет возможность обратиться к нижеследующему фрагменту сценария этого мастер-класса для подкрепления характеристики такого элемента этико-прикладного знания, как концептуализация «малых» систем, характеристики, слишком часто не замечаемой коллегами, комментирующими инновационную парадигму.

Концептуальное «техзадание» на проектирование Кодекса исходит из идентификации такого этического документа как феномена прикладной этики (*морали*) и предмета этико-прикладного *знания*. Исследовательская работа в *таком ключе* предполагает познание природы нормативно-

ценностной системы в сфере научно-образовательной деятельности («университетская этика»), в том числе таких ее признаков, как:

* сочетание двух подсистем – этики корпорации-организации и этики профессии;

* принадлежность к «высоким» профессиям;

* саморегулирование профессии;

* система критериев этической идентификации кодексов.

Результаты этого исследования, трансформированные в формат «техзадания», описаны ниже.

В ситуации ограниченности регламента я сосредоточился лишь на одном из элементов «категориального гнезда» проектно-ориентированного исследования – на рационализации метафоры «высокая профессия».

Идея этики «высокой» профессии основывается на представлении о дуалистичности природы морали.

Дуалистичность природы морали

* с одной стороны, регулятор, обслуживающий социальные системы во имя их стабильности, ради социальной адаптации людей

* с другой – мотивационный механизм, превосходящий функциональность, ориентирующий на критику любых форм социальности, порядка в социуме.

Идея «высокой» профессии максимально соответствует второй стороне дуалистичной по своей природе морали.

При этом выделение среди множества профессий «высоких» и, тем более, стремление культивировать идею «высокой профессии», требуют предварительного формулирования ряда «техусловий».

1. Идея «высокой» профессии исходит из определенной концептуальной позиции в отношении природы *профессии* как таковой и предполагает различие «профессии» и «специальности» как *professions* и *occupations*. В качестве отличия первого определения Оксфордский словарь социо-

---

логии выделяет форму организации или тип работы, включающий в себя «регулятивный момент» и «код поведения».

2. В строгом употреблении термин «профессия» противоположен бизнесу и ремеслу: профессия мотивируется альтруизмом, профессионалы осознают, что работают на общественное благо.

3. Наиболее значимые с точки зрения вопроса о предпосылках идентификации «высокой» профессии признаки: идея профессионального призвания и служения; альтруистическая мотивация; саморегуляция в широком смысле слова, что предполагает: самоопределение к профессии, свободу и автономию в профессии, создание ассоциаций, этические кодексы.

4. Выделение вида «высоких» профессий производится не через идентификацию иных видов как «низких» профессий, а через акцентирование в первых *мировоззренческих ценностей*. Тем самым преодолевается «функциональная», «технологическая» и т.п. трактовка профессионализма, под которым в этом случае подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Атрибутивный признак «высокой» профессии – ее *мировоззренческие ориентиры*, доминирующая установка – на *служение в профессии*.

Отсюда роль метафоры Э. Фромма «готовность быть орудием однажды выбранного дела» как «центральной установки *профессиональной этики*» (Э.Ю. Соловьев).

Концептуализация «техзадания» выражается в трактовке базовых профессий научно-образовательной деятельности университета как «высоких» и выступает основанием выбора формата Кодекса.

2.4.2. Матрица анализа практики этического кодифицирования университетов

Элементом концептуального техзадания является анализ практики этического кодифицирования университетов. Технология этого анализа представлена в специальной матрице, отраженной на слайде.

Матрица анализа

- * этическая идентичность формата кодекса: (не)ориентированность авторов кодексов на различие: (а) этического кодекса как такового – и административного по сути регламента поведения; (б) профессионально-этического – и корпоративного кодексов
- * наличие мотивации создания кодекса в его тексте; содержание мотивации
- * (не)ориентированность кодексов на ценности базовых профессий научно-образовательной деятельности университета: профессиональных этик преподавателя, исследователя, университетского администратора
- * нормативно-ценностная структура кодексов: аппликация общеморальных принципов и норм – или их конкретизация в принципах и нормах профессиональной и корпоративной этик?
- * модальность языка кодексов
- * (не)включение в текст кодекса такой институции, как этическая комиссия

Предпринятый с помощью этой матрицы анализ университетской практики этического кодифицирования позволил авторам проекта сделать следующие выводы.

1. Формат кодексов как их *этический* образ не является предметом рефлексии их авторов (во всяком случае в рамках текста). Распространено уклонение от различения *особенностей* кодексов – общеморальных, профессионально-этических, корпоративных и т.д. и от объяснения предпоч-

тения одному из этих видов; в случаях сведения разных форматов в один текст характерно уклонение от обоснования подчинения одного формата другому или их эклектичного смешения.

2. Заметна прямая связь между тем или иным форматом-образом кодекса и той или иной версией миссии университета.

3. За распространенной практикой кодифицирования часто стоит вполне определенное понимание идеи-миссии университета, нагруженное отождествлением научно-образовательной деятельности с индустрией образовательных услуг. Комфорт, имидж, мобилизация, укрепление внутренней организации и т.д. Но не стремление рассматривать кодекс как *этическое ориентирование* университета и его профессионалов, как профессионально-этический регулятор и т.п. и, в целом, как институт развития и культивирования *этических оснований* научно-образовательной деятельности.

4. Это оборачивается определенной трактовкой *статуса* и *места* кодекса в жизни университета. Скрытый девиз многих текстов: «ни слова о саморегулировании». Явные последствия – административный язык многих кодексов и бюрократическое применение самого документа. Некоторые кодексы предложены не как элементы *этической* инфраструктуры университета, но как инструменты *административной* инфраструктуры.

5. Анализ содержащегося в этих кодексах опыта реализации идей и технологий этического кодифицирования наглядно подкрепляет принятое НИИ ПЭ еще на этапе формирования замысла проекта решение «*мы пойдем другим путем*».

2.5. Формирование «техзадания»: этапы теоретической концептуализации и проектно-ориентированной разработки

Параллельно с анализом практики алгоритм проекта предполагает определение основных направлений разра-

ботки «техзадания».

Для конкретизации процесса работы над концептуальным «техзаданием» в ситуации ограниченного регламента приходится сосредоточиться на первом из критериев этической идентичности Кодекса.

Направления разработки «техзадания»

* обоснование и выбор приоритета в ситуации дуализма корпоративной самоидентификации университета (университетская корпорация – «бюрократически организованное предприятие» в сфере индустрии образования или научно-образовательная корпорация, вдохновляемая ценностями «высокой» профессии) ценностей «высокой» профессии над корпоративными ценностями «хозяйствующего субъекта»

* критерии этической идентичности кодекса:

- ориентация кодекса на статус личности как субъекта морального выбора
- моральное творчество как альтернатива бюрократическому азарту регламентирования
- конвенциональность как процесс и результат этического дискурса коллектива университета
- этосный критерий идентичности кодекса, доминирование в его содержании установки на реально-должное
- проектирование модельных параметров кодекса.

Иллюстрация распространенных образов ситуации выбора – на следующем слайде.

АКТУАЛЬНАЯ РЕПЛИКА: эти образы ситуации выбора еще сработают в лекциях 4-5, 10-12.

Проектирование Кодекса предполагает проведение через все его разделы базовой идеи инновационной парадигмы прикладной этики: отношение к субъекту, которому адресованы требования той или иной «малой» системы, как *субъекту морального выбора*. Тем самым не только общественная мораль, но и ее *приложение* к сегментированной жизни общества основаны на *возможности выбора и способности* выбирать. И феномен конкретизации общественной морали в кодексах не отменяет этого базового условия моральности. А если «отменяет», значит мы имеем дело с *внеморальными* или *квазиморальными* сводами правил. Как это бывает в некоторых т.н. «этических кодексах», можно увидеть в обзоре практики кодифицирования.

Актуализация этого критерия очевидна в ситуации массового производства корпоративных кодексов с их склонностью к делегированию выбора от субъекта к организации.

Далее для конкретизации процесса работы над концептуальным «техзаданием» выбрана *разработка модели Кодекса*.

* Первый шаг такой разработки – модельные параметры Кодекса, представленные на следующем слайде.

Модельные параметры кодекса

- * структурированная преамбула
- * мировоззренческий ярус
- * нормативный ярус
- * «минимальный стандарт» (технология правильного исполнения профессии)
- * императивы корпоративного поведения
- * этическая комиссия
- * раздел «комментарии»

* Второй шаг разработки «техзадания» – эскизная конкретизация каждого модельного параметра. Этот шаг представлен здесь на примере некоторых рубрик раздела «Преамбула».

Создание Кодекса предполагает в самом тексте его объяснение-оправдание. Во-первых, чтобы исключить *высокомерность* в отношении к коллективу университета или в отношении к обществу. Во-вторых, чтобы профилировать вполне ожидаемые реплики по поводу нецелесообразности «усложнения» текста Кодекса.

Одна из функций *объяснения-оправдания* – профилактика утопических ожиданий и, соответственно, разочарований в Кодексе. Профилактика как для самого университета, так и для общества. Один из возможных аргументов такой профилактики – включение в Преамбулу тезиса, согласно которому Кодекс – не гарантия от нарушений профессиональной и/или корпоративной этики, но шанс: поддержать достоинство университета, выдержать сложные ситуации выбора, опереться на опыт других университетов.

На этапе эскизной конкретизации Преамбулы важно посвятить ее первую рубрику характеристике проблемной ситуации, *вызовам*, которые современное общество предъявляет научно-образовательной деятельности университета, создавая напряженные профессионально-нравственные ситуации.

Без анализа проблемной ситуации в жизни университета трудно обосновать и *задачи* создания кодекса, и *мотивы* соответствующей работы, и нестандартную *структуру* этического документа, связанную с включением в нее мировоззренческого блока ценностей.

На этапе эскизной конкретизации Преамбулы целесообразно посвятить ее вторую рубрику объяснению *мотивов* создания Кодекса.

В рамках такого объяснения необходимо отметить, что *на старте* проекта предполагалась возможность *паритетности* требований корпорации-профессии и корпорации-организации в университетской этике, во всяком случае, их «мирного сосуществования». Соответственно, концептуальное техзадание предполагало, что в числе мотивов должны быть представлены (а) внешне обусловленная целесообразность: забота о репутации, о доверии общества, о конкурентоспособности университета, о «демонстрации флага» и т.п., и (б) соображения внутрикорпоративной целесообразности: Кодекс отражает самокритичное осознание тенденций как в базовых профессиях научно-образовательной деятельности, так и в жизни корпорации-организации. При этом в такого рода мотивации не была в достаточной степени акцентирована потенциальная конфликтность дуализма корпоративной самоидентификации.

Как в процессе проектирования изменилась рубрика, посвященная мотивам создания Кодекса, будет видно ниже.

2.6. Технология внешней экспертизы

В соответствии с традицией НИИ ПЭ, следующий шаг алгоритма проектирования Кодекса – проведение *внешней* экспертизы концептуальных оснований и параметров модели Кодекса специалистами в этике, социологии, менеджменте и т.д. Направления такой экспертизы отражены в содержании следующего слайда.

Направления экспертизы

- (а) Анализ концептуальных оснований проектирования этического кодекса университета:
  - адекватности критики этических документов современных университетов
  - актуальности проектирования кодекса в современной ситуации и прогнозирование последствий его создания
  - реалистичности гипотезы об университетском приоритете корпоративных ценностей «высокой» профессии над корпоративными ценностями «хозяйствующего субъекта»
- (б) Определение приемлемости предложенных критериев этической идентичности проектируемого кодекса
- (в) Оценка конструктивности модельных параметров формата этического кодекса
- (г) Соотнесение модели кодекса с личным опытом участия эксперта в создании кодексов других университетов

Чтобы повысить эффективность внешней экспертизы, необходимо сконструировать своеобразную *экспертную систему* проекта. Критерии системы: многообразие концептуальных подходов и аспектов анализа модели кодекса; разносторонность практического опыта проектирования.

Экспертам была предложена модель кодекса, в которой каждый из разделов был структурирован особыми *рубриками*. В качестве примера обращусь к разделу «*Мировоззренческий ярус*», рубрикация которого представлена на следующем слайде.

Мировоззренческий ярус

* профессионал научно-образовательной деятельности как субъект морального выбора, а не только дисциплинированный исполнитель стандартов благопристойности

- * гуманистическая ориентация научно-образовательной деятельности и приоритетность мотива «служения в профессии» (базовые профессии как «высокие» профессии)
- * стремление к профессиональному успеху как один из ориентиров научно-образовательной деятельности
- * моральный выбор в ситуациях нравственного конфликта (столкновение ценностей общей морали и морали профессиональной; ценностей разных профессий; ценностей профессии – и корпорации-организации)

Проект экспертизы не предусматривал анкеты как унифицированного задания. В то же время у этой экспертизы была вполне очевидная прагматичная миссия – повлиять на следующий этап работы над моделью кодекса. Поэтому был построен особый алгоритм анализа суждений экспертов. Он отображен на слайде.

Алгоритм анализа суждений экспертов

- * мотивы создания кодекса
- * моральная субъектность
- * «наивный рационализм» методологии проекта
- * формат кодекса в связи с проблемой этической инфраструктуры
- * структура кодекса
- * смысл выделения в кодексе двух видов этики: профессиональной и корпоративной
- * действенность кодекса.
- * уроки на перспективу.

Сосредоточенность алгоритма анализа²⁸ именно на такой проблематизации дала возможность извлечь определенные уроки для развития проекта. Аргумент – в одном из

---

²⁸ В разделе «Теоретический поиск» журнала НИИ ПЭ «Ведомости», вып.34 представлены материалы этой экспертизы и их анализ.

аспектов анализа экспертных материалов о модели кодекса – «О мотивах создания кодекса».

Два эксперта посчитали мотивы разработки модели *утопическими*, предположив, что разработчики совсем не озабочены рискованными последствиями своих благих намерений, в том числе превращением результата «самолюбования моральных философов» в инструмент «моральной полиции».

В свою очередь еще один эксперт понял мотивацию разработчиков предложенной для экспертизы модели иначе, полагая, что модель отвечает на внешние и внутренние вызовы современным университетам.

Разумеется, правы те из экспертов, которые предупреждают о риске манипулятивных, имитационных мотивов в практике создания университетских кодексов: нельзя упустить из виду массовый феномен *квазикодексов*, кодексов-фикций, кодексов-суррогатов. Но ответ на эту ситуацию может быть разным: в диапазоне от «не ввязываться из-за риска...» до «осознавая риск, профилактировать его в самой модели кодекса».

И разве не с осознанием отмеченных в критических замечаниях экспертов вероятных последствий связаны две вполне внятно заявленные цели Кодекса: самопознание профессии и «демонстрация флага»?

2.7. Технология формирования университетского дискурса о Кодексе и анализ динамики версий Кодекса

Комплексная технология формирования университетского дискурса о кодексе – своего рода способ «обогащения общественного мнения» университетского сообщества – электронная конференция.

В целом дискурс о Кодексе университета как пространстве коммуникативных практик формировался с помощью ряда технологий проекта, представленных на следующем слайде.

Публикация на электронном форуме порождаемых этими коммуникативными практиками текстов – возможность непосредственного и опосредованного вовлечения в дискурс более широкого круга университетских преподавателей.

Все эти практики (за исключением последней) – *внутренняя* экспертиза.

В рамках регламента мастер-класса приходится остановиться на реализации лишь одной из технологий формирования этического дискурса – «ректорских семинарах» как постоянно действующей экспертной системе проектов НИИ ПЭ.

Формирование дискурса

в коммуникативных практиках проекта

- * Индивидуальные интервью с университетскими преподавателями: в процессе экспертизы «болевых точек» и «точек роста» ситуации университета как своеобразных «заданий» для содержания Кодекса
- * Анкетный опрос университетских преподавателей: через «взвешивание» потенциала Кодекса в разрешении актуальных проблем научно-образовательной деятельности
- * Рectorские семинары: в процессе обсуждения формата, мотивации, намерений, потенциала и содержания будущего Кодекса
- * Экспертные интервью «жизнь в профессии»: в процессе рефлексии морального измерения профессионализма
- * Персональные заказы экспертам на разработку конкретных фрагментов Кодекса: через конструирование «этики профессора»

2.8. Ректорские семинары

В рамках проекта, посвященного креации Кодекса, со- зывались четыре семинара: «"Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе" и проблемы проектирования Кодекса ТюмГНГУ»; «Проектирование Кодекса ТюмГНГУ: концептуальные "тех- условия"» (два этапа); «Обсуждение модели Кодекса»; «Обсуждение текста Кодекса».

* На первом из этих семинаров моделировалась веро- ятная атмосфера, в которой будет создаваться этический кодекс ТюмГНГУ.

С одной стороны, и это представлялось как очевидное обстоятельство, у такого проекта будут скептики. С другой стороны, и это представлялось как менее очевидное об- стоятельство, вряд ли высока степень готовности многих из тех, кто вовлечен в проект, *конструктивно* отвечать на ар- гументы скептиков. С третьей стороны, и это представля- лось весьма рискованным обстоятельством, низка степень готовности многих из тех, кто принял решение создавать Кодекс, профилактировать риск породить бюрократический документ, провоцирующий всеобщее равнодушие.

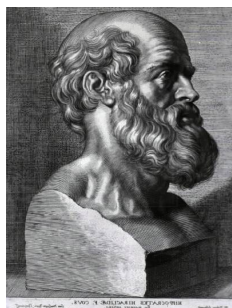
Чтобы *заранее ответить* в тексте Кодекса на ожидае- мые от коллег по университету аргументы *против* его соз- дания, участникам семинара было предложено задание «Контркодекс». В его рамках предстояло обсудить аргумен- ты, аналогичные тем, которые в свое время выдвигали профессионалы, вовлеченные в работу над кодексами жур- налистов, депутатов, чиновников и т.д. Содержание этих аргументов представлено на следующем слайде.

Задание «Контркодекс»

<p>Кодекс излишен</p>	<p>«Достаточно "Десяти заповедей"» «Достаточно корпоративных регламентов» «Что же, все преподаватели и менеджеры изначально хамы-грубияны-невежды и не способны работать без кодекса?»</p>
----------------------------------	--

	«Что же, все преподаватели и менеджеры изначально коррумпированы?»
Кодекс вреден	Кодекс может обернуться бюрократическим, формальным документом, провоцирующим всеобщее равнодушие, либо инструментом авторитарного управления «"А судьи кто?" Чем члены этической комиссии лучше тех, поведение которых они будут обсуждать? не превратят ли они кодекс в инструмент инквизиции?»
Кодекс бесполезен	«Был ли толк от Морального кодекса строителя коммунизма?!» «Даже декалог не выполняется!» «Никакой кодекс не может предотвратить злоупотребления» «Реалистично ли требовать от нас быть более моральными, чем весь народ?»

Подчеркну, что аналогичная проблематизация была вынесена в анкетный опрос университетских преподавателей. Для того чтобы сориентировать участников ректорского семинара, им было предложено несколько образных слайдов. Среди них:

О влиянии на текст кодекса работы ректорского семинара над заданием «контркодекс» говорит следующий слайд.

Контраргумент	Фрагмент итогового текста кодекса
«Реалистично ли требовать от нас быть более моральными, чем весь народ?»	«Установка на служение в “высокой” профессии предполагает, что университетский профессионал не только исполняет работу в рамках <i>элементарной порядочности</i> , которая обращена к каждому человеку, но готов <i>поднять</i> планку моральных требований к себе»
«Что же, все политики, журналисты, преподаватели, чиновники, менеджеры изначально хамы-грубияны-невежды и не способны работать без кодекса?»	«Процесс девальвации профессионально-нравственных ориентиров научно-образовательной деятельности университетов (то, что еще недавно считалось <i>постыдным</i> , сегодня для многих становится нормой)»
«Кодекс может обернуться бюрократическим, формальным документом, провоцирующим всеобщее равнодушие, либо инструментом <i>авторитарного управления</i> »	«Кодекс – этический документ <i>небюрократического</i> назначения. Своим форматом он противостоит некомпетентности в предъявлении требований к университетскому профессионалу «от имени профессиональной этики», в том числе спекуляциям на мотивации “высокой” профессии»

Если говорить об эффекте ректорских семинаров более строго, стоит отметить, что их участники договорились о целесообразности разработки *системы* нормативно-цен-

ностных документов университета, отказавшись от единого этического документа, включающего кодексы преподавателей, студентов, корпоративные правила и т.д. Таким образом появилась возможность адекватно ответить в тексте Кодекса на ситуацию дуализма корпоративной самоидентификации университета – не уходя от значимости корпоративного фактора, но и не давая ему доминировать.

Удалось также договориться и о *формате* Кодекса, избавленном от характера регламентирующего документа.

Договорились, примериваясь к разным образным форматам, представленным на следующем ниже слайде.

Договорились, предпочитая для Кодекса метафору «Маяк».

2.9. Комментарий к тексту принятого Кодекса

Прежде всего, выделю некоторые инновации в тексте относительно *концептуального «техзадания»*.

1. Формат и название Кодекса. На этапе «техзадания» – формат и название «Этический кодекс университета». На этапе итогового текста – формат и название «Профессионально-этический кодекс университета».

Мотив такой динамики: движение от идеи *интеграции* двух *равных* «малых» систем – к идее приоритета требований профессиональной этики базовых профессий научно-образовательной деятельности университета над этикой корпоративной.

Напомню, что на этапе разработки концептуального «техзадания» (рубрика «Мотивы») предполагалась возможность паритетных отношений корпорации-профессии и корпорации-организации в университетской *этике*, во всяком случае, их мирного сосуществования.

Изменения представлены на следующем слайде.

Соотношение профессиональной и корпоративной этик	
<i>Модель Кодекса</i>	<i>Итоговый текст Кодекса</i>
«Дуализм корпоративной самоидентификации университета: корпорация-организация (корпорация-предприятие) и корпорация-профессия (корпорация “зримого колледжа” профессионалов “высокой” профессии); задача интеграции в этический кодекс университета форматов “кодекс профессиональной этики” и “кодекс корпоративной этики”»	«Если университет идентифицирует себя в качестве научно-образовательной корпорации, организующей деятельность “высоких” профессий, Кодекс предполагает необходимым системное согласование в жизни университета двух конфликтующих этик: профессиональной и корпоративной. В таком согласовании интересы корпорации – скорее средство. Очень важное средство – без корпоративной организации базовые профессии научно-образовательной деятельности современных университетов бессильны. Но все же средство»

2. Введение особой рубрики. В тексте Кодекса была создана рубрика «Университетский профессионал в ситуации конфликта требований профессиональной и корпоративной этик».

3. Раздел «Минимальный стандарт». Изменения представлены на следующем слайде.

Этап «техзадания»	Итоговый текст
«Минимальный стандарт» как способ совместить ригоризм и реалистичность в требованиях кодекса, преодолеть, с одной стороны, ханжество завышенных требований к субъектам научно-образовательной деятельности университета в условиях вполне определенной ситуации в обществе, с другой стороны – попустительские оправдания ссылками на нравы, оборачивающимися уцениванием должного. «Минимальный стандарт» по силам большинству субъектов научно-образовательной деятельности университета уже сегодня	«Минимальный стандарт» – не «скидка» в уровне профессионально-этических требований, даваемая со ссылкой на «трудные обстоятельства», и не инструкция, отчуждающая университета от статуса субъекта морального выбора. «Минимальный стандарт» – технология правильного исполнения профессии: незнание-неисполнение профессиональных правил подрывает основы профессионализма, не только миссию, но и функцию профессии

4. Раздел «Действенность Кодекса»

Прежде всего следует иметь в виду, что на этапе разработки «техзадания» раздел назывался «Этическая комиссия». Соответственно, проблематизация содержания раздела исчерпывалась, во-первых, взвешиванием «за» и «против» самого решения о создании этической комиссии: весьма вероятно, что вред от ее возможной бюрократизации превысит позитивный эффект. Во-вторых, выбором из двух вариантов статуса комиссии: скорее институция саморегулирования профессии – или скорее контрольная структура корпорации-организации? И моделей комиссии: инстанции нравственного суда – или экспертно-консультативной инстанции.

Название и содержание раздела «Действенность Кодекса» – рациональный выбор. И не только между интересами корпорации-профессии и корпорации-организации, но и между *разными образами* действенности кодексов разных форматов.

Намеренный выбор формата Кодекса как: (а) императивно-ценностной декларации базовых профессий научно-образовательной деятельности университета; (б) самообязательства университетских профессионалов; (в) ориентира самопознания и саморегулирования профессии вполне естественно привел к уклонению от известных образов действенности кодексов: * указание конкретных путей решения актуальных проблем практики; * инструмент корпоративного контроля, предполагающего роль этической комиссии как «моральной полиции».

Труднее было конструктивно описать в тексте действенность Кодекса как института *профессионально-этической ориентации*. Об этой его роли – применительно к выбору в конкретных ситуациях – говорится в Преамбуле («Кодекс – своеобразная *лоция* для творческого морального выбора»); применительно к мировоззренческому самоопределению – в разделе «Мировоззренческие ориентиры», в том числе в рубрике «Университетский профессионал – субъект морального выбора».

Трудно было конструктивно представить действенность Кодекса как декларированного в Преамбуле способа *моральной рефлексии* университетских профессионалов о современной ситуации университетского образования, рефлексии, направленной на самопознание-самоопределение своей профессии.

Поэтому было решено ограничиться характеристикой действенности Кодекса в связи с экспертно-консультативной работой этической комиссии. Подчеркнув, во-первых, что Кодекс не сосредоточен на внешнем контроле и санкциях, не допускает превращения этического по своей природе документа в репрессивный инструмент, в способ тотального

контроля за поведением университетского профессионала. И, во-вторых, что действенность Кодекса поддерживается этической комиссией. Не являясь ни «моральным начальством», ни «моральным судом», комиссия выступает институцией саморегулирования профессии.

Указав также, что относительно ситуаций профессионально-нравственных конфликтов комиссия выполняет *экспертно-консультативную* роль. Этической комиссии предстоит преодолеть искушение свести свою работу к санкциям и решиться на придание самостоятельного значения *процессу* анализа нравственно-конфликтных ситуаций: процедура важнее «приговора». А относительно ситуаций нарушения требований «Минимального стандарта» комиссия выступает в роли инстанции нравственного контроля, не допускающей при этом возможной бюрократизации своей деятельности.

И – особо – в задачи комиссии входит мониторинг профессионально-этических конфликтов, разработка программ повышения профессионально-этической культуры университетских профессионалов, распространение информационных и дидактических материалов, проведение деловых игр, семинаров.

3. Краткие комментарии к обсуждению мастер-класса в МГУ и Киевском национальном университете

1. Один из моментов замысла мастер-класса заключался, как это подчеркнуто в анонсе, в том, чтобы специально обратиться к новому поколению этиков, которые открыты к восприятию иных парадигм. Обратиться, чтобы показать потенциал инновационной парадигмы на локальном проекте.

И замысел во многом оправдался.

Однако на мастер-классе в МГУ я, представив в качестве раздаточного материала *полный* алгоритм работы проекта и отметив, что работа длилась в течение полутора лет, в процессе самого мастер-класса сосредоточился лишь на

некоторых этапах пути проекта, характеризующих скорее метод работы, ее инструментальный аспект. Сократив до предела презентацию теоретико-методологических оснований проекта, такие, например, этапы пути проекта, как концептуализация природы прикладных моралей – «малых» императивно-ценностных систем; обоснование конструирования инвариантной модели этического кодекса в соответствии с инвариантной структурой прикладных моралей (в том числе и структурой императивно-ценностной системы образовательной деятельности); критерии этической идентичности кодекса, в том числе ориентация кодекса на статус личности как субъекта морального выбора; проблематизация (не)действенности кодекса в ситуации пренатального гражданского общества и т.д. Сократил ради экономии времени – в надежде, что участники мастер-класса успели прочитать приложенные к его анонсу файлы со статьями из «Ведомостей» НИИ ПЭ (Вып. 34, 35, 36).

И время было сэкономлено. Но надежда на предварительное освоение концептуальных материалов проекта не оправдалась. Вероятно поэтому у некоторых участников мастер-класса, прошедших свой путь в работе над факультетским кодексом, могло возникнуть мнение, что никакого особого ноу-хау в презентации пути проекта «Профессионально-этический кодекс ТюмГНГУ» я им не представил: «мы тоже можем написать свой алгоритм», уверенность в том, что в работе над проектом этического кодекса своего факультета они «все это уже проходили» – провели выездную школу в формате деловой игры, организовывали фокус-группы, обсуждали фрагменты кодекса в разных аудиториях и т.д. В итоге создалось впечатление, что представляемая в качестве ноу-хау работа инновационной парадигмы в сфере университетской этики – это лишь широко известные прикладные методы и технологии, сходные в разных научных дисциплинах и подходах.

«Экономия времени» на регламенте мастер-класса оставила в тени стоящую за «Профессионально-этическим

кодексом ТюмГНГУ» *иную*, чем у московских коллег, концепцию кодекса как этического феномена; версию императивно-ценностной системы научно-образовательной деятельности университета; оправдание сосредоточенности кодекса на этике профессии; иную концепцию мотивации создания кодекса, иные представления о его «работоспособности», вытекающие из вполне определенного понимания миссии профессиональной этики в пренатальном гражданском обществе и т.д. Оставила в тени то обстоятельство, что за *кажущейся* одинаковостью способов работы стояли совсем разные идеи-проекты.

Отсюда один из уроков первого мастер-класса: сегодня намерение аргументировать тезис о ноу-хау как способе существования инновационной парадигмы не может ограничиваться демонстрацией «оптимизированного» алгоритма любого из проектов НИИ ПЭ в этой парадигме. Стремление наглядно ответить на пожелание «покажите как» должно учитывать позицию коллег, их представления о том, как «работает наука прикладная этика», в чем заключается ее ноу-хау.

Стремление наглядно ответить на пожелание «покажите как» должно предполагать проблематизацию *кажущейся* сходимости технологий в разных случаях проектирования кодекса.

* Исходит ли понимание кодекса у коллег из представления о дуалистической природе морали: как ориентира и как регулятора, соответственно – достаточно ли внимания проект коллег уделяет мировоззренческому ярусу кодекса?

* Исходит ли понимание коллегами модели кодекса из факта дуализма корпоративной самоидентификации университета: дает ли определенное решение конфликтных ситуаций между требованиями профессиональной и корпоративной этик в жизни университета?

* Взвешивают ли коллеги при конструировании кодекса плюсы и минусы гибридного морально-правового формата кодекса: в реальной практике кодификации чаще всего

ощущается перекося в сторону формального права, наблюдается доминирование административно-правовой составляющей над стороной собственно моральной?

* Обладают ли применяемые для организации дискурса технологии – деловые игры, анкетные опросы, разборы ситуаций и т.д. – специфическими признаками *этических* технологий: прежде всего, ставят ли применяемые коллегами технологии участников этих акций *в ситуацию морального выбора?*

В конечном счете, стремление ответить на пожелание «покажите как» должно предполагать и основополагающую проблематизацию *кажущейся* сходимости ноу-хау в разных случаях проектирования кодекса: возможно ли их *действительное* сходство при работе в парадигме пусть и модернизированной, но все же этики как «практической философии»?

АКТУАЛЬНАЯ РЕПЛИКА. В лекции 2 проблематизирована тема мейнстрима в прикладной этике.

ЕЩЁ ОДИН момент. Режим обратной связи на том и другом мастер-классе поработал на *сверхзадачу* – развитие самой инновационной парадигмы: анализ стенограмм потребовал сосредоточиться на идее, согласно которой не только проектируемые в инновационной парадигме этические кодексы, но вся эта парадигма может характеризоваться как *фронестика морального выбора*.

Для актуализации этой идеи выделю из стенограммы обсуждения *московского* мастер-класса критический тезис, согласно которому «Профессионально-этический кодекс университета» – не нормативный документ, а потому «по этому кодексу жить нельзя». Одно из дополнений к этому тезису: участник мастер-класса следующим образом смоделировал ситуацию, в которой оказывается человек, читающий Преамбулу кодекса. «То ли мне выполнять кодекс, то ли думать: выполнять или не выполнять. Может и не вы-

полнять? А если выполнять – стоит ли? В чем мне поможет кодекс?».

Из стенограммы *киевского* мастер-класса выделю тезис: «Это скорее не кодекс, а декларация, которая требует дорожной карты и конкретизации для того, чтобы служить в качестве кодекса». Одно из дополнений к этому тезису: участник *киевского* мастер-класса полагает, что кодекс рассчитан на действие «в социальном пространстве, на взаимодействии с людьми как профессионалами, а не на индивидуальный выбор в пределах пространства собственной ответственности».

Представляется, что оба выбранных из стенограмм тезиса исходят из абсолютизации трактовки кодекса как регулятивного института нормативной этики. При этом кодекс, в свою очередь, трактуется, с одной стороны, как элементарные аппликации норм на конкретную ситуацию, с другой стороны – в духе современных представлений – как сопряженный с этической инфраструктурой организации. В итоге особенности инновационной парадигмы прикладной этики, связанные с характеристикой акта приложения, остаются вне сферы внимания критиков. Полагая свое представление единственным возможным, коллеги не принимают во внимание предъявленные в самом тексте «Профессионально-этического кодекса университета» аргументы в пользу иной модели кодекса: модели, определяющей Кодекс не только как профессионально-этический регулятор, но и как этическое ориентирование университета и его профессионалов и, в целом, как институт развития и культивирования этических оснований научно-образовательной деятельности; *модели, основывающейся на иной парадигме прикладной этики.*

Апеллирую к тексту этого кодекса, чтобы подчеркнуть уже содержащиеся в нем *опережающие* ответы на тему возможности-невозможности «жить по этому кодексу» и определенности-неопределенности установки кодекса на его исполнение.

* Уже в рамках Преамбулы профессионально-этический кодекс характеризуется как «*ориентир* самопознания и саморегулирования профессии». Более того, сам Кодекс трактуется как *способ* «рефлексии университетских профессионалов о напряженных ситуациях научно-образовательной деятельности».

* Субъекты базовых профессий научно-образовательной деятельности – преподаватель, научный работник, университетский профессор-администратор – рассматриваются Кодексом не как «*объекты* внешних требований, “исполнители функции”, дисциплинированно следующие должностным инструкциям», но прежде всего как «*субъекты морального выбора*, осознанно принимающие *мировоззренческое* решение как относительно сложившихся в профессии нравов, так и отстаиваемых ею нравственных норм: последовательно исполнять профессиональный долг? предпочесть позицию “двойной морали”? цинично согласиться с профессиональными деформациями?».

* В Преамбуле подчеркивается, что избранный для Кодекса формат «предполагает культивирование компетентности университетского профессионала в проблемах морального выбора». Работая как «своеобразная лоция для творческого морального выбора в конкретных ситуациях научно-образовательной деятельности», Кодекс предлагает ориентиры, которые отнюдь «не избавляют профессионалов от самостоятельного решения профессионально-нравственных конфликтов».

* Противопоставляя свое назначение как функции «добровольного ошейника», так и инструменту «моральной полиции», Кодекс исходит из того, что декларированные им ценности – «предмет внутреннего решения. Но не частного лица, а профессионала, отвечающего перед профессией и за профессию, которой общество доверило саморегулирование».

При этом сам Кодекс идентифицирует себя как «шанс удержания миссии профессии в ситуации доминирования

установок корпоративной этики, по своей природе чреватой подавлением индивидуального профессионально-нравственного выбора». Именно поэтому «лично приверженные ценностям своей профессии» преподаватель, исследователь, профессор-администратор «не делегируют персональный профессионально-нравственный выбор своей организации».

* Конкретизация роли Кодекса в *консультировании* решений университетского профессионала в различных ситуациях морального выбора представлена вполне *системно*.

Один пример. «Реальная ситуация ставит преподавателя перед выбором: рассматривать себя как *продавца образовательных услуг* – или как деятеля “высокой” профессии, *академическая добросовестность* которого значима и сама по себе, и для обеспечения эффективности и качества преподавания. Выбор преподавателя в пользу академической добросовестности предполагает последовательное исключение форм нечестного поведения, подрывающих не только качество, но и *смысл* образования: продажа студентам контрольных, курсовых, дипломных работ; попустительство посредством зачета работ, не являющихся результатом их собственного труда, или с учетом “связей” студентов для получения более высокой оценки; упрощение содержания учебного курса. Выбор преподавателя в пользу академической добросовестности предполагает, что в стремлении к степеням и званиям он основывается на законных, прозрачных, справедливых критериях, исключающих предъявление к защите квалификационных работ, которые не являются результатом его собственного труда, в том числе обладающих признаками *воровства* (плагиата), использование родственных или служебных связей для получения искомым степеней и званий и т.д.».

Второй пример. «Профессионально-этическая компетентность преподавателя испытывается осознанием сформулированной академическим сообществом нравственной конфликтности ситуации оценки успехов студентов: в ходе

экзамена преподаватель должен оценивать только предъявленные студентом знания, умения и навыки? Или он должен делать поправки на личность студента, его особые жизненные обстоятельства, объясняющие неудовлетворительный уровень знаний?».

Третий пример. «Профессор-администратор – субъект выбора в ситуации столкновения ценностей “высокой” профессии и требований университета-корпорации в *тех случаях*, когда университет идентифицирует себя в качестве “корпорации-предприятия по оказанию *образовательных услуг*”. Кодекс предполагает, что при необходимости такого выбора профессор-администратор отдает приоритет ценностям базовых профессий научно-образовательной деятельности, сознавая, что такого рода корпоративность не должна размывать университетские этические ценности, нанося тем самым ущерб качеству преподавания и исследований».

* Трудно не заметить в Кодексе специальную рубрику «Университетский профессионал в ситуации конфликта требований профессиональной и корпоративной этик», которая дает классификацию типов объективного конфликта требований профессиональной и корпоративной этик к университетскому профессионалу как следствия нравственных *оппозиций* корпоративизма.

* Особо должен обратить внимание сторонников модели кодекса-регулятора на раздел «Минимальный стандарт» профессионально правильного поведения.

Вот один из фрагментов: «Профессор-администратор не допускает подмены содержания формой, превращения формального следования инструкции или распоряжению в “служебное рвение”, господства рутинных процедур над продуктивностью, доминирования бюрократического стереотипа “инициатива наказуема”».

Не имея здесь возможности возвратиться к критическим суждениям участников мастер-классов, остановлюсь лишь на одной реплике по поводу Кодекса из стенограммы мос-

ковского мастер-класса.

«Вы как будто намекаете каждому, что он сам должен с этим разобраться. Но люди, естественно, разберутся по-разному, каждый по-своему. Этот момент неопределенности вполне интересен в пределах какой-то образовательной практики. Но когда мы говорим о разработке нормативного документа, мне кажется, такой подход не проходит».

Полагаю, цитированные в моем комментарии фрагменты Кодекса дают возможность оспорить последнее суждение. Более того, полемика с ним – одно из важных направлений развития идеи и технологии проектирования этических кодексов. И всей инновационной парадигмы прикладной этики.

В заключение своих комментариев подчеркну прямую связь этих положений Кодекса – документа, *иного* относительно распространенных представлений о модели этического кодекса – с положениями инновационной парадигмы, характеризующими ее именно как *фронестику морального выбора*. Смысл прилагательного «прикладная» к существительному «этика» менее всего предполагает элементарную аппликацию, ибо речь идет о приложении как процессе морального творчества, процедуре конкретизации, *акте морального выбора*. Ситуация выбора – универсальная структура приложения. В инновационной парадигме *modus vivendi* прикладной этики – *моральный выбор*.

ЗАВЕРШАЯ описание мастер-класса, позволю себе актуальную реплику-вывод.

Реализация заявленного в анонсе тезиса о сосредоточенности мастер-класса на демонстрации *ноу-хау* инновационной парадигмы, в которой взаимосвязаны (а) проектно-ориентированная исследовательская деятельность, программируемая форматом *концептуального «техзадания»*, и (б) практическая реализация «техзадания» посредством этико-прикладных технологий оправдывает место и роль *вступительной лекции*.

Часть первая

ПРИРОДА ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ:
ЧТО? К ЧЕМУ? КАКИМ ОБРАЗОМ? ЗАЧЕМ?

Лекция 1

**Ситуация в прикладной этике:
от «ереси» к парадигмальному многообразию***1.1. Жизненный путь идеи прикладной этики:*

«ересь» → «в этом что-то есть» → «кто же этого не знает»

1.1.1. «...В начале была ересь»

«Ересь» в терминах приведенной во Введении формулы из фольклора науковедов, выделивших три фазы жизни всякой инновации.

Точнее, не в самом начале. Инновационный курс выходит в свет в год юбилея, немногим коллегам известного. Тридцать пять лет назад была открыта первая в стране лаборатория прикладной этики. Которой еще только предстояло стать НИИ ПЭ. И диагноза «ересь» сразу не было. Вероятно потому, что активность лаборатории на первых порах была скорее в сфере практики. Концептуальные подходы заявлялись в самой общей форме, не затрагивающей оснований доминирующих представлений о природе этики как «практической философии». Лаборатория продуцировала прикладные разработки для этической экспертизы и консультирования процесса формирования Тюменского нефтегазового комплекса, а также для практики вузовского, послевузовского образования и идеологической работы. Практикумы по общей и профессиональной этике, этические деловые игры, программы и технологии профессионально-нравственной подготовки руководителей, проектирование кодексов трудовых коллективов и т.д. не рассматривались как покушение на *основания* этической науки.

Так, например, весьма спокойно этическое сообщество восприняло разработку методики «Аттестации морально-деловых качеств личности», внедряемую в практику через технологию этической деловой игры²⁹. Доминирующая функция этой игры, предназначенной для системы профессионально-нравственной подготовки руководителей, – учебная. Моделируемый объект – процедура должностной аттестации. Предмет этико-прикладной разработки – методика характеристики морально-деловых качеств личности как исходного этапа аттестации. Ситуационная задача, организующая игровое моделирование, основана на очерке писателя А. Борина «Пробивной человек», опубликованном в «Литературной газете». Персонаж очерка – молодой, инициативный, предприимчивый главный инженер автобазы – Петухов, деловые качества которого воспринимаются частью трудового коллектива как конфликтующие с общепринятыми нормами морали. Алгоритм игры предполагал работу ее участников, исполняющих роль членов аттестационной комиссии, с игровой ситуацией в два этапа: «интуитивный» (без участия научных консультантов) и «научно обоснованный».

Испытание выбором, являющееся атрибутом этико-прикладных игр, заключалось в необходимости для «членов аттестационной комиссии» принять решение о выдвижении главного инженера на должность директора, так или иначе определившись с этической квалификацией такой конфликтной черты профессии *делового человека*, как предприимчивость.

Аналогичной была реакция этического сообщества и на

---

²⁹ См.: Этика и управление (методические рекомендации по подготовке и проведению операционной игры «Аттестация морально-деловых качеств личности» в системе профессионально-нравственной подготовки руководителя) / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Индустриальный институт, 1979. Фрагментарно игра была описана в кн.: *Бакштановский В.И.* Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы.

деловую игру «Профессионально-нравственный кодекс трудового коллектива» (в этой технологии были спроектированы кодексы тюменских заводов «Электрон», «ТЭМЗ», «АТЭ», объединения «Сибкомплемонтаж») и на игру «Кредо руководителя» и т.д.

Но до вполне внятной реакции значительной части профессионального этического сообщества в терминах «ересь», «это все далеко от этики» и т.д. – с точки зрения доминирующей концепции этики – оставалось совсем недолго.

Уже для времен пребывания этико-прикладной проблематики на самом «краю исследовательской ойкумены» характерно вовлечение в деятельность тюменской лаборатории прикладной этики коллективов кафедр этики МГУ и ЛГУ. Документами такого сотрудничества являются отчеты кафедр этики МГУ и ЛГУ по договорам с этой лабораторией, заключенным для совместного исследования этико-прикладной тематики в рамках целевой программы «Нефть и газ Западной Сибири» Росминвуза и гуманитарного блока программы «Сибирь» Сибирского отделения АН СССР.

Кстати, в таком сотрудничестве нетрудно увидеть сразу два элемента *проектирования биографии* идеи прикладной этики: вовлечение научного сообщества в целевую программу, во-первых, намеренное инициирование и стимулирование лабораторией критики разрабатываемой в ней концепции – во-вторых.

Так, например, трудно забыть, что в отчетных материалах первой из этих кафедр, сосредоточившейся на анализе самой идеи прикладной этики, существенное место занимали весьма скептические, а то и просто безапелляционно негативные суждения по поводу самой возможности прикладной этики. Правда, лаборатория получила и конструктивный анализ своей работы: сошлюсь на экспертное заключение заведующего кафедрой А.И.Титаренко о «тюменском эксперименте». С точки зрения автора, «основное, центральное звено, которое позволяет оценить тюменский

эксперимент столь высоко – как новый, перспективный, – заключается в специфике решения им морально-этических проблем, органически соединяющего в себе “трех китов”: исследования – разработки – внедрение»³⁰.

Для отчетных материалов ленинградской кафедры этики характерны позитивные оценки работы лаборатории, подтверждаемые собственным опытом соисполнителей договора в исследовании природы этического знания, вовлечении нормативной этики в теоретико-прикладной комплекс этического знания, нравственной жизни трудовых коллективов как объекта этико-прикладных исследований и т.д.

Расширение круга исследователей прикладной этики, координация их работы в рамках целевых программ лаборатории способствовали формированию этико-прикладного дискурса. Обе кафедры активно участвовали в тюменских конференциях, материалы публиковались в сборниках по этико-прикладной проблематике, тем самым, пусть и косвенно, легитимируя ее.

Но «слишком» быстро развивалась практическая деятельность лаборатории, интенсивно стимулирующая разработку теоретической гипотезы, формируемой и продвигаемой в том числе в формате целенаправленно инициированных конференций и сопровождающих их сборников статей. И в то самое время, когда часть этического сообщества переходила ко второму этапу восприятия инновации – «в этом что-то есть», другая часть сообщества посчитала неправильной «снисходительность» философской этики в отношении результатов первой стадии формирования новой ветви древа этической науки, настойчивых попыток проектировать этико-прикладное знание и стремилась удержать амбициозное направление на самом краю ойкумены этиче-

---

³⁰ См.: *Титаренко А.И.* Задачи развития тюменского опыта прикладных этических разработок // Опыт прикладных исследований и разработок, их экспериментального внедрения в управление воспитательной работой. Тюмень, 1983. С. 268.

ского знания.

НЕКОТОРЫЕ аргументы по поводу (не)возможности прикладной этики как таковой были предложены в теоретических дискуссиях о природе морали и этического знания начала восьмидесятых годов на страницах журнала «Вопросы философии». Обращу внимание на акценты, которые расставил Ф.Н. Щербак в своем Послесловии к моей работе «Этика как “практическая философия”». Анализируя статьи тех участников этой дискуссии, авторы которых стремились отразить возможность развития прикладной этики, он выделил три варианта интерпретации практической значимости этики, представленные в рамках дискуссии. Первый из них предполагает, что «этика всегда развивалась как единство философской и нормативной сторон, обусловленность которых вытекала из необходимости перевода теоретических концепций о нравственном идеале, добре и зле, смысле жизни на язык конкретных рекомендаций, на язык долженствования». На этом основании, полагает Ф.Н. Щербак, «некоторые этики вообще выступают против каких-то самостоятельных прикладных разделов этического знания», поскольку «этика в известном смысле сама по себе “прикладная”, практическая наука, ибо ее суть в приложении философии к жизни» (здесь следует ссылка на конкретного участника дискуссии³¹).

Второй вариант предполагает, что «этика, поскольку она представляет собой философскую теорию морали, сама по себе (своими философскими средствами) не может давать практические советы по конкретным вопросам нравственной жизни, таким, например, как преодоление моральных конфликтов, формирование профессионально-нравственных (деловых) качеств личности, управление нравственными процессами в коллективе. Поэтому требуется выделение особой частно-научной теории морали – мора-

---

³¹ *Щердаков В. Н.* Этика и нормативность // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 86.

леведения, предметом которого и должны стать вопросы прикладного значения: изучение истории и состояния нравов, особенностей проявления нравственных отношений в социальной группе, семье, профессиях, причин “отклоняющегося поведения”, разработка научно-практических рекомендаций по улучшению постановки нравственного воспитания и т.д.» (здесь следует ссылка на конкретного участника дискуссии³²).

Третий вариант: ряд исследователей, «не отрицая возможности отпочкования от этики относительно самостоятельных направлений этико-прикладных исследований со своими специфическими задачами, проблематикой и методами, ...настаивает на внутреннем единстве этической науки и справедливо критикует противопоставление моралеведения теоретической этике, их отрыв друг от друга. Все этико-прикладные направления (уровни, “блоки” этического знания) при всей своей относительной самостоятельности “лишены обособленности, а их научная эффективность находится в прямой зависимости от целостности системы знаний... Это значит, что философский характер этики проявляется на всех уровнях этического знания”» (здесь следует ссылка на конкретного участника дискуссии³³). Сам Ф.Н. Щербак полагал последний вариант наиболее приемлемым.

ВЕРОЯТНО, именно вследствие доминирования в этике представленных в той дискуссии позиций и через два десятка лет после нее существовали основания для самодиагностики отечественной ситуации прикладной этики с помощью метафоры «на краю исследовательской ойкумены». Для диагноза с *драматической* интонацией: «увы, именно на такое положение была обречена прикладная этика в

---

³² Ефимов В. Т. Этика и моралеведение // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 73.

³³ Архангельский Л.М. Этика или моралеведение // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 77.

рамках принятой у нас парадигмы этики на время появления первых современных отечественных этико-прикладных исследований». Драматическую интонацию смягчала интонация *самоуспокаивающая*: «нет, проблематика прикладной этики не то, чтобы вовсе замалчивалась, но ей не придавалось того значения, каким она давно и прочно располагает в мировой этике». Затем – снова интонация *обостряющая*: «она располагала сравнительно ограниченной академической легитимностью, ютилась где-то на задворках советского, да во многом и постсоветского, этического мейнстрима». И наконец, *укоряющая*: «даже вполне благожелательно настроенные к этико-прикладным исследованиям философы скорее снисходительно взирали на эти исследования как на не совсем “законную” планету в кругу расчисленных светил»³⁴.

1.1.2. «...В этом что-то есть»

А время шло – созревал второй этап жизненного цикла инновации. Вероятно, первой точкой бифуркации послужила международная (советско-болгарская) конференция по проблемам прикладной этики в Тюмени (1982) и публикация готовящих ее материалов³⁵.

На конференции и, подчеркну, на этико-прикладной игре, проведенной в рамках самой конференции, было зафиксировано значительное продвижение идеи прикладной этики в концептуальном плане. Наглядно проявились и

---

³⁴ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: на краю исследовательской ойкумены // Новые старые проблемы / Отв. ред. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 1999.

³⁵ См., напр.: Прикладная этика и управление нравственным воспитанием / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980; Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск: Наука, 1980; Теория и практика управления нравственным воспитанием в трудовом коллективе. Новосибирск, 1982; Этика. Мораль. Воспитание: Прикладные аспекты / Под ред. В.А. Алексеева, В.И. Бакштановского. Новосибирск: «Наука» СО АН СССР, 1982 и др.

первые признаки ее академической легитимации (в игре активно участвовали не только сторонники идеи прикладной этики, но и ее оппоненты)³⁶.

Разумеется, восприятие процесса развития прикладной этики в этическом сообществе не стало вдруг тотально позитивным. Не ослабевало сопротивление, в том числе с использованием «партийно-административного ресурса»: прямо, через запретительную критику на конференциях (Г.Г. Квасов) – даже уже в первый перестроечный год, на уже упомянутой выше всесоюзной конференции в Минске; или косвенно, через давление на издательства – характерно вынужденное послесловие издательства «Знание», о котором я говорил во введении.

Однако формировалась и взвешенная поддержка. Одно из ее проявлений – позиция Ф.Н.Щербака: «В конечном счете, дело не в сторонних рекомендациях, а в том реальном опыте, который уже накоплен и который явственно заявил о себе практическими делами, плодотворным сотрудничеством ученых и практических работников тюменских предприятий, интересными публикациями»³⁷.

Второе: сформулированная А.И.Титаренко по итогам анализа упомянутой выше дискуссии в «Вопросах философии» позиция многосторонности и многоуровневости современной этики, позволяющая ориентироваться на взаимодополнение выдвигаемых концепций практичности этического знания. С точки зрения автора, расхождения между

---

³⁶ Стоит подчеркнуть неслучайность участия в конференции болгарских коллег, причем *партнерского* участия. Во-первых, одна из самых активных и серьезно разрабатываемых в те годы версий прикладной этики – в *формате педагогической этики* – принадлежала известному болгарскому этику В. Момову. Во-вторых, болгарские коллеги были известны в то время не как кабинетные философы, но как управленцы и проектировщики, исследователи, наглядно применяющие результаты своей работы в практике идейно-воспитательной работы.

³⁷ Щербак Ф.Н. Послесловие. С. 60.

позициями «традиционного» и «инновационного» истолкования этики как «практической философии» – «несмотря на их кажущуюся непримиримость – в немалой мере внешние. Ведь теоретическая этика может давать такие результаты, которые непосредственно, в плане нормативном, ближе и более значимы для нравственной жизни людей, чем эмпирические разработки. А так называемая эмпирическая этика – в силу ряда специфических зависимостей ее от реального, конкретного материала – может порождать мифы, иллюзии, облеченные в псевдонаучную фразеологию, но в действительности лишь повторяющие расхожие предрассудки обыденного сознания. С другой стороны (и это особенно важно в наши дни), конкретно-прикладные стороны этики – если они подкрепляются эффективной методологией подхода к реалиям морали и одновременно набором отработанных приемов преобразования нравственного сознания и поведения – могут иметь такие особые связи с практикой, которыми, в силу опять-таки своих специфических методов, теоретическая этика не обладает. Иначе говоря, процесс развития как науки о морали, так и самой морали проходит различные этапы, “отлетая” в сферу абстракции и вновь (одновременно!) возвращаясь (причем разными путями, в зависимости от исторической ситуации) к реалиям нравственной жизни. Высвечивая разные моменты этого процесса, авторы в действительности совместно работают в одном направлении: создания единой, многосторонней, многоуровневой этики как науки»³⁸.

Третье: итог размышлений Л.М. Архангельского, первоначальный скепсис которого относительно возможности прикладной этики обернулся введением в его книге о предмете и структуре этики раздела «Этико-прикладные исследования»³⁹.

---

³⁸ *Титаренко А.И.* Панорама этических идей // Вопросы философии. 1984. № 6. С. 111.

³⁹ *Архангельский Л.М.* Марксистская этика: предмет, структура,

ДАЖЕ В СИТУАЦИИ тех лет, дающей достаточно оснований для сценария развития этико-прикладного знания с характерными экзистенциальными признаками «безнадежной решимости», коллектив, инициировавший новое направление, рассчитывал на позитивный для прикладной этики сценарий ее развития. Не просто рассчитывал, но и действовал с установкой на *проектирование биографии* направления, на его *неадаптивную* активность к доминирующим в науке парадигмам, на уклонение от чисто *реактивного* поведения в отношении к практическим ситуациям и ситуациям в науке.

Речь идет о не отменяемых моментами интуитивности научного поиска и влиянием обстоятельств *инициативных* акциях по вовлечению научного сообщества и практических институций в рефлексию проблематики прикладной этики, в том числе с помощью ее технологий (например, игрового моделирования); систематической организации критики в свой адрес, в том числе в рамках инициированных самим этим направлением дискуссий.

Поэтому судьба второго этапа жизни инновации во многом связана с инициированным лабораторией прикладной этики – совместно с Ханты-Мансийским окружком КПСС и АПН – проектом «Самотлорский практикум». «Самотлорские практикумы» (первый – в 1987г., второй – в 1988) еще будут предметом анализа в последующих лекциях, в том числе и две деловые игры – трехдневная, в формате которой в г. Нижневартовске была проведена конференция «Нравственная жизнь, нравственно-воспитательная деятельность, “воспитание воспитателей”», и двухдневная «Освоение без отчуждения»⁴⁰.

направления. М., 1985. С. 197-232.

⁴⁰ Обе игры – первая попытка инициативного движения этического

Здесь же сосредоточусь на экспертизе ситуации в этическом знании в целом, и в сфере этико-прикладных исследований особенно, которая была (наряду с экспертизой моральной ситуации в обществе) одним из основных предметов этого проекта.

В рамках включенного в проект двухэтапного экспертного опроса⁴¹ – кстати, по составу участников экспертиза «демократическая», а не элитарная, как в дискуссии на страницах ж. «Вопросы философии» – были проблематизированы гносеологический идеал современной этики, эффективность традиционных и (не)возможность новых видов практического приложения этического знания, идея гуманитарной экспертизы и консультирования как интегральной технологии становящейся прикладной этики.

Предварительно экспертам предлагалось диагностировать «болевы́е точки» и «точки роста» ситуации в этике. И наряду с констатацией нереализованности «задачи рефлексивного осмысления положения, в котором оказалась этика в результате тридцатилетнего развития» (Р.Г. Апресян), и метафорическими преамбулами к диагнозу: «говорить о “болевых точках” советской этики – все равно, что выискивать капли пресной воды в океане. Ее боль не поддается точечной локализации, ибо захватила все тело» (А.А.Гусейнов), – фактически общим диагнозом была фиксация оторванности этики от реальных проблем практики, неготовности традиционных методологических подходов для исследования нравственной жизни и т.п. Конкретнее этот диагноз был представлен в рейтинге экспертных оценок, составленном в рамках построенной на материалах эк-

---

сообщества приложить потенциал знания о морали к современной практике, работая в формате этического форума, технологизированного методами гуманитарной экспертизы – экспертного опроса и игрового моделирования.

⁴¹ См.: Самотлорский практикум. Тюмень, 1987; Самотлорский практикум-2. Тюмень, 1998.

спертного опроса деловой игры⁴².

Отсюда вполне общий тезис экспертов о «необходимости прорыва», «перестройки» в этике. *Настроение*, определяющее направление *прорыва* – в «говорящих» заголовках некоторых экспертных текстов: «“точки роста” – в преодолении “болевых точек”» (В.А. Блюмкин); «“точки роста” совпадают с “болевыми точками”, преодолевая их» (Б.О. Николаичев). *Конструктивность* предложений экспертов? При установочном ориентире «пусть “Самотлорский практикум” не будет спором глухих» (Ф.Н. Щербак) и совпадающем алгоритме поиска средств «прорыва» – «ответ на первый вопрос в значительной мере предопределяет и ответ на второй» (А.И. Титаренко) – мы видим большое разнообразие позиций: «этика должна заново привыкать обращаться к человеку» (В.В. Малахов), «от заземления этики – к восхождению на олимп человеческой мудрости» (В.П. Кобляков), «моралистическая миссия этики» (Н.Д. Зотов), «обретение этикой своей подлинной роли», «время дефинитивной этики прошло, сейчас нужна этика эссеистская» (А.А. Гусейнов) и др.

А что же с идеей прикладной этики, которую авторы проекта, подчеркну, не «продавливали» в анкете, предпочитая вместо декларации ее значимости включать этическое сообщество в работу, организованную по присущим прикладной этике технологиям? По формальным признакам говорить о «торжестве идеи» в суждениях участников опросов не приходится. При доминировании тезисов об острейшей необходимости развития *практического* потенциала этической науки – снова «говорящие заголовки»: «саму жизнь ввести в контекст этического исследования» (Ф.Н. Щербак), «углубленное изучение живой морали» (Р.В. Петропавловский) – тема развития собственно прикладной этики не оказалась доминирующей.

---

⁴² См.: Федоров Ю.М. Универсум морали (1). Полиморфизм морали. Тюмень, 1990. С. 4.

| Тем не менее она прозвучала, и достаточно заметно.

Во-первых, это были утверждения о характерности для гносеологического идеала этики фундаментальных и прикладных аспектов (И.С. Урбанаева, Б.О. Николаичев). Во-вторых, это были суждения о таком признаке этико-прикладного знания, как конструктивность: «этика как практическая философия должна стать в современных условиях конструктивной отраслью научного знания, подобно конструктивной психологии» (Е.И. Головаха). В-третьих, наряду с признанием стремления к технологизации этико-прикладного знания («уже не вызывает сомнения»), отмечалась особая природа теоретизирования в прикладной этике: «прикладная этика не может быть т.н. “пристройкой” к теоретической этике. Предмет приложения определяет характер теории, так что необоснованными являются попытки как обойти теорию, так и использовать уже сконструированную (вне конкретных социальных задач или помимо них) теорию. Этическая концепция изначально должна строиться с ориентацией на приложение, т.е. не только объяснение, но и изменение мира. Именно такая концепция может быть теоретически конкретной» (Р.Г. Апресян)⁴³. В-четвертых, отстаивался тезис о том, что призванной стать «точкой роста» прикладной этике необходимо сориентироваться на «культурологические рефлексивные структуры», на «исследовательские процедуры, основанные на понимании», например, она «должна существенно отличаться по своим исследовательским процедурам от прикладной социологии, которую, к сожалению, она продолжает копировать» (Ю.М. Федоров). При этом, и обходясь без слов «прикладная этика», эксперты фактически говорили о ее пред-

---

⁴³ Рискну напомнить Р.Г. Апресяну это его суждение давних лет, вполне актуальное в современных поисках автором в сфере прикладной этики.

мете и задачах. Например: «не отказываясь от тех возможностей, которые заключает в себе традиционный путь, современная этика должна сосредоточить усилия на поиске, разработке и апробации путей нетрадиционных: это, прежде всего, включение этической теории в социальное проектирование и организационно-управленческие программы» (Ю.М. Смоленцев).

Весьма востребованной оказалась одна из ключевых на этом этапе идей-технологий прикладной этики – гуманитарная экспертиза и консультирование: вслед за вопросом об эффективности традиционных и возможности новых видов практического приложения этики авторы проекта спрашивали в анкете: «Считаете ли Вы целесообразной этическую (шире – средствами гуманитарного знания) экспертизу практики принятия решений различными социальными субъектами?».

И здесь не обошлось без скепсиса: «Авторы анкеты интересуются, что такое этическая экспертиза и как ее осуществлять? Вот и я спрашиваю: что это такое и как ее осуществлять?» (А.А. Гусейнов); иронии: «Подлинная этическая экспертиза, на мой взгляд, тождественна марксистской, социально-философской, аксиологически отрефлексированной теории. Все остальное радуется, в основном, тем, что разнообразит нашу этическую жизнь и пробуждает к критической активности» (О.П. Зубец); и здоровой осторожности: «В принципе эта идея не вызывает возражений, но она нуждается в серьезной практической проверке» (В.А. Блюмкин).

Но многие эксперты позитивно восприняли идею-технологии гуманитарной экспертизы. Во-первых, обращалось внимание на актуальность идеи-технологии: «возможность и необходимость такого нетрадиционного способа обращения теории к практике, как гуманитарная экспертиза и консультирование, связана с целым рядом обстоятельств со-

временной жизни» (М.С. Каган). Во-вторых, идея-технология гуманитарной экспертизы рассматривалась как «заказ» этике от практики, «заказ» именно этической науке: «организаторы “Самотлорского практикума”, по существу, правильно ставят вопрос об усилении практической отдачи марксистско-ленинской этики. Конечно, назрел вопрос об оказании практической помощи личностям (включая детей школьного возраста), производственным единицам, добровольным объединениям, семьям и т.д. В виде этического консультирования по жизненным вопросам нравственности. ...надо подчеркнуть: требуются профессиональные этические экспертизы и консультирование» (Т.С. Лапина). В-третьих, она оценивалась как «особая точка роста» этического знания, как «форма связи этики с жизнью». Конкретизация оценки: «гуманитарная экспертиза даст рост этического знания по двум направлениям: для философской этики практика гуманитарной экспертизы самых различных социальных явлений, преобразований, промышленных проектов и т.д. Выступает продуктивной коррекцией общеполитических положений на реальность; для эмпирически ориентированной этики гуманитарная экспертиза показывает необходимость генерализованных философских подходов в выработке позиции по вполне конкретным вопросам» (А.П. Вардомацкий). В-четвертых, отмечалась связь гуманитарной экспертизы именно с прикладной парадигмой этического знания: «имеет ли какие-либо преимущества с точки зрения наиболее эффективного гуманистического консультирования социальных решений та или иная из двух конфликтующих исследовательских ориентаций (“управленцы” и “антиуправленцы”) в нынешнем этическом сообществе? На наш взгляд, преимущество за теми, кто не боится “идти в жизнь”» (В.Т. Ганжин).

Суждения экспертов по поводу идеи гуманитарной экспертизы прямо подводили к запросу на развитие прикладной этики даже и в том случае, когда они не оформлялись в терминах прикладной этики. Так, например, Р.Г. Ап-

ресян подчеркивал, что «оторванность этики от жизни прослеживается в слабости теоретических концепций, а не в том, что этики не занимаются животрепещущими общественными проблемами», а И.Э. Бекешкина напоминала, что «на “Самотлорском практикуме-1” приходилось слышать суждения, будто для того, чтобы стать этиком-консультантом, достаточно быть просто... Хорошим человеком. Сейчас, когда этика решительно изживает комплекс оторванности от жизни, особую опасность представляет, на мой взгляд, решение сложных нравственных проблем с позиций “этики чувства”, превращение этика из научного работника в эдакого самозванного гуру, готового раздавать советы по любым проблемам современности, исходя из своей “чистой души” (не оскверненной научным анализом)».

Да, инициированная проектом «Самотлорский практикум» экспертиза показала, что проявленное его участниками отношение к состоянию и перспективам прикладной этики не было «безусловным признанием», «единодушной поддержкой» идеи прикладной этики в целом. Скорее лояльное отношение к новому направлению было оформлено в виде «кредита доверия».

Но уже это лишало инновационное направление возможности поддаваться греху уныния и/или установке «безнадежной решимости». Учитывая результаты проекта, ситуацию в развитии отечественного этико-прикладного знания уже нельзя было истолковывать в терминах «безнадежной решимости».

Лишало вовсе не вопреки намерению авторов проекта. Наоборот, это был еще один наглядный пример возможности и необходимости *проектирования биографии* нового направления через вовлечение научного сообщества в рефлексию идеи и технологий прикладной этики, в том числе и *заведомо критическую* рефлексию.

В деле гуманитарной экспертизы, идея которой была своеобразным тестом и для перспектив концепции прикладного знания, «лед» в атмосфере широкого этического сообщества вокруг прикладной этики не просто «тронулся», но созрел для трансформации в «половодье».

Тем более, что лаборатория не откладывала практическое испытание этого рискованного вывода: «в ответ» на условие не рассуждать об этической экспертизе «без того и до того, пока не будут налицо хотя бы несколько успешных опытов такой экспертизы» (А.А. Гусейнов), была проведена серия гуманитарных экспертиз регионального и союзного масштабов: «Конфликт инновации и традиции»⁴⁴; «Партия в ситуации выбора»⁴⁵; «Арктическая политика: человеческое измерение»⁴⁶; «Ямальский конфликт» и т.д. Большинство из них включало экспертные опросы и этико-прикладные игры.

Вероятно, всем этим можно объяснить прозвучавшую в 1990 году оценку: «в советской этике есть определенное, достаточно четко институализированное направление, идентифицирующее себя как прикладная этика»⁴⁷.

И наконец-то, отпала необходимость *оправдания* права на этико-прикладные исследования и разработки. И это очевидная позитивная сторона трансформации отношения к прикладной этике как инновации.

Но реализация инновационной парадигмы все еще воспринималась этическим сообществом именно в формате «в

---

⁴⁴ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю.* Конфликт инновации и традиции: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюменский научный центр СО АН СССР. Тюмень, 1990.

⁴⁵ См., напр.: *Бакштановский В.И., Чурилов В.А.* В ситуации выбора // *Коммунист.* 1989. № 13.

⁴⁶ Арктическая политика: человеческое измерение. Материалы эксперт. опроса к междунар. конф. / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО АН СССР. 1990.

⁴⁷ См.: *Гусейнов А.А.* О прикладной этике вообще и эвтаназии в частности // *Философские науки.* 1990. № 6.

этом что-то есть», с ударением на *что-то*. Не характерно ли, что в преамбуле к разделу «Проблемы прикладной этики» авторы учебника «Этика», вышедшего через много лет после замечания одного из них о существовании уже в советской этике институционализированного направления «прикладная этика», все же подчеркнут приоритет зарубежной прикладной этики, а про отечественную инновацию даже не упомянуто.

1.1.3. «...Кто же этого не знает»?

И вдруг – *большой скачок* во внимании к проблемам прикладной этики. Пусть и не прямо, но подтверждающий точность формулы науковедов относительно третьего этапа жизни всякой инновации.

Вряд ли характеристика *большой скачок* – преувеличение. В «Философских науках» впервые появляется статья о прикладной этике⁴⁸; в секторе этики Института философии АН СССР, многие годы весьма активно противостоящем *ереси*, выходит монография о зарубежном опыте развития прикладной этики, построенная на анализе исследований в сфере биоэтики⁴⁹; в первом постсоветском учебнике для студентов вузов выделен раздел «Проблемы прикладной этики»⁵⁰;

«Большой скачок» – характеристика этапа жизни идеи прикладной этики, относительно которого и прозвучало вполне (само)уверенное «кто же этого не знает». Но *чего именно* – «этого» – не знает?

Чаще всего под прикладной этикой подразумевают два смысла, один из которых – отождествление прикладной этики с практической, – во-первых; версия предмета прикладной этики, испытавшая сильное влияние успешно развивающейся на Западе *этики открытых вопросов*, в ос-

---

⁴⁸ См.: Гусейнов А.А. О прикладной этике вообще и эвтаназии в частности // Философские науки. 1990. № 6.

⁴⁹ См.: Коновалова Л.В. Прикладная этика. М., 1998.

⁵⁰ См.: Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. 1998.

новном биоэтики) – во вторых. Правда, *чаще всего* – не тотально. (Само)уверенность типа «кто же этого не знает» распространяется и на иные представления о природе прикладной этики, само существование которых значимо в перспективе развития инновационной парадигмы.

Полагаю, что наиболее эффективный способ понимания новой ситуации в прикладной этике – обращение к типологии ее парадигм, которую я аннотировал во Введении. Их эскизная характеристика⁵¹ и реплики в отношении каждого эскиза показывают конкретные варианты того, что же именно «все знают».

ИТАК, через двадцать лет после «Самотлорского практикума-1» возникла необходимость зафиксировать новую *проблемную ситуацию* в жизни прикладной этики – уже наивно было бы радоваться тому, что «лед» атмосферы широкого этического сообщества вокруг прикладной этики «тронулся», и совсем банальным стал бы вывод о том, что созрело «половодье».

За характеристикой «современные подходы» применительно к метафоре об этике как «практической философии» теперь стоит уже не одинокое направление, развивающееся в обстоятельствах активного скепсиса академической среды, но, *по меньшей мере*, пять версий-образов прикладной этики.

Здесь я опираюсь на материалы исполняемого в технологии экспертного опроса проекта НИИ ПЭ «Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном

---

⁵¹ В этой попытке классификации парадигм каждая из них представлена скорее упрощенно (хотя тезисные версии парадигм выстроены максимально близко к текстам ее авторов и/или сторонников); в этой типологии не рассматриваются парадигмы прикладной этики, авторы которых не рефлексируют феномен *приложения* этики в его соотношении с феноменом *практичности* этики; некоторые из парадигм находятся в процессе становления и/или развития; сегодня уже формируются основания для конкретизации и даже расширения типологии.

знании и приглашение к рефлексивному самоопределению»⁵².

Задачи опроса: экспертная оценка классификации основных парадигм прикладной этики, которая предложена авторами проекта в качестве способа диагноза ситуации; самоидентификация и/или самоопределение с помощью этой классификации относительно парадигмы прикладной этики, в которой участник проекта работает как исследователь, разработчик, преподаватель и т.д.; характеристика технологии приложения в разделяемой им парадигме – ноу-хау, с которыми она связана.

Участникам экспертизы были предложены следующие парадигмы.

Парадигма 1. Прикладная этика – современная разновидность практической этики, предметным полем которой являются открытые моральные проблемы. Такие проблемы определяются как открытые на том основании, что имеют форму дилеммы, каждое из взаимоисключающих решений которой поддается моральной аргументации. Новизна и специфика моральной жизни в форме открытых проблем в том, что здесь нет решения на уровне норм – оно делегируется на индивидуальный уровень⁵³.

Реплики проекта к этой парадигме.

Идентификация экологической этики, биоэтики и т.п. как этики открытых проблем не могла бы обойтись без характеристики «прикладная»? «Новый образ этики»? Вполне уместная характеристика. Новые морально-философские проблемы? Вполне. Но нужна ли здесь характеристика

---

⁵² Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009.

⁵³ См.: Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. 1998. С. 393; Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Общепрофессиональная этика / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Ведомости. Вып. 25. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004; Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы).

«прикладная», даже если речь идет не об аппликации, но о «новых синтезах»? Может быть, сторонникам этой парадигмы вполне достаточно идентифицировать ее как разновидность *практической* этики?

Может ли и должна ли этика открытых проблем дать моральному субъекту нечто большее, чем квалификацию ситуации его выбора как «бремени», передавая ответственность за выбор всецело самому субъекту?

Совместима ли парадигма этики открытых проблем с современным представлением об иницируемом социальными институтами целенаправленном воздействии этического знания на моральную практику?

Парадигма 2. Предметным полем прикладной этики является императивно-ценностное содержание конкретных, профессионально и предметно определенных, социальных практик с целью их этической рационализации. Используя понятийный аппарат, разрабатываемый *нормативной этикой*, прикладная этика изучает реально практикуемые в специальных видах деятельности правила, социокультурные условия, в которых эта деятельность осуществляется, а также социальные устройства и механизмы, посредством которых обеспечивается действенность этического режима⁵⁴.

Реплики проекта к этой парадигме.

Новое предметное поле этики? Действительно. Но зачем здесь характеристика «прикладная»? Не достаточно ли характеристики «практическая этика»?

Не считают ли авторы и сторонники этой парадигмы необходимым отрефлексировать *пределы* ее практичности? В том числе пределы практичности технологии «ситуационный анализ»? Допускает ли эта парадигма разработку и

---

⁵⁴ См.: Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику // Общепрофессиональная этика. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004; Он же: Экологическая этика в системе прикладного этического знания // Основы экологической этики. Учебное пособие / Под ред. Т.В.Мишаткиной, С.П.Кундаса. Минск: МГЭУ им. А.Д.Сахарова. 2008.

применение таких современных технологий приложения, как моделирование, проектирование, экспертиза и т.п.?

Парадигма 3. Прикладная этика существует с античного времени. Классический пример – отстаивание Сократом своего отказа бежать от незаслуженной казни. Прикладная этика – использование общеэтических концепций для решения конкретных практических ситуаций, применение принципов, ценностей, идеалов к практике для ее оценки «по этическим основаниям». Выделяются (а) исследование случаев, в которых философы применяют теорию к конкретным ситуациям (критика Бентамом «анархических заблуждений» во французской Декларации 1789 г. с позиций позитивистского утилитаризма); (б) традиционная казуистика – применение этической рефлексии к рассмотрению практических ситуаций; (в) анализ этических аспектов проблем, которые возникают в рамках профессиональных занятий.

Как и казуистика, прикладная этика обычно ситуационна. В современной прикладной этике ситуационные методы обоснования принятия моральных решений фокусируются на актуальной проблеме. Классический пример решения идеализированной сложной ситуации – «Соломоново решение»⁵⁵.

Реплики проекта к этой парадигме.

Возможно, применительно к классикам истории этической мысли речь должна идти скорее о *практической* этике, появившейся, по меньшей мере, на два тысячелетия раньше, чем сформировалась мораль как таковая, а не об этике *прикладной*, появление которой синхронизировано с формированием зрелой («рационализированной», «постестественной» и т.п.) морали и нормативно-ценностных подсистем?

---

⁵⁵ См.: Applied ethics // Encyclopedia of Ethics. 2nd ed. Vol. 1–3 / Eds. L.C. Becker, C.B. Becker. New York; London: Routledge. Vol. 1; Applied ethics // International encyclopedia of ethics. Ed. J.K.Roth. London-Chicago: FD

Парадигма 4. Прикладная этика предоставляет средства для получения морально значимых ответов на современные вызовы, вырабатывая – наряду с применением традиционных методов морального воздействия – методологически обоснованные инструменты для внедрения конкретизированных моральных ценностей в практику. В случаях угроз, обнаруживающих конфликт должного и сущего, она рекомендует современные способы инструментального внедрения ценностей: «информирование совести», обоснование норм, введение стандартных процедур и процессов организационной этики, формирование функциональных кодексов поведения с системой их поддержки всей инфраструктурой институциональной этики и т.д. Операционализация этических инструментов помогает целенаправленно институционализировать такие ценности, как ответственность, «законопослушность», честность, доверие и т.п. Процедурное управление процессами обеспечивает основанное на нравственных ценностях социально желательное поведение. При этом в ситуациях риска прикладная этика отказывается от этического обоснования «свободы выбора» в пользу общепринятых стандартов, норм и принципов, если это может гарантировать овладение риском хотя бы в определенных рамках: уничтожая угрозы, исходящие от волюнтаризма отдельных персон⁵⁶.

Реплика проекта к этой парадигме.

Не рискованна ли идея элиминирования статуса индивида как субъекта морального выбора? Тезис организационной этики о том, что этическая инфраструктура должна поддерживать не столько моральный выбор субъекта, сколько объективированные ценности, не ведет ли к возмо-

---

⁵⁶ См.: Васильевне Н. Управление ценностями – смена парадигм // Облики современной морали: Материалы конференции. М.: МАКС Пресс, 2009; Она же: Экологическая этика: управление рисками // Основы экологической этики. Полемике автора с этой репликой см.: Экологическая этика: сила этики для устойчивого развития. Вильнюс, 2010. С. 39-40.

жности отчуждения индивидуального морального выбора и перекладывания ответственности на этику организации?

Парадигма 5. Прикладная этика – это, с одной стороны, нормативно-ценностные подсистемы («малые системы»), конкретизирующие мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика, этика образования, экологическая этика и т.п.); с другой – теория конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фронестические технологии приложения.

Проектно-ориентированная природа парадигмы предполагает различие *практичности* – и собственно *приложения* как целенаправленной ориентации специально производимого (а не «употребления готового») этического знания на роль «непосредственной производительной силы» относительно той или иной профессиональной или *над*-профессиональной практики. «Производительной силы», обеспечиваемой инновационными технологиями приложения, *научно-практическими изобретениями*.

Реплики к этой парадигме авторы проекта ждали от его участников.

ОКАЗАЛОСЬ, что в ситуации, характерной формированием множественности парадигм этико-прикладного знания и разных сценариев его развития, надо «всего лишь» выявить и сформулировать эти парадигмы и предъявить их сообществу деятелей прикладной этики. Предъявить как тем коллегам, которые вольно или невольно *проходят мимо* этих парадигм, так и тем, кто готов отрефлексировать необходимость самоопределения к этим парадигмам или предложить свою собственную.

АНАЛИЗ текстов, представленных в ж.«Ведомости» вып.35 – НИИ ПЭ, позволил сделать вывод о том, что проект «Парадигмы прикладной этики» инициировал и проявил *новое самоопределение* этического сообщества. Уже по заголовкам текстов можно в целом судить об этом.

Оглавление «Ведомостей» дает возможность увидеть:

новизну самой проблемной ситуации в сфере прикладной этики: речь уже идет не о ситуации «быть или не быть», но о задаче удержания ее идентичности (А.А. Гусейнов. «...Надо понять не только то, в чем состоит *прикладной* характер современной этики, но еще и то, почему она, несмотря ни на что, остается *этикой*») и научного уровня (В.Ю. Перов. «...Не очень важно, к какой парадигме принадлежит та или иная прикладная этика. Главное, чтобы она была качественной»);

факт перехода сообщества в отношении притязаний прикладной этики на собственное место в этическом знании: от банальной смены позиции – вместо «ереси» на «кто же этого не знает» – к пониманию роли инновационных парадигм (А.А. Сычев. «...В ситуации “пролиферации теорий” основой становятся наиболее оригинальные, далеко отстоящие от общепринятых идей»);

практическое осуществление идеи самоопределения к парадигмам (М.М. Рогожа. «...С прикладной этикой я связана через традиционный сценарий»; С.В. Пустовит. «...Прикладная этика, которую мы разрабатываем (биоэтика), имеет “кентавровый” характер»; П.А. Сафронов. «...Парадигму группы “Этический поворот” я бы назвал деятельностью»);

предложения в стратегию развития прикладной этики (Р.Г. Апресян. «...Мы лучше могли бы понять прикладную этику, не расследуя концепции, а анализируя реальный интеллектуальный опыт прикладной этики в ее дисциплинарных осуществлениях»; Ю.В. Казаков. «...Надежная профессионализация в известных мне случаях напрямую связана с продолжительной работой журналистов с этиками-“прикладниками”»; Л.А. Фадеева. «...Уместнее говорить о необходимости разработки инновационных начал и методов наряду с традиционными, которые еще себя не исчерпали»);

условия реализации инновационного сценария (Е.В. Беляева. «...Если прикладная этика предложит иннова-

ционные пути осмысления нравственных ситуаций, граница между общей практичностью этики и ее прикладными формами увеличится естественным путем»);

предупреждения по поводу последствий притязания конкретных парадигм в дискуссиях о «самой правильной» (А.В. Прокофьев. «...В стремлении только одну из позиций в этом споре исключительным образом связывать с “прикладной этикой” сложно увидеть что-то иное, кроме монополизации термина»). И т.д.

Выделю из этой панорамы свидетельств, подтверждающих, что проект «парадигмы прикладной этики» инициировал и проявил новое самоопределение этического сообщества, *отдельные направления*.

БОЛЕЕ конкретно о новом самоопределении этического сообщества можно судить по мнениям экспертов относительно актуальности проекта.

* Одно из оснований в пользу тезиса об актуальности проекта – сходные замечания двух участников проекта. «До приглашения в этот проект я особенно не задумывался над парадигмами прикладной этики», – пишет А.А. Дульзон. «До этого момента мне не приходилось задумываться о различных парадигмах прикладной этики и об основаниях их классификации. Хотя, казалось бы, сами условия возникновения прикладной этики, ее формирование на основе всевозможных “поли-“, “мульти-“, присущих эпохе Позднего Модерна, должны были спровоцировать размышления о различных образах прикладной этики», – пишет М.М. Рогожа.

* Другое основание – в оценках экспертами *ситуации* в прикладной этике. Оценках разных, но сходящихся в выводе о своевременности проекта.

Как полагает А.А. Сычев, «экспертный опрос “Парадигмы прикладной этики”, проведенный НИИ ПЭ, – это не столько попытка описания состояния современного этического знания, сколько показатель выхода исследований в прикладной этике на качественно новый уровень развития. В какой-то мере сам проект исследования является показа-

телем того, что отечественное этико-философское знание оставило позади период заимствований и комментариев и вступило в период саморефлексии и инновационного развития».

В то же время Г.В. Лазутина видит актуальность проекта скорее в незавершенности процесса становления отечественной прикладной этики: «еще идет процесс ее самоопределения как самостоятельной области этики, а следовательно, решаются прежде всего задачи накопления наблюдений. Систематизация их и глубокое осмысление пока не имеют более или менее признанных результатов. Поэтому есть все основания говорить о том, что предложенный в анкете “веер представлений” о прикладной этике вполне адекватен состоянию этико-прикладного знания».

Востребованность такого «веера» подчеркивает Н. Васильевне: «“Большой скачок”, появление множества парадигм этики, детерминировал эклектику и невозможность ни понять их, ни договориться о понятиях и критериях разделения парадигм. Можно порадоваться за инициаторов данного проекта, пытающихся “разложить по полочкам” множество парадигм».

БОЛЕЕ конкретно о новом самоопределении этического сообщества можно судить по тому, что участники проекта «приняли к исполнению» идею самоопределения к парадигмам.

* Некоторые из экспертов, являющиеся авторами предложенных на экспертизу парадигм, еще раз укрепились в своей позиции. «Предложенная для экспертного обсуждения экспозиция образов прикладной этики, в ряд которых, в позиции 2, включено и то представление о прикладной этике, которое в последние годы предлагаю с некоторыми вариациями я, в том числе и в ответ на постановочные вопросы авторов данного опроса, В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, и в полемике с ними, лишь утверждает меня в принятой позиции» (Р.Г. Апресян).

Подтвердил свою приверженность парадигме «этика открытых проблем» А.А. Гусейнов: «как исследователь я придерживаюсь точки зрения, изложенной в парадигме 1».

Дополнительные пояснения/контраргументы на реплику авторов экспертного опроса к парадигме 4 («не рискованна ли идея элиминирования статуса индивида как субъекта морального выбора?») предложила Н. Васильевене.

* Ряд экспертов, не являющихся авторами представленных на экспертизу парадигм, предприняли вполне определенную самоидентификацию практикуемых ими подходов.

«Выделенные авторами опроса парадигмы вполне узнаваемы, их перечень и краткое описание представляются ясными и обоснованными», подчеркнула Е.Н. Викторук, отметив, что «в отношении описанных парадигм» она выступает «как “пользователь”, а не “программист”».

Некоторые эксперты продемонстрировали свою самоидентификацию к предложенным парадигмам, как бы опасаясь не оправдать ожиданий инициаторов опроса. И.Ю. Алексеева: «Боюсь, что инициаторами опроса мой подход не будет признан инновационным, поскольку в описании проблемной ситуации парадигма этики как практической философии отнесена к инерционному сценарию». Е.В. Беляева: «Боюсь, что я более всего склонна к самой консервативной версии прикладной этики (3), когда ясность философского мышления позволяет решать любые ситуационные, профессиональные и прочие прикладные проблемы». Т.В. Мишаткина: «Отдавая должное парадигмам 4 и 5 и считая, что они вполне могут быть отнесены к инновационному сценарию развития прикладной этики, должна с сожалением признаться, что как разработчик, преподаватель, практик я, скорее всего, действую в контексте 1, 2 и 3 парадигм. Действую в своей собственной “редакции” этих парадигм».

* Эффект вовлечения в ситуацию самоопределения – модификация предложенных парадигм или выдвижение новых как расширение классификации.

В первом случае можно выделить позицию Г.В. Лазутиной, которая в процессе критического анализа предложенных для самоопределения парадигм сформировала свое видение предмета прикладной этики: «Предметом прикладной этики являются проблемные ситуации гражданских отношений или профессиональной деятельности, решение которых требует от субъекта деятельности морального выбора в условиях, когда нравственный смысл ситуации не очевиден и в общественном сознании отсутствуют соответствующие моральные ориентиры».

Во втором случае следует обратить внимание на целый ряд предложений по расширению классификации парадигм.

Е.В. Беляева: «...На роль еще одной исследовательской стратегии развития прикладной этики могу предложить социологию морали».

С.В. Пустовит: «Как биоэтик я бы включила еще одну парадигму прикладной этики – парадигму глобальной биоэтики с конкретными принципами (справедливости, “не навреди”, “делай благо” и др.)».

М.М. Рогожа: «Никогда раньше не думала о том, что придется представлять *собственную* классификацию парадигм прикладной этики. Но в ходе размышлений, спровоцированных как самой анкетой, так и комментариями / репликами тюменских коллег, возможностью высказать свое отношение к представленным “парадигмам”, я решила дать свое видение ситуации в постсоветской прикладной этике. Хотя, допускаю, оно более консервативно, чем предложенное В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым».

Особую роль в понимании реального содержания этапа жизни идеи прикладной этики, относительно которого звучит вполне (само?)уверенное «кто же этого не знает», в конкретизации того, что значит *это* в утверждении «кто же этого не знает», играют суждения участников этого опроса по поводу другого вопроса анкеты. «В какой парадигме прикладной этики вы работаете (как исследователь, разработчик, преподаватель...)?», опишите *«технология приложе-*

ния в разделяемой вами парадигме: с каким(и) ноу-хау она связана? Чем они отличаются от традиционных способов связи философской этики с практикой? – или вы легко обходитесь без рефлексии на эту тему?».

При всей сложности разделения исследовательской, консультативной и преподавательской деятельности в практике участников проекта, их самоопределение к парадигмам, конкретизированное через «вложения» в банк технологий прикладной этики, удалось сгруппировать следующим образом.

* Одна группа «вложений» связана с исследовательской деятельностью в сфере прикладной этики.

Ссылаясь на свои прежние публикации «и в связи с обсуждением “парадигм прикладной этики”», Р.Г. Апресян подчеркивает: «развитие прикладной этики непременно должно основываться на использовании методологии ситуационного анализа».

В то же время А.А. Сычев отмечает: «Ситуационный анализ, конечно, не является единственной технологией приложения. Вполне адекватными являются все технологии, позволяющие проанализировать спектр возможных вариантов действий: мысленный эксперимент (особенно из области “теории игр”), моделирование, проектирование, различные игровые методики (в том числе ролевые), идеализация и т.д. В этом отношении необходимо отметить несомненные достижения в разработке методов приложения в трудах Научно-исследовательского института прикладной этики ТюмГНГУ».

«Теряясь» перед понятием «ноу-хау» «в применении к этике и моральной практике», но полагая уместным говорить «о новых моментах в этической теории и моральном опыте», А.А.Гусейнов называет «только самые очевидные»: «а) соединение теории и опыта, когда теория становится одним из сознательно фиксированных составляющих в процессе выработки решения, а реально осуществляющийся моральный выбор оказывается спо-

собом теоретизирования, по крайней мере значимым теоретическим аргументом, общей посылкой силлогизма поступка; б) осуществление взвешивания мотивов и самого выбора в форме общественного и публичного рационального дискурса; в) коллективно-индивидуальная форма принятия решения, когда решение является совместным при сокращении индивидуальной ответственности каждого в отдельности; г) более полное, чем в случае нормативной этики, совпадение субъекта и объекта морального требования».

Называя парадигму исследовательской группы «Этический поворот» деятельностью, П.А. Сафронов поясняет: «для меня прикладная этика является способом оформления научного, образовательного и, говоря шире, гражданского активизма. Активизм реализуется в сообществах, совместно работающих над определенным числом проектов. К этой работе постоянно на добровольной основе привлекаются лица, не связанные непосредственно с ядром сообщества; в ней также активно используются информационные технологии. Как уже было сказано, в такой ситуации прикладная этика является не условием, а эффектом определенным образом построенной деятельности. Соответственно, речь может идти не о технологии приложения прикладной этики, а о технологии “порождения” сообществ».

Представляется, что даже в кратком обзоре суждений экспертов по поводу технологий прикладной этики уместно отметить как доброжелательно-скептические, так и доброжелательно-заинтересованные суждения участников экспертного опроса относительно ноу-хау *инновационной* парадигмы.

Выделю, во-первых, суждение А.А. Скворцова: «авторы, используя сложные формулировки, желают выразить простую мысль: прикладная этика может предлагать ценные практические решения для реализации в различных профессионально ориентированных областях, но только де-

лать это, используя не привычное этическое знание, а специальное, проектно-ориентированное, и даже придавать своим выводам статус научно-практических изобретений. *Никто не спорит – это было бы замечательно, но хотелось бы узнать о примерах подобных изобретений*» (курсив мой. – В.Б.).

Выделю, во-вторых, фрагмент рефлексии Т.В. Мишатиной: «Речь идет о “производительной силе”, “обеспечиваемой инновационными технологиями приложения, *научно-практическими изобретениями*”. А какими они должны быть? В чем они заключаются? Здесь, наверное, и сказывается моя собственная ограниченность рамками “инерционного сценария” и требующая выхода за эти рамки.

Ставят в тупик и предлагаемые для данной парадигмы алгоритмизированные вопросы. Часть из них (*что? – к чему? – зачем? – во имя чего?*) понятны и сами собой разумеются. А вот вопрос “*каким образом?*” и, главное, ответ на него – погружают (меня, во всяком случае) в состояние прострации. Я еще могу понять, что – “за счет производства этико-прикладного знания, методологический арсенал которого оснащен этико-философскими и этико-социологическими средствами познания императивно-ценностных подсистем общества”. Но вот в чем заключается потенциал “проектно-ориентированного знания и *фронестических технологий приложения*”, а также, какими могут быть этические ноу-хау – затрудняюсь ответить.

Если это рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование – тогда согласна, это, действительно, технологии продвижения прикладного знания, которые способствуют “исследованиям и целенаправленным преобразованиям в “малых системах”» (курсив последнего абзаца мой. – В.Б.).

Одно из последствий формирующегося многообразия парадигм – угасание *еретического* образа инновационной парадигмы и, тем самым, тенденция открытости профес-

сионального сообщества к активной рефлексии природы прикладной этики: еще три десятка лет назад большинство отечественных этиков считали ересью саму постановку вопроса о такой рефлексии.

В то же время – и это не менее значимое последствие: готовность этического сообщества рефлексировать ситуацию нового самоопределения не означает отказа от инерционного сценария.

Вытеснение уходящих в прошлое дискуссий о *праве* прикладной этики *на существование* дискуссией о новой «повестке дня» в развитии прикладной этики актуализировало тему *практического потенциала* развиваемых сегодня парадигм, конкретнее – тему *моделей практичности* различных парадигм этико-прикладного знания.

Как показал обзор суждений экспертов по поводу предложения анкеты описать *«технологию приложения* в разделяемой вами парадигме: с каким(и) ноу-хау она связана? Чем они отличаются от традиционных способов связи философской этики с практикой? – или вы легко обходитесь без рефлексии на эту тему?», ряд авторов фактически отождествляют содержание понятия, связанное с актом собственно *приложения* этического знания к практике морали, с *практическим применением* этики.

Поэтому особую остроту анализу ситуации придает *дилемма пути* эпохи *большого скачка* в развитии прикладной этики.

1.2. Маршруты парадигмального бума: от «прикладной» к практической – или от практической к «прикладной»?

В РАМКАХ анализа материалов проекта «Парадигмы прикладной этики» уже приведены необходимые аргументы в пользу тезиса о *новом самоопределении* этического сообщества. Однако, чтобы ситуация такого самоопределения не показалась слишком простой, необходимо особо рассмотреть две тенденции в исследовательской и образо-

вательной сфере развития прикладной этики.

Одна из них – *отождествление* прикладной этики и этики практической в пользу последней: «не надо двух слов». Напомню, что в кратких репликах авторов проекта к представленным в анкете позициям содержалось инвариантное вопрошание: нужна ли большинству парадигм характеристика «*прикладная*», не достаточно ли авторам и сторонникам этих парадигм характеристики «*практическая этика*» («современные разновидности *практической этики*»)?

Особенность другой тенденции сформулирована в названии одной из работ, о которой я уже говорил во Введении: «От “прикладной” к практической»⁵⁷. Автор *противопоставляет* практическую и прикладную этику, настаивая на соответствующем названию ее работы изменении маршрута развития этики – и ее преподавания. Трудно ли заметить, что кавычки к слову «прикладной» в заголовке параграфа 1.2 – не мое отношение к прикладной этике, а самоназвание этой тенденции.

Как уже было сказано во Введении, автор этой работы легко *отменила* прикладную этику на том основании, что «само название “прикладная этика”» наводит на очевидную для нее мысль о тождестве *приложения* и *аппликации*: «занятие такой этикой предполагает простое приложение общих нормативных теорий к различным вопросам, вызывающим текущий общественный интерес».

Характеризуя *этот* – аппликативный – образ прикладной этики, автор продолжает: «в соответствии с этой моделью “прикладная этика” задается вопросом, например, что могла бы сказать теория Канта или Милля о моральности добровольных абортов или что сказала бы теория Аристотеля о моральности использования определенных медикаментов».

---

⁵⁷ См.: Кэллахан Дж. От «прикладной» к практической: преподавание практических аспектов этики.

Я же вижу в такой характеристике упрощенный образ прикладной этики. И потому считаю, что противопоставляемая упрощенно описываемой прикладной этике «практическая этика», трактуемая как исследование, «которое напрямую направлено на решение конкретных проблематичных с моральной точки зрения ситуаций и безотлагательных моральных вопросов», и *не отменяет* прикладной этики, и *не заменяет* ее.

Нетрудно заметить, что суждение о необходимости предпочесть прикладной этике этику практическую исходит из такого отношения к аппликативному толкованию прикладной этики как *единственно возможному*. Отношения, уклоняющегося от темы *многообразия* моделей практической этики, среди которых, кстати, есть и модели, вполне совпадающие по смыслу с предложенным изменением маршрута, но интерпретируемые в качестве *прикладной* этики.

Мотивирующий автора идеи о *смене маршрута* аппликативный образ прикладной этики (в типологии проекта «Парадигмы прикладной этики» это парадигма 3) имеет место в исследовательской и учебной литературе. Так, например, в одном из учебников по журналистской этике⁵⁸ основной части – набору кейсов – предпослана вводная глава с характерным названием: «*Что сказали бы выдающиеся мыслители о журналистской этике, будь они на месте редактора?*». Речь идет об использовании идей и концепций классиков этической мысли в разборе кейсов. Например: «Величайший энциклопедический ум античности учил бы журналистов хорошо и добросовестно выполнять свою работу. Он предложил бы искать “золотую середину”, обосновывая это тем, что нравственность предполагает умеренность, а добродетель лежит между крайностями».

Правда, и примеров толкования *прикладной* этики, по

---

⁵⁸ См.: *Волек Т.* Журналистская этика. СПб.: Ин-т развития прессы, 2002.

сути тождественного с образом *практической* этики, вполне недостаточно. В рамках одной версии – интерпретация акта *приложения* как анализа *конкретных ситуаций*; методы *такой* прикладной этики фактически сведены к «традиционной казуистике»⁵⁹. В рамках другой версии прикладная этика определяется как применение этических концепций к частным ситуациям⁶⁰.

Если обратиться, например, к содержательной статье «Прикладная этика» в англо-американской «Энциклопедии этики», можно обнаружить, что акт *приложения* сводится авторами к *ситуационному анализу*. Это видно, во-первых, в характеристике гетерогенности прикладной этики, «ее проблем, методов и результатов». Авторы выделяют в ее составе (а) исследование случаев, в которых философы «применяют теорию к конкретным ситуациям; так, нападки Бентама на “анархические заблуждения” во французской Декларации 1789 г. являются ярким примером “исследования случая” (case-study) в его позитивистском утилитаризме»; (б) «традиционную казуистику – применение этической рефлексии к рассмотрению практических ситуаций»; (в) профессиональную этику, «осмысление этических аспектов вопросов и проблем, которые возникают в рамках определенных занятий». Это видно, во-вторых, в описании *методов* прикладной этики, которые фактически сведены к ситуационным методам обоснования принятия моральных решений. При этом в *простейших* ситуациях метод «состоит в том, чтобы давать советы или выносить суждения, основанные на применении принятых норм к проблемным ситуациям: если лгать неправильно, а человек близок к тому, чтобы соврать, то этот человек близок к неправильному поступку». Сами авторы говорят, что «это превращает при-

---

⁵⁹ Encyclopedia of ethics. Second Edition. Eds. L.C. Becker, C.B. Becker. New York and London: Routledge. V.I. A-G. Applied ethics. P.80.

⁶⁰ International encyclopedia of ethics. Ed. J.K.Roth. London-Chicago: FD. P.49.

кладную этику в некое упражнение по дедуктивному мышлению с двумя предпосылками: одна выражает единственное релевантное этическое рассмотрение (правило, принцип, идею и т.п.), а другая характеризует имеющуюся ситуацию в такой манере, которая позволяет применить к ней этический подход». В *сложнейших ситуациях* предполагается анализ принимаемого морального решения. Одна из идеализованных ситуаций такого рода (рассматриваемых авторами) – соломоново решение.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, однако, что *дилемма пути* решается не «сменой маршрута», называемого «от *“прикладной” к практической*», но обращением к потенциалу инновационной парадигмы, опирающемуся на сравнительный анализ *практического потенциала* развиваемых сегодня парадигм прикладной этики. На испытание *моделей практичности* различных парадигм.

В культивируемом НИИ ПЭ формате *журнальных конференций* коллегам была предложена проблематизация дискурса по вопросам прикладной этики по критериям «КПД практичности»⁶¹. Мотивация авторами проекта постановки такого обновления «повестки дня»: характеристика *оснований* разных парадигм прикладной этики дает возможность *взвешивания* «КПД практичности» ситуационного анализа, этической экспертизы, социологии этоса, гуманитарных технологий профессиональной деятельности, технологии КСО, проектно-ориентированного знания, «квалификационных требований» к специалисту по прикладной этике и т.д.

Этот проект вместе с проектом «Парадигмы прикладной этики» дал основание предположить, что многие авторы периода *большого скачка* предпочитают понятию «прикладная этика» понятие «практическая этика» из-за концентрации внимания на том *общем*, что есть у «практической

---

⁶¹ См.: Прикладная этика: «КПД практичности». Ведомости. Вып. 32, специальный / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008.

этики» с этикой прикладной, без исследования их *видовых* отличий. В итоге, «за кадром» остается содержание понятия, связанное с актом собственно *приложения* применительно к связи этического знания с практикой морали. Аналогичная ситуация – даже и в случаях предпочтения исследователей понятию «прикладная этика»: и здесь особенно-сти собственно *прикладной* этики, связанные с характеристикой акта *приложения*, остаются вне сферы специального внимания. Более того, распространенная сегодня идентификация прикладной этики как этики *открытых вопросов* скорее расширяет предмет первой (и в этом ее эвристичность), чем говорит о природе *приложения* этического знания и, на самом деле, оставляет смысл *акта приложения* тождественным смыслу *практического применения* этики.

Наглядный пример реальности оснований для такого предположения – на слайде, который я предложил в своем докладе «Этико-прикладная идентификация экологической этики: приглашение к рефлексивному самоопределению» участникам Международного научного семинара «Этика и экология» (Вильнюс – 2010).

Значения, в которых экологическая этика идентифицируется как прикладная

* Парадигма прикладной этики как этики открытых проблем (минские учебники).

Отрефлексируют ли сторонники этой версии тезис А.А.Гусейнова: «Новизна и специфика “моральной жизни в форме открытых проблем” в том, что “здесь нет правил, нет решения на уровне норм”»?

* «Экологическую этику можно считать и прикладной (применение этики утилитаризма к новейшей проблематике), и неприкладной (метафизической, философской) этикой» (В.Н. Назаров).

На деле – разве это не аппликационная парадигма прикладной этики?

* Парадигма прикладной этики как императивно-ценностного содержания конкретных (профессионально и предметно определенных) социальных практик с целью их этической рационализации (магистерская программа «Экологическая этика» кафедры этики МГУ).

Здесь трактовка экологической этики как разновидности прикладной этики не исчерпывается аппликацией моральной философии. Например: будущим магистрам предлагается ответить на вопрос: «в классической моральной философии осторожность считалась второстепенной моральной ценностью. Почему в современной прикладной этике принцип предосторожности получил такое важное значение? каковы возможные критерии обоснованной предосторожности?».

И все же: отрефлексирован ли здесь формат (модель) практичности?

ЧТО Ж, КАВЫЧКИ к поставленному в заголовке параграфа 1.2 прилагательному «прикладная» в словосочетании «прикладная этика» уместны, но лишь к аппликационной интерпретации термина. Понимая *мотивы* предлагаемой смены маршрута в пользу «антиприкладного», не могу принять *решение*, которое на самом деле оставляет этику в рамках формата «практической философии». Закрывая глаза на иные интерпретации прикладной этики.

Инновационная парадигма проектирует противоположный маршрут – *от практической к прикладной*, – исходящий из тезиса о рискованности первого маршрута. Рискованности демобилизующими последствиями, которые ограничивают современное этико-прикладное знание потенциалом практичности *моральной философии* и, тем самым, освобождают его от ответственности за развитие своего собственного потенциала.

Лекция 2

Рефлексивная биография инновационной парадигмы прикладной этики

2.1. Не «дорога», а «путь»

СЛЕДСТВИЕ заявленной во Введении установки на преодоление образа учебного пособия, автор которого «должен сделать все возможное, чтобы следующее поколение научных сотрудников было не лучше его», – решение сосредоточить этот курс на процессе *креации* инновационной парадигмы прикладной этики. Реализация этого решения предполагает целенаправленно включить в текст учебного пособия (и не только в лекцию 2) фрагменты рефлексивной биографии инновационной парадигмы, сюжеты о ее становлении и развитии, с фиксацией результатов *креации* этико-прикладного знания на некоторых проектах.

СОСТАВЛЯЮЩИЙ содержание лекции 2 эскиз рефлексивной биографии инновационной парадигмы – это, с одной стороны, способ доказать необходимость *проектирования* процесса развития такой парадигмы уже на старте ее пути и, тем более, на этапе формирования ее концептуальных *оснований*, с другой – подчеркнуть зависимость динамики парадигмы от социокультурной динамики ситуации общественной морали.

Почему речь идет о *проектировании* биографии парадигмы? «Еретическая» инновационность идеи-технологии прикладной этики и ситуация «большого скачка» в развитии прикладной этики, его позитивные и рискованные последствия не позволяли вписать *путь* парадигмы в формат *стандартной* биографии научного направления, обусловив необходимость проектирования биографии *рефлексивной*.

Представленный в этом курсе образ инновационной парадигмы – *итог* длительного пути. *Пути*, а не *дороги*, которая *открылась* лишь в результате *поиска*. Поиска, в ко-

тором установка на *проектирование биографии* не отменяет поиска интуитивного, ситуативно нагруженного, с неизбежными заблуждениями и ошибками (которым авторы направления обязаны как атмосфере наличного этического знания, свойственным ему парадигмам, так и самим себе).

Мотив акцента на *проектирование биографии* инновационной парадигмы прикладной этики – ее *неадаптивная* активность к доминирующим в науке парадигмам, последовательное уклонение от чисто *реактивного* поведения в отношении к практическим ситуациям и ситуациям в науке.

Речь идет, например: о не отменяемых ни моментом интуитивности научного поиска, ни влиянием объективных обстоятельств *инициативных* акциях по вовлечению научного сообщества и практических институций в рефлексию проблематики прикладной этики, в том числе с помощью ее технологий (например, игрового моделирования); систематической организации критики со стороны профессионального сообщества в свой адрес, в том числе в рамках инициированных самим инновационным направлением дискуссий; о намеренном участии в экспертизе и консультировании практических ситуаций, в том числе в сфере политической этики, бизнес-этики, этики журналистов, этике образования; о совместном с практиками проектировании социальных технологий, в том числе технологий гражданской активности; об организованном и технологически обеспеченном сотрудничестве с организациями и профессиональными сообществами по созданию специализированной инфраструктуры в виде этических комиссий, кодексов, миссий и т.п. Сразу же сошлюсь на рассмотренный в предшествующей лекции пример *проектирования биографии* инновационного направления через вовлечение научного сообщества в рефлексию идеи и технологий прикладной этики – проект «Самотлорский практикум».

Непроходящее стремление к новым достижениям и сохранение установки на *проектирование биографии* инновационной парадигмы предполагают анализ пройденного

пути. Пути, в процессе которого формировались базовые «точки роста» парадигмы: рационализировалась идея этики *родительного падежа* (не этика и политика, этика и бизнес, этика и воспитание, этика и успех, и т.п., а этика политики, этика бизнеса, этика воспитания, этика успеха и т.п.); определялся феномен *конкретизации* общеобщественной морали в «малых» нормативно-ценностных системах; обосновывались необходимость и возможность «встречного движения» этического знания и моральной рефлексии субъектов сегментированных сфер человеческой деятельности как *проектно-ориентированной* деятельности; конструировались *технологии приложения* результатов такого «встречного движения» к реальной практике и т.д.

Опыт *проектирования* биографии инновационного направления представлен здесь (а) через реконструкцию «трех источников, трех составных частей» концепции и (б) описание «этапов большого пути».

2.2. «Три источника...»

НАПОМИНАЮЩЕЕ известную работу классика марксизма название этого параграфа – метафора, настраивающая на анализ предпосылок, из которых формировалась инновационная парадигма прикладной этики. Анализ, условием которого является предъявление феномена «Товарищество “Прикладная этика” В.И.Бакштановского и Ю.В.Согомонова». А каждая из предпосылок связана с конкретными этапами индивидуальной и совместной исследовательской и научно-практической деятельности партнеров Товарищества.

Ретроспективно сегодня можно реконструировать *три источника* будущего инновационного направления.

Первый: исследование природы этического знания, направленное на такую модернизацию образа этики как «практической философии», которая предполагала обновление смысла и технологии *практичности* этики.

«Точки роста»: преодоление идеи *наложения* (аппликации) этического знания на практические проблемы, прежде всего через сосредоточенность на *праксиологических* проблемах морального выбора; введение в рефлексию о природе этики алгоритма «фундаментальное – прикладное знание»; технологизация прикладного этического знания; проектирование фронестически ориентированных каналов и методов *приложения*, прежде всего в сфере этического просвещения и нравственного воспитания (этический практикум как комплексная технология, технология гуманитарной экспертизы) и т.д.

Второй: поиски в сфере социологии морали, прежде всего с точки зрения социокультурной динамики морального феномена. Динамики, приведшей к формированию рациональной (постестественной) морали гражданского общества, которая, в свою очередь, обусловила рождение и развитие прикладной этики.

«Точки роста»: преодоление гиперморальности и гиперсоциальности в анализе дуалистической природы феномена морали; формирование этосного («реально-должное») подхода; обоснование природы профессиональной морали и т.д.

Третий: проектирование *системы взаимодействия* этики, морали и воспитательной деятельности по каналам *социального управления, социальных технологий* для проектного и методического *сопровождения* морального творчества субъектов.

«Точки роста»: концепция духовно-практического производства человека как нравственного существа; методология и методика создания профессионально-нравственных кодексов, «этос приложения» и т.д.

А как эти реконструированные *три источника* выглядят в реальной деятельности?

НАЧНУ с предпосылок-заделов становления концепции, формировавшихся до образования нашего *товарищества, партнерства* – пока каждый из нас шел своим путем.

В.И.Бакштановский инициировал в 1976 году создание кафедры этики и кафедральной лаборатории прикладной этики Тюменского индустриального института и возглавил их. Основные направления исследовательской деятельности: формирование современной концепции этики как практической философии, способной трансформировать этическое знание через развитие его прикладных структур, в том числе за счет технологий *приложения*; особое внимание к двум из этих структур – концепции этической прaksiологии как теории рационального морального выбора личности (в том числе *этики деловитости и предприимчивости и этики успеха*) и идее управления нравственными процессами в обществе. Прикладные разработки – для экспертизы и консультирования процесса формирования Тюменского нефтегазового комплекса, а также для практики вузовского, послевузовского образования и идейно-воспитательной работы, прежде всего – практикумы по общей и профессиональной этике, этические деловые игры, технологии профессионально-нравственной подготовки руководителей, кодексы трудовых коллективов и т.д.¹.

---

¹ См.: *Бакштановский В.И.* Принципы морального выбора. М.: Знание, 1974; *Бакштановский В.И.* Задачи этической прaksiологии // *Насущные проблемы этики.* Тамбов, 1975; *Бакштановский В.И.* Проблемы морального выбора // *Марксистская этика (учебное пособие)* / Под ред. А.И.Титаренко. М.: Политиздат, 1976; *Бакштановский В.И.* Моральный выбор личности: цели, средства, результаты. Томск: ТГУ, 1977; *Управление формированием активной жизненной позиции в Тюменском индустриальном институте.* Тюмень, 1978; *Этика и управление (методические рекомендации по подготовке и проведению операционной игры «Аттестация морально-деловых качеств личности» в системе профессионально-нравственной подготовки руководителя);* *Практикум по этике.* Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1979; *Бакштановский В.И.* Прикладная этика / Под ред. Ю.В. Согомонова. Тюмень: ТИИ, 1980; *Бакштановский В.И.* Культура нравственного сознания и поведения личности. М.: Знание, 1979; *Бакштановский В.И.* Этико-прикладное знание: исследования, разработки, внедрение // *Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования.*

Ю.В.Согомонов, возглавив кафедру научного коммунизма Владимирского политехнического института, наряду с этико-философскими исследованиями развернул активную работу в таких направлениях, как социология морали, прежде всего – исследования этапов исторического развития нравственности, ее социокультурной динамики; конкретизация общественной морали в профессиональной этике; возможности социально-управленческого воздействия на нравственные процессы в обществе; методологические проблемы нравственного воспитания и др.².

«Встреча» будущих участников *Товарищества*, породившая «искрящий контакт», произошла в процессе их «выхода» на идею-образ прикладной этики как знания о системе социально-управленческого взаимодействия этической теории, моральной практики и воспитательной деятель-

---

Новосибирск, 1980; *Baksztanowski W.* Etyka a prakseologia / Etyka. Warszawa. 1981; *Бакштановский В.И.* Моральный выбор: критерий целесообразности // Вопросы философии. 1981. № 8; *Бакштановский В.И.* Деловитость и предприимчивость, их нравственный потенциал // Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки/ Кол.мон. / отв.ред. А.И.Титаренко. М.: Мысль, 1982 и др.

² См.: *Петросян И.П., Согомонов Ю.В.* О природе профессиональной этики // Философские науки. 1969. № 2; *Согомонов Ю.В.* Нравственные отношения в социалистическом обществе // Марксистская этика (учебное пособие) / Под ред. А.И.Титаренко. М., 1976; *Согомонов Ю.В.* Нравственное воспитание. Особые сферы моральной регуляции // Марксистская этика (учебное пособие) / Под ред. А.И.Титаренко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980; *Согомонов Ю.В.* Методологические проблемы теории нравственного воспитания // Философские науки. 1978. № 1; *Ландесман П.А., Согомонов Ю.В.* Мировоззренческие основания морального сознания // Вопросы философии. 1979. № 11; *Ганжин В.Т., Согомонов Ю.В.* Этика и управление нравственными процессами // Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск: Наука, 1980; *Ландесман П.А., Согомонов Ю.В.* Мировоззренческие ориентации морального выбора личности // Моральный выбор. М.: МГУ, 1980; Роль профессиональной этики в управлении нравственным воспитанием. Владимир, 1980, и др.

ности, осуществляющегося по каналу социального управления – системообразующему фактору, позволяющему задавать и достигать определенные цели по совершенствованию нравственной жизни общества. Эта идея-образ «светла» наши с Ю.В. Согомоновым параллельные пути в общий, сделала отдельные случаи сотрудничества³ систематическим *партнерством*. Партнерством индивидуальным и институциональным – кафедр, лабораторий, центров, НИИ, которыми мы руководили.

ТРИ ИСХОДНЫХ мотива нашего партнерства.

Во-первых, нас – прежде всего Ю.В.Согомонова – мотивировал диагноз проблемной ситуации в отношении этического знания к нравственно-воспитательной деятельности. Наиболее распространенные и принятые в этической литературе того времени взгляды на структуру этики не содержали собственно теории нравственного воспитания и, тем более, теории управления воспитательной деятельностью. Это относится и к варианту характеристики системы этики через единство общетеоретических, социологических, нормативных и специальных аспектов исследования этикой своего предмета, и к другому варианту структуры, включающему три элемента: этологию, общетеоретическую и нормативную этику.

В обоих случаях нормативная этика не имела в рамках собственно этической теории ни постановки, ни решения вопроса о ее выходе в практику по каналу воспитательной деятельности. Задачей научной этики считалось преодоление антагонизма теоретического объяснения и оценочного

---

³ Напр.: Профессиональная этика и нравственная культура организационно-управленческого труда. Тюмень: ТИИ, 1980; *Бакштановский В.И., Ганжин В.Т., Согомонов Ю.В.* Нравственное воспитание: социологические и управленческие аспекты. Тюмень, 1980; *Baksztanowski W., Ganzyn W., Sogomonow J.* Wychowanie moralne: wyzwanie wspolczesnosci / Prezenacje. Warszawa, 1980; Практикум: профессиональная этика и организационно-управленческая деятельность в трудовом коллективе / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1981.

отношения к действительности, мировоззрения и морального освоения мира, идеалов и практики, сущего и должного, исключение всевозможных идеалистических подходов в понимании процессов формирования нормативно-ценностных образцов. Предполагалось, что тем самым этика и выполнит свою роль в отношении к теории нравственного воспитания, задав ей мировоззренческие ориентиры и методологический базис. И здесь возводились пределы той роли, на которую может претендовать этика как наука философского ранга. Все, что вне этих пределов, следовало делегировать частно-научным отраслям знания о морали и воспитании, которые рассматривались каналами приложения этики как методологии.

«Испытание воспитанием» – здесь мы видели самое напряженное звено проблемной ситуации в развитии современной этики. Стержнем всего цикла нашего вопрошания по поводу прикладного потенциала этики стала проблема воспитательного потенциала каждого из «ликов» этики как «практической философии», в которых она выступала в прошлом и проявлялась в наши дни. Не только обсуждение соотношения теоретической и практической функций, к которому сводились дискуссии тех времен, но и *испытание* этих функций на способность решать проблемы нравственно-воспитательной деятельности – так мы обостряли проблематику поиска. Цели, каналы, формы, виды «практичности» этики, методы и средства реализации ее практической функции – в решении этих вопросов мы обнаруживали *проблемную ситуацию*, ограниченность возможностей традиционной постановки этих вопросов, необходимости инноваций в самом статусе этического знания, в развитии его системы.

Во-вторых, нас мотивировал «запрос» практики «нового освоения»: этноэкологическая ситуация формирования Тюменского нефтегазового комплекса, особенности воспитательной работы в трудовых коллективах, возникающих в районах нового промышленного освоения. Здесь научного

обоснования и проектирования требовали не только задачи разработки природных ресурсов, ввода новых производственных мощностей, но и соизмеримые с ними по важности и сложности задачи нравственного становления новых трудовых коллективов. Говоря языком тех лет, район нового освоения стал своеобразным полигоном, *поисковым полем* как для исследователей-этиков, так и ЛПР (лиц, принимающих решения) в сфере производства и в партийной работе.

Определенную уверенность в возможности ответить на «вызовы» этой ситуации нам придавали авторские разработки идеи-технологии этического практикума как комплекса методов приложения этического знания к практике нравственной жизни. Взгляд из сегодняшнего дня позволяет увидеть в этой идее-технологии синкретическую предпосылку зрелой концепции прикладной этики в целом, мотивированной поисками инновационной технологии практической этического знания, *превосходящей* потенциал активных методов этического просвещения.

Еще раз отмечу: уже на старте работы над инновационной парадигмой прикладной этики мы с Ю.В.Согомоновым подчеркивали, что идея-технология этического практикума не является элементарной аппликацией, простым проецированием этико-философского знания на практическую сферу – в этой технологии отражена идея специальной *трансформации* этического знания, ориентированного на задачи управления нравственными процессами и нравственно-воспитательной деятельностью⁴.

В-третьих, нас мотивировала надежда на приемлемость – для большинства выдвинутых в литературе того времени версий предмета и задач этико-прикладного знания – гипотезы, объединяющей *предпосылки* нашего партнерства. Речь идет о цикле «заказ – разработка – внедрение» во «встречном движении» этической теории и практики нрав-

---

⁴ См.: Практикум: профессиональная этика и нравственная культура организационно-управленческой деятельности в трудовом коллективе / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень, 1981. С.4.

ственно-воспитательной деятельности, о «технологическом» обеспечении каждого из этапов этого цикла и их интеграции в систему социально-управленческого взаимодействия этики, морали и воспитания как важной составляющей предмета прикладной этики. Во всяком случае, эта гипотеза содержала наибольшее количество позиций, позволяющих профессиональному сообществу этиков той эпохи принять неписаную конвенцию для проведения конструктивных дискуссий.

КАКОВА судьба трех источников-предпосылок становления нашей концепции, реконструкция которых представлена выше? Материал для ответа на этот вопрос можно увидеть в вышедшей в начале 1986 года нашей монографии «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью»⁵.

Представляется, что развитие инновационной парадигмы за годы, прошедшие после издания этой монографии, не отменило многие из представленных в ней идей, аргументов и выводов.

Во всяком случае, этот этап развития инновационной парадигмы, акцентировавший социально-управленческий канал связи этики и морали, был представлен затем и в нашем опыте университетского словаря прикладной этики, и в статьях для энциклопедического словаря «Этика».

* Если перечитать сегодня эту монографию, можно обнаружить в первом из «трех источников» значимый момент рефлексии о модернизации образа этики как «практической философии». Соблазнительно было метафорически определить прикладную этику как «*практическую философию современности*»? Очень. И на начальной стадии разработки парадигмы мы поддались такому искушению.

---

⁵ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью / Отв. ред. В.В.Петров, В.А.Чурилов / Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1986.

Это было объяснимо ситуацией в этическом знании того времени. Каков был широко распространенный, и в этом смысле традиционный, ход рассуждений исследователей о связи этики и морали с точки зрения практичности теории? Моральное сознание обнаруживает тягу к этике, а этика – в свою очередь – к моральному сознанию. Именно в точках взаимного пересечения их влияние друг на друга оказывается наиболее полным и эффективным. С одной стороны, моральное сознание отражается и выражается в этической теории в той мере, в какой сама эта теория ощущает потребность в практическом воплощении. С другой – способность этики воздействовать на моральное сознание зависит от того, насколько само моральное сознание стремится к теоретизированию. Выделялись три точки такого пересечения: этика помогает моральному сознанию в выработке наиболее общих понятий (пример – возникновение самого понятия морали); ориентирует его при выборе ценностей, выстраиванию их субординации и координации; помогает обосновать нравственное требование.

Возможно, наша неудовлетворенность такой версией практичности этики и обращение к социально-управленческому каналу связи этики с практикой объяснялись интерпретацией одного из тезисов Маркса о Фейербахе: этика при самом максимальном практическом потенциале помогала *понимать* мир, но не *проектировать* его, в то время как мир этого ждал и требовал? Во всяком случае, с этим тезисом перекликалась наше представление об ориентации прикладной этики на миссию «производительной силы». Благодаря ситуационному анализу тенденций в практике и в собственно этическом знании мы сформулировали задачу не только *выявлять* объекты для реализации прикладных задач этики и не только *реагировать* на течение нравственной жизни в формах нормативного знания, но и целенаправленно проектировать нравственно-воспитательную деятельность, создавая и развивая в этической теории потен-

циал, способный удовлетворить потребности стратегии и тактики социально-управленческих программ в этой сфере.

Социально-управленческий канал приложения этики, в том числе к нравственно-воспитательной деятельности, не отменяется и сегодня, но *интервал его (не)эффективности* важно иметь в виду, учитывая опыт советской практики.

* Переходя к характеристике ситуации со вторым *источником* – исследованиям в сфере социологии морали, – фиксируя «искрящий контакт», взаимодополнительность наших с Ю.В.Согомоновым подходов и «заделов», создавших инновационный эффект научно-практического изобретения, подчеркну, что осознание необходимости развития прикладной этики обострялось пониманием «вызовов», формирующихся процессами *модернизации самой морали*.

До сих пор не оцененная роль социологии морали, во все не исчерпываемой описанием нравов, моральной статистикой и т.п., оборачивается тем, что совсем нередко авторы работ о прикладной этике оставляют за рамками своей рефлексии феномен *социокультурной динамики морали*⁶, в то время как именно эта динамика первична в формировании прикладных этик (в обоих случаях трактовки понятия «этика» – как синонима морали и как знания о морали). Уклонение же от исследования этого фактора, детерминирующего формирование прикладной этики (и прикладного знания, и «малых систем»), создающего не просто «вызов», но и прямой «социальный заказ» этическому знанию на проектирование его прикладных структур, порождает иллюзию эффективности формальной аппликации некой универсальной теории и универсальной морали к «неуниверсальной», конкретной практике.

Именно исследования социокультурной динамики морали (моралей), в которых безусловный приоритет

---

⁶ См. об этом: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социс. 2003. № 5.*

принадлежит Ю.В.Согомонову, дали становящейся парадигме серьезный аргумент в пользу модернизации модели практичности этики.

Наша общая амбиция в проектировании этико-прикладного знания проявилась в соединении определенной *методологии практичности* этического знания и представлений о социокультурной динамике морали, исследуемой на этом этапе становления парадигмы в таких аспектах, как (а) развитие профессиональных этик (моралей) и (б) конфликтность сосуществования традиционной морали и морали индустриального общества в ситуации *нового освоения*.

* Перейду к третьему (не по порядку) источнику: *этико-праксиологической* интерпретации феномена морального выбора как одной из граней предмета инновационной парадигмы прикладной этики. Интерпретации, в которой сделаны два акцента: на оптимизацию морального выбора субъекта, в том числе и выбора им достижительской ориентации, идеи *успеха*; и на возможности «сквозного цикла» связи мировоззренческого и этико-праксиологического подхода к проблеме морального выбора.

Одним из доказательств эффективности развития этико-праксиологического подхода является его применение к двум другим источникам нашей парадигмы: придание технологиям этико-прикладного знания миссии испытания и воспитания выбором стало одним из know-how концепции прикладной этики.

За метафорой *испытание и воспитание моральным выбором* – трактовка приложения этического знания как ситуации, предполагающей свободу выбора, возможность выбирать, способность выбирать и субъекта (индивида, группу, общество в целом), которому можно доверить выбор. Выбор мировоззренческого масштаба – его исследование являлось предметом особого внимания

Ю.В.Согомонова – и выбор поступка. Глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации морального выбора в сфере прикладных моралей требовали особой компетентности и, соответственно, технологии выбора из альтернативных вариантов – такой, как гуманитарная экспертиза и консультирование.

Этот подход – с акцентами на проблемы целесредственного аспекта морального выбора – был представлен в ряде гуманитарных экспертиз, проведенных в последние годы Перестройки⁷.

ИННОВАЦИОННЫЙ эффект *искрящего контакта* не был «разовым». Сложение и интеграция «трех источников» в дальнейшем обеспечили *развитие* образа прикладной этики, ее методологии, технологии, предметов приложения.

Но это были уже последующие этапы пути, моменты рефлексивной биографии направления, инициированного и развиваемого Товариществом «Прикладная этика» В.И.Бакштановского и Ю.В.Согомонова.

2.3. «Этапы большого пути...»

Одно из оснований для периодизации развития инновационной парадигмы прикладной этики – ключевые этапы его институциональной организации, развития инфраструктуры *партнерства*, ибо каждая из новых структур фактически была связана с новым этапом развития инновационной парадигмы прикладной этики⁸.

Как уже было отмечено, кафедра этики и кафедральная лаборатория прикладной этики ТИИ передала эстафету другим институциям. Сначала – лаборатории прикладной

---

⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2009.

⁸ См., напр.: Бакштановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В., Согомонов А.Ю. НИИ прикладной этики ТюмГНГУ: Летопись первого десятилетия (1995-2005). Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

этики Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР, получившей затем статус Центра прикладной этики Президиума Тюменского научного центра АН СССР-РАН (1989-1994). Деятельность этой институции связана с развертыванием многогранных исследований проблем становящегося в стране гражданского общества в его «этическом измерении». В этот период были созданы первые в стране монографические работы по ценностям гражданского общества⁹, политической этике¹⁰, этике предпринимательства¹¹, этике воспитания¹². Особое направление развития прикладной этики в этот период связано с разработкой методологии и методов гуманитарной экспертизы¹³

---

⁹ См.: *Будь лицом: ценности гражданского общества*. В 2-х томах / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова, В.А. Чурилова. Томск: Томск. гос. ун-т, 1993. См. также: *На пути к гражданскому обществу: нравственные оппозиции. (Материалы экспертного опроса)* / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Прометей, 1991; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Социально-политический процесс и гражданский этос: феномен коэволюции // *Социологические исследования*. 1991. № 7.

¹⁰ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в политическую этику. Москва-Тюмень: Философ. общ-во СССР, Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, 1990; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Игра по правилам (политическая этика в гражданском обществе). М.: Знание, 1991. См. также: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Политическая этика: дух соперничества и сотрудничества // *Философские науки*. 1991. № 12.

¹¹ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства / Т.1. Игры рынка. Т.2. Торговец в Храме. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1992; Они же: *Этика предпринимательства* // *Вестник Российской академии наук*. Том 63. 1993. № 11.

¹² *Бакштановский В.И., Потапова Е.П., Согомонов Ю.В.* Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии. Томск: Томск. гос. ун-т. 1991.

¹³ *Бакштановский В.И.* Лаборатория в храме свободы. В 3-х частях. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР. 1990; *Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы* / Под ред. В.И. Бакштановского, Т.С. Караченцевой. Новосибирск: Наука, 1992.

и их применением к исследованию проблем общегосударственного и регионального масштаба, в том числе – гуманитарных аспектов нового освоения, этики Севера и т.д.¹⁴.

Особый этап жизни нашего направления прикладной этики связан с деятельностью ЗАО «Центр прикладной этики и Финансово-инвестиционной корпорации «Югра». Кроме иницируемых ими экспертно-консультативных проектов и монографических исследований, прежде всего – монографии В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова и В.А. Чурилова «Этика политического успеха», выделю издаваемый этими институциями журнал «Этика успеха», ставший самостоятельной инфраструктурой и даже способом существования нашего направления.

В свою очередь, эстафету принял созданный Тюменским нефтегазовым университетом НИИ прикладной этики (1995 г.), открывший новую ситуацию в отечественных этико-прикладных исследованиях и разработках. Прикладная этика получила уникальный шанс проектирования своей биографии: университет намеренно спроектировал не только структуру для внутреннего консультирования процесса своего развития, но и исполнил одно из своих предназначений – инициировать и поддерживать инновационные научные исследования.

Издаваемый НИИ ПЭ журнал «Ведомости» также стал самостоятельной инфраструктурой и способом существования направления на его новом этапе.

Параллельно действовал принявший эстафету от ЗАО «Центр прикладной этики» – АНКО «Центр прикладной этики: XXI век». Его журнал – «Тетради гуманитарной экспертизы»¹⁵. Цель издания – публикация материалов гумани-

---

¹⁴ Бакштановский В.И, Согомонов А.Ю. Конфликт инновации и традиции: дилеммы, ценностные суждения, выбор; Этика Севера, т. 1, 2 / Под ред. В.И. Бакштановского. Ин-т проблем освоения Севера СО РАН. Томск: Изд-во Томск. гос.ун-та, 1992.

¹⁵ Тетради гуманитарной экспертизы / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век. 1999-2005. Вып. 1-6.

тарной экспертизы и консультирования ситуаций становления нового этоса в современной России. Виды и форма материалов: результаты экспертных опросов, проблемных семинаров, практикумов, деловых игр, аналитические тексты и т.д. Выпуски 1-6 были нацелены на проблемы журналистской этики, а обобщением материалов первых пяти выпусков стала монография «Моральный выбор журналиста».

Периодизация биографии инновационной парадигмы, в значительной степени связанная с ее инфраструктурой, весьма эффективна и по такому основанию, как публикация *ключевых монографий*, определяющих развитие парадигмы. С известной мерой условности можно сказать, что первый этап завершился монографией «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью», второй – монографией «Этика политического успеха», третий – монографиями «Этика профессии: миссия, кодекс, поступок» и «Введение в прикладную этику».

Монографии «Ойкумена прикладной этики»¹⁶ и двухтомник «Прикладная этика: лаборатория ноу-хау» могут считаться одновременно и финалом третьего периода, и стартом следующего¹⁷. Второй том «Лаборатории» открывается моим посвящением памяти Юрия Вагановича Согомонова, старшего товарища, многолетнего соавтора.

Ключевые монографии выросли как на основе конкретных проектов, так и в итоге рефлексии теоретико-методологического характера. И именно поэтому определяли

---

¹⁶ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения. Том первый. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

¹⁷ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2009; *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010.

этапное продвижение инновационной парадигмы.

Наследуя работам 70-80-х годов – первый этап жизни нашего направления (в которых была предпринята пионерная попытка проектирования парадигмы этико-прикладного знания и ее экспериментального применения в общественной практике), – исследовательская и экспертно-консультативно-проектная деятельность товарищества и институализирующих его структур характеризовалась известным концептуальным продвижением, непосредственно связанным с проектными разработками времен второго и третьего этапов.

Второй и третий этапы развития концепции объединяет стратегическое решение о направлении пути: анализ современного этапа социокультурной динамики морали привел к выводу, что наш путь не «от “прикладной” – к практической», а от практической – к прикладной. *Объединяет* эти этапы и последовательное внимание к предпосылкам, раскрываемым через характеристики: морального феномена и морального выбора; природы прикладной этики в двух ее ипостасях: как нормативно-ценностных подсистем («малые» системы) – и как теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания и продуцирования фронестических технологий; и к основаниям «малых» систем, в роли которых представлены этика гражданского общества, аксиология и праксиология морального выбора, профессиональная этика.

Эти этапы объединяет и особое внимание к разработке теории конкретизации морали и воплощающих идею конкретизации морали концепций, описывающих некоторые из прикладных этик (моралей): бизнеса, политики, воспитания, журналистики и т.д.

Различает второй и третий этапы (а) приоритет тем или иным полям приложения, зависящий от ситуации в обществе и ситуации в этическом знании; (б) соотношение исследовательской инициативы и «социального заказа» и, разумеется, субъекты «заказа» (и «внедрения»). Так, второй

этап развития нашей концепции совпал с переходным периодом от советского к постсоветскому типу общества. Не случайно многолетний проект, посвященный этике гражданского общества, был инициирован в 1990-1991 годах. В его появлении, разумеется, значимы внутринаучные мотивы, академические интересы – например, «экспансия» на «территории», не освоенные инновационной парадигмой прикладной этики. Но решающий ангажирующий мотив пришел из реальной ситуации, из анализа обсуждаемых обществом способов разрешения ее кризисного состояния: не случайно некоторые из этико-прикладных работ этого периода написаны в формате *научно-публицистических монографий*.

Лишь откликнувшись на актуальную проблематику, товарищество смогло далее пойти путем развития ряда сфер прикладной этики, конкретизирующих содержание этики гражданского общества: предпринимательской, политической, журналистской, этики среднего класса, этики успеха, этики воспитания и др. И уже на основании этих исследований сформировалась возможность идентифицировать этику гражданского общества как инвариант «малых» систем, прежде всего – *этик публичных арен*, как своеобразный интегратор прикладных нормативно-ценностных систем.

Различает эти этапы и новый поворот инновационной парадигмы – выход за рамки социально-управленческого канала приложения, прежде всего за счет потенциала становящегося гражданского общества в целом, профессиональных сообществ – особенно.

Одна из «точек роста» инновационной парадигмы на втором этапе ее жизни – развитие *этического подхода* к исследованию «малых» систем. Характерная черта этих исследований оформлена метафорой в названии одной из монографий второго периода: «Выбор будущего: к новой

деонтологии воспитания»¹⁸; эту метафору вполне можно было поставить и на обложке книг об этике предпринимательства и политической этике.

* Вынесенная в заголовок монографии об этике воспитания метафора *выбор будущего* не только отражала «встроенность» воспитания в экономику, политику, управление, образование, во все сферы культуры в роли гуманизирующей доминанты, но и его миссию по установлению контактов между прошлым и настоящим, наведению *моста в будущее*, позволяющего преодолевать его чуждость, «вселяться» в него как в освоенный мир. Монография об этике воспитания была посвящена исследованию идеалов, норм и ценностей воспитательной деятельности как в историческом, так и в современном аспектах (сравнительный анализ деонтологических парадигм традиционного и современного общества). Наряду с этикой предпринимательства и политической этикой *предпочтения* в сфере этики воспитания существенным образом влияли на выбор будущего нашего общества. Поэтому особое место было отведено воспитательному этосу в контексте перестроечных процессов. Разумеется, значительное место в монографии занимали прикладные разработки – экспертные опросы, кодексы, этические деловые игры.

* Сверхзадача монографии об этике предпринимательства – «Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства» – вполне могла быть представлена метафорой *выбор будущего*, усиленной прилагательным *свободный* выбор. Выбор в пользу гражданского общества в качестве способа цивилизованного бытия, по определению, не может не быть свободным. Причем не в отрицательной, а именно в положительной форме свободы как возможности нравственно возвышенного пути развития общества.

---

¹⁸ Бакштановский В.И., Потапова Е.П., Согомонов Ю.В. Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии. Томск: Изд-во ТГУ, 1991.

Выбор в пользу гражданского общества требовал от граждан новой России признания его в качестве *достойного*. Не смириться с ним, тяготясь новыми условиями, а самоопределиться по отношению к ним и к самому факту свободного выбора. Не подчиниться крутой воле автократов и веригам неизбежности, а духовно освоить ситуацию, открыть для себя аргументы метафизической и моральной оправданности, предпочтительности перехода в иные – забытые и неведомые – ценностные миры.

Предпринимательская этика трактовалась как *революционизирующая* нравственную жизнь российского общества, отсюда заголовок одного из разделов монографии: «Реформаторская миссия этоса предпринимательского успеха в нравственной жизни переходного общества». Поэтому необходимо было сравнить, что представляет собой этика предпринимательства в той традиции, где она зародилась давным-давно, и что она может означать в ином – отечественном – социокультурном контексте. Отсюда и особое место в книге разделу «Русская тройка» и включенной в него главе «Этос предпринимательства: неклассический случай», представляющей собой экспертный практикум, с помощью которого авторы пытались вместе с читателем отследить креативные процессы переходного периода в предпринимательском этосе.

* Монография «Этика политического успеха», завершающая второй этап развития инновационной парадигмы, соединила в себе проекты «Этика успеха» и «Политическая этика». Такое соединение оказалось плодотворным для того и другого проекта: дало кумулятивный эффект.

Проект «Этика успеха» был обращен к теме делового, профессионального и жизненного успеха в современной отечественной ситуации. Успех – одна из наиболее самоочевидных ценностей гражданского общества. Амбиция

преуспеть атрибутивна для человека такого общества. Но развитое гражданское общество ориентировано на этическую идентификацию успеха, моральную рефлексию как самой ориентации на успех, так и путей к нему. Этическое акцентирование успеха как ценности предполагает особое внимание к выбору ориентации на достижение как к мировоззренческому ярусу морального выбора (само стремление к достижению нравственно значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора), так и к этико-праксиологическому ярусу (особую заботу о том, чтобы соотношение целей и средств в достижительном процессе соответствовало моральным требованиям).

Исследование природы этики успеха было конкретизировано в проектах, направленных на изучение роли ценности успеха в жизненных стратегиях политиков, предпринимателей, профессионалов в различных сферах деятельности (проект «Апология успеха»¹⁹), в жизни людей, идентифицирующих себя как средний класс (проект «Городские профессионалы»²⁰), в деятельности студентов, выпускников и преподавателей университета (характерны названия некоторых выпусков журнала НИИ ПЭ «Ведомости»: «Новое поколение выбирает успех?», «Какой успех выбирает новое поколение?», «Лестница жизни», «Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра» и т.д.).

Монография «Этика политического успеха» открывается вводным разделом, посвященным основному содержанию доктрины этики успеха в целом. Цель этой доктрины – определить место ценности успеха в современной и пост-

---

¹⁹ См.: Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации / Под ред. В.И. Бакштановского, Г.Э. Бурбулиса, А.Ю. Согомонова. Тюмень-Москва, 1995.

²⁰ Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 1999; Городские профессионалы: путь к успеху. Опыт рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2004.

современной морали и раскрыть основания для стимулирования и культивирования этики успеха в России. Исходная точка теоретического поиска – понимание того, что пока этос успеха представлен в нашей стране скорее в виде «островков», чем определенной сферы. Но «пока» – не навсегда.

«Этика успеха» – не метафора, а одно из направлений прикладной этики. Его содержание можно представить некоторыми подзаголовками вводного раздела – нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: долгий путь к цивилизации достижений; этика успеха: доктрина родительного падежа; этическая безопасность идеи успеха; феномен успешной деятельности: человек, который успел состояться; мотив самоидентификации мобильной личности; штрихи к образу человека успеха: западная, советская, постсоветская, общечеловеческая версии; удачливым ты можешь и не быть, успешным быть – обязан; не-алиби в этике успеха; успех как смысл и значение, долг и ответственность (моральная метафизика успеха); «я емь, потому что я свершаю»: этическая прaksiология успеха; моральный риск ориентации на успех: выход за пределы конформизма и нонконформизма возможен; неравенство в успехе, но равенство в достоинстве; моральная свобода уклонения от ориентации на успех; российская модель этики успеха: возможна ли этика успеха в современной России? Идея успеха органична для родины Ивана-дурака; реальные шансы этики успеха: динамизирующая роль целерационального типа действия и индивидуализма; ценности этики успеха в контексте XXI века; и т.д.

В четырех разделах монографии последовательно рассматриваются общий концепт политической этики; становление этой нормативно-ценностной системы в опыте Запада и России; «первоначальное накопление» ценностей этики политического успеха: политический этос эпохи Перестройки и т.д. Значительное место отведено методологии и технологиям исследования политического этоса (раздел

«Аксиология и праксиология политических игр») и реальному опыту его экспертизы, моделирования и проектирования в отечественной ситуации. Опыту, отражающему такие этапы, как попытка самореформирования политического этоса, политический этос накануне перемен, пренатальная стадия постсоветского политического этоса: региональная модель, кредо и кодекс российской власти постсоветского периода; постсоветская стадия коэволюции политического этоса и этоса гражданского общества.

Третий этап-период развития инновационной парадигмы отличается (а) обновлением предметного поля и (б) преемственностью-развитием ряда проектов предшествующих периодов.

* Монография «*Этос среднего класса*»²¹ – исследование «малых» систем в формате «нормативная модель и отечественные реалии». Актуализация такого предметного поля прикладной этики мотивировалась трактовкой среднего класса как одного из феноменов российской модернизации и важнейшего ориентира выхода из постсоветского кризиса идентичности, имеющего в модернизирующейся России общесоциальный, социально-групповой и индивидуальный масштабы. Идея культивирования этоса среднего класса трактовалась в качестве одного из ориентиров новой самоидентификации как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и, тем более, для множества индивидов, осознающих естественную связь попытки понять «куда идет Россия?» с попыткой выстраивания своей жизненной стратегии, личного биографического проекта в столь противоречивой ситуации перехода.

Идеалы, ценности и «правила игры» среднего класса способны вдохновить не только либерально ориентиро-

---

²¹ Бакштановский В.И., Ю.В. Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Научно-публицистическая монография / Под ред. Г.С. Батыгина, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000.

ванный слой населения, принявший идею успеха, но и другие слои общества. В этом случае появятся основания говорить уже о доктрине национального успеха. В то же время культивирование этоса среднего класса способно противостоять отказу от ценностей рыночной экономики и демократии.

Особое внимание в монографии отдано исследованию ценностей и «правил игры» современных *профессионалов*, о которых, благодаря их делам, особенно за последние несколько лет, можно было говорить как о *состоявшихся* людях, достигших делового и профессионального успеха. Условия «вхождения» в средний класс – не только уровень дохода, но и шкала ценностей, мировоззрение и самоощущение человека, который полагается в этой жизни прежде всего на самого себя, который способен, сохраняя в целом близкий ему жизненный порядок, самостоятельно изменить свою жизнь, принять персональную ответственность и за себя, и за семью, и за страну. В центре проекта – образы человека среднего класса, такие его ценности, как профессионализм, деловой успех, стратегия жизненного пути и т.д.

Как и в других проектах в рамках инновационной парадигмы, теоретический анализ сочетался с этико-социологическими исследованиями, проведенными Центром прикладной этики и НИИ прикладной этики. Так, анализ материалов серии экспертных опросов среди студентов, преподавателей и менеджеров ТюмГНГУ дал основание для тезиса, согласно которому ориентиром для перехода от духа поколений «советских интеллигентов» к духу поколений «постсоветских интеллектуалов» может быть самоопределение студентов, преподавателей, менеджеров университета к этосу среднего класса, который основан на «служении в профессии». При этом «служение в профессии» предполагает и призвание, и материальный достаток.

Полагаю возможным посчитать «точкой роста» инновационной парадигмы в этой монографии сам предмет иссле-

дования. Кроме того, плодотворной оказалась конкретизация этосного подхода.

Во-первых, через «этос середины»: не арифметический, не социологический («средние доходы», «средний престиж»...), а собственно моральный аспект феномена «человек середины». «Не стыдно ли быть средним?» – один из пунктов анкеты экспертного опроса. Каковы ценности «человека середины»? Добродетели, понимаемые через аристотелевскую меру? Сохранение средней позиции во всех решениях и поступках? Умеренность в реализации мотивации достижения? Балансирование всей жизненной стратегии по принципу «устойчивого развития»? Не закрывая перечень, авторы попытались провести в этом направлении исследовательский поиск.

Следующий шаг конкретизации этосного подхода: интерпретация т.н. «буржуазных» особенностей этоса этого класса. Речь шла не только о роли ценностей жизненного, профессионального, делового успеха и т.п., но и о смысловых ценностях, стиле жизни, об «антигероической» ценности частной жизни, ценностях повседневности и т.п. Без понимания природы столь важных для бывших советских профессионалов, интеллигенции *новых* отношений между моральными требованиями – и реальностью, интеллигентностью – и «мещанскими» ценностями, без осознания необходимости переоценки конфликта образов жизни «сокола» и «ужа» и т.д. Можно ли помочь носителям ценностей советского квазисреднего класса безболезненно войти в постсоветскую ситуацию?

И еще одна конкретизация: самоидентификация субъектов среднего класса – *городских профессионалов* – с ценностью профессионализма.

* Коллективная монография «*Становление духа университета: опыт самопознания*»²² – итог многолетнего

---

²² Становление духа университета: Опыт самопознания. Кол. Мон. / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. 2001.

исследования в сфере *этики образования*, которое дало возможность одновременного развития методологии теоретизирования в сфере прикладной этики и экспертно-консультативной и проектировочной деятельности в рамках конкретной институции. В жизни проекта на время работы над монографией можно было выделить два периода. Первый из них начат в 1995 году манифестом НИИ ПЭ «Десять тезисов НИИ ПЭ нефтегазовому университету», продолжен одноименным с названием проекта научным докладом НИИ ПЭ (2002) и активизирован в 2005 году новым манифестом НИИ ПЭ «Десять лет спустя», посвященным исследованию глобальной ситуации трансформации *идеи* университета и локальной ситуации развития ТюмГНГУ.

Университет, *проектирующий свою биографию*, оказывается вовлеченным в острую ситуацию выбора своей миссии, адекватной идее современного университета, университета XXI века. В этой связи для университета предельно важна работа по напряженной *самоидентификации, самопознанию, осмыслению* своего настоящего, шансов будущего. При этом значимо понимание новой ответственности университета: от *использования* шансов на развитие ему предстоит перейти к их *производству*. Основные идеи: университет – образовательная корпорация; образовательная деятельность – *высокая* профессия; миссия университетской корпорации – духовное «производство» человека.

Вынесенное в заголовок монографии нестрогое понятие «дух» означает, что речь идет не об «экономическом измерении» реформ в образовании, которое зачастую представляется самой актуальной темой, но о «моральном измерении» процесса становления университета. При этом авторы книги пытаются рассмотреть мораль не как некое «следствие» экономики, но как важнейшую предпосылку современного развития.

Характеристика намерений авторского коллектива (в основном – сотрудников университета) как «опыта самопоз-

нения» не означает отказа от теоретического исследования процесса становления духа университета, но подчеркивает значительную роль «внутренней экспертизы», которую играет рефлексия об индивидуальных биографиях жизненного пути и коллективной биографии вуза. Отсюда и попытка экзистенциального анализа опыта проживания периода реформ через судьбу университетской корпорации. Книга учитывала более чем 35-летний опыт становления и развития ТИИ–ТюмГНГУ, является одним из проявлений «эстафеты поколений», способом передачи опыта и ценностей.

* Монография «*Моральный выбор журналиста*»²³ – результат более чем десятилетних исследований журналистской этики, проведенных в инновационной парадигме. Исследование этого поля прикладной этики представляло собой цикл гуманитарных экспертиз, результаты которых систематически публиковались в «тетрадах гуманитарной экспертизы». Интеграция этих результатов – монография о моральном выборе журналиста, в которой наиболее полно представлена судьба одного из *трех источников* инновационной парадигмы – концепция морального выбора, *приложенная* к «малой» нормативно-ценностной системе.

Логика работы с потенциальным читателем монографии – прежде всего журналистом – отражает последовательное предъявление проблемы морального выбора в журналистской деятельности. В первой главе читатель получает возможность включиться в рефлексивный процесс самоопределения журналистов к аргументам, раскрывающим основания выбора как атрибута человеческой свободы. Затем он может как бы изнутри исследовательского процесса проанализировать открывающиеся журналисту возможности самоопределения к базовым доктринам природы морали. Особое место в этой главе занимает диагноз и прогноз ситуации нравственной жизни современного общества.

---

²³ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Моральный выбор журналиста / Предисл. А.К. Симонова. Тюмень: Центр прикладной этики, 2002.

Здесь читатель получает возможность соучаствовать в выборе журналистом принципов диагностики и убеждающих его конкретных оценок ситуации. По мнению авторов, этим «оправдывается» наличие в книге академического параграфа о природе морального феномена, так как, скорее всего, попытка диагноза ситуации нравственной жизни и пробуждает интерес читателя к понятию морали: праздному любопытству вряд ли было бы под силу принудить человека к продолжительной проясняющей работе. И как профессионал, и как гражданин журналист постоянно сталкивается с необходимостью оценки нравственной жизни общества. (Правда, чаще всего это не систематический рациональный процесс оценки как таковой, а скорее фоновое беспокойство, затаенные импульсы сознания, интенции, оттеняющие более частное вопрошание. Скорее всего журналист продвигается от разбора вполне конкретных жизненных случаев к предельно широкой оценке моральной ситуации общества.)

Далее следует «оправдание» журналистской этики – читатель имеет возможность «прожить» вместе с участвующими в серии экспертиз журналистами процесс их самоопределения к ценностям профессиональной этики. В том числе ее мировоззренческого «яруса»: является ли выбор профессии одновременно и моральным выбором? «Служение в профессии» или «жизнь за счет профессии»? Обращу внимание на то, что с этой главы авторы переходят от собственно теоретического анализа к проектно-ориентированному, систематически опираясь на материалы гуманитарных экспертиз.

В название четвертой главы вынесен вопрос, состоящий из двух альтернативных метафор: «“Зеркало”? Или “зеркальщик”?», с помощью которых читатель сможет проследить процесс самоопределения журналистов к разным моделям корпоративной миссии журналистского сообщества. Сведенные в дилемму эти метафоры побуждают разобратся в ориентирующей самопознание журналистов роли

ценностей гражданского общества, конкретизировать представления о социально-профессиональном назначении журналистской профессии. Как и в предшествующих главах, название пятой главы формулируется с помощью дилеммы: «Стремление к достижению или намеренный дезангажемент?». Соответственно читателю предстоит увидеть, как совершается самоопределение журналиста к ценности профессионального успеха: выбирает ли он ориентацию на успех или предпочитает уклониться от такой ориентации, в том числе по этическим соображениям. В главе шестой речь идет о ситуации выбора журналистом мотивов саморегулирования «цеха»: под давлением обстоятельств или по доброй воле? Читателю предстоит обнаружить, что этот выбор далеко не прост.

В седьмой и восьмой главах основная проблема монографии представлена через тюменский опыт проектирования профессионально-этической конвенции. Центральным звеном создания тюменской медиаконвенции является попытка разработки принципов и норм поведения журналиста в ситуации морального выбора. Во-первых, это выбор статуса и пафоса конвенции в альтернативе «“моральный кодекс строителя...” – или “скромная этика контракта”»? Во-вторых, выбор, совершаемый в процессе проектирования каждого элемента структуры конвенции: *проблемная ситуация – задачи конвенции – мотивы саморегуляции – самоопределение к корпоративной миссии – кредо сообщества – свобода и ответственность морального выбора – минимальный стандарт профессионально-правильного поведения – экспертно-консультативная комиссия – комментарии.*

* Монография «*Этика и этос воспитания*»²⁴ – наглядный пример *преемственности-развития* исследований на темы этики воспитания предшествующих периодов, пред-

---

²⁴ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания. Научно-публицистическая монография. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. 2002.*

ставленных в монографии «*Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии*». Новый этап многолетнего проекта, начатый в 1998 году, сочетает теоретический поиск в сфере идеалов, ценностей и норм воспитательной деятельности в постсоветской России с этико-социологическими исследованиями ситуации воспитательной деятельности в ТюмГНГУ.

Монография существенно продвинула инновационную парадигму. Во-первых, за счет анализа новой постсоветской ситуации в теории и практике воспитательной деятельности. Диагностика дала основания для рефлексии проблемы «*воспитатель в ситуации выбора*». Ситуация советского общества отличалась признанием лишь одной системы ценностных ориентиров воспитания, ценности были строго определены. Современная ситуация характерна одновременным сосуществованием различных – в том числе и противоположно ориентированных – ценностных систем, стремящихся сыграть приоритетную роль в воспитании. Одна из них знаменует возврат к доктрине коммунистического воспитания. Причем проблема возврата радикализируется в установке на «выбор прошлого» – слегка подкорректированное под современность знаковое «светлое будущее» с присущим этой идеализированной модели набором неотрадиционалистских ценностей, с реанимацией пропитанных этими ценностями форм воспитательной деятельности. Другую систему характеризует освоение потенциалов свободы для серьезной реконструкции целей и способов воспитательной деятельности на основе либеральных ценностей (в сотрудничестве со здоровым консерватизмом, органически присущим всякой устойчивой воспитательной деятельности), для лучшего понимания ее общественной значимости, для выбора будущего нашей страны как демократического общества. Такая проблематизация стала предметом гуманитарной экспертизы.

Многолетние эмпирические исследования этоса воспитательной деятельности в ТюмГНГУ, проблемные семи-

нары на кафедрах и ректорские семинары дали основания не только для теоретических выводов, но и для специального доклада, адресованного университетскому сообществу, а также для рекомендаций разработчикам университетской концепции воспитания.

* Представленный в двух монографиях проект «*Этика гражданского общества*»²⁵ развивает исследования прежних лет. Для идентификации этики гражданского общества здесь использованы несколько метафор: *новая этика, этика публичных арен, общество свободной близости и свободного антагонизма, естественная «неестественная» мораль, «моральная революция»*... что их объединяет? Возможность дать эффективную характеристику этике гражданского общества как типу морали, историческому этапу социокультурной динамики морального феномена, как нормативно-ценностной системе, совершающей, своеобразную революцию – в отношении к «традиционной морали», к феномену морали традиционного общества. И потому *новой* этике. Точнее: еще «вчера» новой этике, которая уже «сегодня» испытывает вызовы постиндустриального общества, эпохи наступающей глобализации.

Особое внимание проекта обращено к ценностям гражданского общества (свобода выбора и ответственность, индивидуализм и солидарность, рациональность, профессионализм, деловой и жизненный успех), к опыту самопознания его институтов, социальным технологиям гражданской активности (например, общественная экспертиза, организуемая, в том числе, методом игрового моделирования).

Среди «точек роста» инновационной парадигмы – попытка показать, во-первых, *революционность* этики гражданского общества посредством анализа «случая» – российской модернизации, особенности которой создают си-

---

²⁵ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2003; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004.

туацию *модельного эксперимента*, наглядно демонстрирующего конфликтность «прихода» «*неестественной*», «*рациональной*» морали, трудности становления в нашей стране базовых ценностей *общества свободной близости и свободного антагонизма*. Во-вторых, определенную наглядность в реализации идеи конкретизации общеобщественной морали. Речь идет об императиве «будь лицом» – первые слова сформулированного Гегелем императива гражданского общества: «будь лицом и уважай других в качестве лиц!». Эта выразительная формула требует совершать поступки и понимать поступки других, пользоваться благом свободы без ущерба свободе других, опираться на самостоятельно выстроенную иерархию ценностей и на ее основе производить моральный выбор, принимая личные решения под личную ответственность. В целом речь идет о базовом элементе системы ценностей гражданского общества, о вполне определенной этике, без понимания которой трудно себе представить как само гражданское общество, так и конкретный институт, призванный руководствоваться этими ценностями в своей деятельности и культивировать их. Третья «точка роста» – этическая экспертиза социальных технологий гражданского участия.

В рамках этого проекта была выпущена коллективная монография «Рабочие тетради» для гражданского форума Тюменской области²⁶. Наряду с аналитическим обзором литературы о природе и ценностях гражданского общества и изложением концепции этики гражданского общества в его нормативной модели и отечественных реалиях, специальный раздел книги отведен словарю ценностей гражданского общества. В соответствии с форматом «рабочие тетради» в книгу включен анализ опыта самопознания гражданского форума Тюменской области (форум мы рассматривали в качестве социальной технологии взаимодействия власти и

---

²⁶ «Будь лицом!» Рабочие тетради Гражданского форума / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2004.

общества) и рекомендации по освоению форумом новых технологий гражданского участия. Круг потенциальных пользователей «Тетрадей» – исследователи процесса становления гражданского общества в современной России; гражданские активисты, стремящиеся разобраться в ценностных ориентирах и социальных технологиях своей деятельности; госслужащие, заинтересованные в эффективном взаимодействии властных структур и общественности; журналисты, считающие, что миссия избранной ими профессии связана с целенаправленным формированием в нашей стране основ гражданского общества.

Такая адресность проекта – не формальная отписка в аннотации. За ней – опыт организованного проектом процесса самопознания институции. Этот замысел «Тетрадей» представлен в заголовке введения с помощью многофункциональной метафоры «зеркало». Она характеризует, во-первых, своеобразную *экспертную систему*, дающую гражданскому форуму возможность (не)узнать себя в системе «зеркал». Экспертная система состоит из трех основных структур: лидеров некоммерческих организаций, журналистов, исследователей. Такое сочетание позволяет совместить внешнюю экспертизу с внутренней, а также представить природу и «дух» гражданского общества в двух аспектах: с точки зрения нормативной, идеальной модели и с точки зрения отечественных реалий.

Во-вторых, метафора «зеркало» напоминает, что самопознание – процесс не только трудный, но и рискованный. Необходимо немалое мужество, чтобы решиться трезво взглянуть на себя. Тем не менее, членам форума стоило «посмотреться в зеркало», т.к. это один из способов решить вопрос о трансформации форума, прежде всего за счет комбинации в нем социальных технологий, характерных для институций, учрежденных «при власти», – и технологий, изобретенных самоорганизующимися гражданскими ассоциациями для взаимодействия с властью.

«Заглянуть в зеркало» проекта важно и для представителей власти, прежде всего потому, что декларируемые ею партнерские отношения с гражданским обществом предполагают, как минимум, понимание его природы и духа, в том числе особенностей собственно гражданских организаций. Воспользоваться «зеркалом» важно и для СМИ, которые являются не только одним из субъектов гражданского общества, но и – в идеале – «повивальной бабкой» этого общества, и его воспитателем, и медиатором для всех других ассоциированных субъектов и индивидов.

Отмечу, что на примере этого проекта видно, как инновационная парадигма пользуется всеми моделями практической этики. Намерение авторов «Рабочих тетрадей» ориентировать проект на потребности практики, в том числе на научно-методическое обеспечение деятельности форума, достигалось несколькими способами, отраженными в подзаголовках к некоторым главам: «путеводитель по литературе», «словарь»; в создании дайджеста современных социальных технологий, в методике общественных экспертиз, а также в попытке наработки «повестки дня» форума совместными усилиями представителей НКО и СМИ. И, разумеется, методами игрового моделирования и экспертного опроса.

* Монография, посвященная общепрофессиональной этике²⁷, представляла собой разработку концепции, сосредоточенной на реализации инвариантного алгоритма исследования и описания нормативно-ценностных систем профессий. Предложенный здесь алгоритм – ряд последовательных шагов исследовательской рефлексии.

1. Характеристика предназначения, *миссии* (а не просто *функции*) профессиональной этики. Интерпретация профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и

---

²⁷ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. См. также: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Профессиональная этика: социологические ракурсы. Социс. 2005. № 8.

одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества. Здесь же – соотношение этики (морали) профессиональной и этики *общеобщественной*; природа нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий; между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса.

2. Анализ «морального измерения» природы профессии как основание для рационального структурирования профессиональной этики. В рамках этого «измерения» обсуждаются: различие между профессией и *внепрофессиональными* видами человеческой деятельности; специфика *высоких* профессий; этос профессиональной корпорации, саморегулирование профессии.

3-4. Апология и критика профессионализма в его «моральном измерении» и этика профессионального успеха.

5. Характеристика «мировоззренческого яруса» профессиональной этики: подход к выбору профессии как к процессу морального выбора, обсуждение дилеммы «служение в профессии или жизнь за счет профессии?» и т.д.

6. Обращение к нормативному ярусу профессиональной этики, исследование природы и духа профессионально-этических кодексов. Финальный шаг: характеристика прикладного потенциала профессионально-этического знания.

Авторы не претендовали на неперемнную инвариантность предлагаемого подхода – грани этой характеристики представлены в монографии с позиции опыта развития инновационной парадигмы, в том числе опыта этического проектирования, эмпирических материалов наших этико-прикладных разработок, в том числе анализа опыта самопознания практиков различных профессий: деятелей образования, журналистики, менеджмента, науки и т.д. Соответственно в ряде глав монографии параграфы, в которых анализируются исследовательские подходы, сопровождаются параграфами с одинаковым названием «Самопознание профессионалов: экспертные суждения». При этом уча-

стники экспертных опросов, в соответствии с духом инновационной парадигмы, не столько «респонденты», сколько подлинные соавторы проектов, а их тексты – не только «материал» для анализа, но самодостаточный научный и культурный результат.

Среди «точек роста» инновационной парадигмы прикладной этики выделю в этой монографии разработку идеи *высокой профессии*, проблематизированной необходимостью решения дилеммы «высокая профессия» – «сфера услуг» и актуализацией роли мировоззренческого яруса профессиональной морали (этическая проблематизация профессии не исчерпывается традиционной темой социально-нравственной ответственности профессионала за результаты своего труда, за *правильное исполнение* своей работы, требуя особого внимания вопросу о том, *правильную ли работу он выполняет*); анализ опыта проектирования и экспериментального внедрения корпоративной институции профессионально-этической экспертизы; актуализацию идеи практикума по профессиональной этике как элемента системы профессионально-этического образования и первые шаги в программировании этой системы.

* Интеграция «кафедры» и «лаборатории» вокруг обновленной версии *оснований* инновационной парадигмы стала главной задачей итоговой монографии третьего этапа – «Введение в прикладную этику». процитировав на первой же странице «народную мудрость» из фольклора науковедов о трех фазах всякой инновации, авторы объявили о решении начать свою новую работу не только ради напоминания читателю, что наша концепция прикладной этики трудно пережила ситуацию первой фазы и вдруг обнаружила, что уже прошла фазу вторую и, честно говоря, не рассчитывала на скорое наступление фазы третьей. Нашу новую работу во многом мотивировали *риски* наступившей третьей фазы, наверняка связанные с незнанием или пренебрежением разработчиками различных сфер прикладной этики и авторами первых учебников цены и результатов

«еретического» периода. Результатов прежде всего в сфере *оснований* прикладной этики.

Поэтому в трех разделах монографии рассматриваются последовательно: (1) предпосылки прикладной этики, раскрываемые через характеристики *морального феномена* и *морального выбора*; (2) природа прикладной этики в двух ее ипостасях; (3) основания «малых» нормативно-ценностных систем, в роли которых представлены этика гражданского общества, аксиология и праксиология морального выбора, профессиональная этика. В некоторые главы включены фрагменты этико-прикладных разработок, материалы которых позволяют представить феномен конкретизации морали, с одной стороны, потенциал «технологий приложения» – с другой.

Одна из «точек роста» нового направления в этой монографии – продвинутое формулирование идеи прикладной этики, связанной с вполне определенной интерпретацией смысла прилагательного *прикладная* применительно к существительному *этика*: понимание природы *приложения* зависит от ответов на алгоритмизированное вопрошание «*что? – к чему? – каким образом? – зачем?*».

* Завершив монографию «Введение в прикладную этику», авторы поставили перед собой следующую задачу: *испытать* свою концепцию ее «работой» в исследовании и развитии нормативно-ценностных подсистем сегментированной жизни общества. В том числе – продемонстрировать эффективность know-how прикладной этики.

Новая монография – «Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения» – стала *случаем* в такого рода *испытании*, подготавливая и открывая четвертый этап жизни инновационной парадигмы. В основе этого проекта – идея *нового освоения* этико-прикладным знанием некоторых из *территорий* ойкумены прикладной этики, с которыми непосредственно связана *биография* развиваемого авторами направления. Три главы монографии посвящены журналистской этике, этике научно-образовательной деятельности,

политической этике. В каждой главе приведены материалы этико-прикладных разработок, которые позволяют представить феномен конкретизации морали в «малых» системах и потенциал технологий *приложения*.

* Следующая монография четвертого этапа – коллективная монография «Самоопределение университета: путь *реально-должного*»²⁸ – посвящена исследованию проблемы императивно-ценностного (выходящего за пределы функциональных обязательств) самоопределения университета в диапазоне от метафизической идеи до «анализа случая». В монографии последовательно представлены: смысло-ценностные основания рефлексивной биографии университета; характеристика пути университета от «смены имени» к *институциональному* проектированию этических ориентиров; анализ дискурса проектирования *индивидуальных* биографий университетских интеллектуалов в контексте биографии научно-образовательной корпорации; программирование *этических образов* базовых профессий самой научно-образовательной деятельности и профилирующих специальностей университета.

В методологической позиции, на которой основана монография, важно выделить, во-первых, потенциал прикладной этики как *проектно-ориентированного* знания – при этом значима культура *фронезиса*, диалогическая, «понимающая» природа которого не допускает упрощенного толкования отношений «консультант – клиент», предполагая не просто передачу полученного исследователем результата для «внедрения», но совместный (эксперта и ЛПР, ГПР) поиск решения проблем, особый стиль проектной деятельности, условием эффективности которой является опора на моральное творчество субъекта.

Во-вторых, методологическая позиция проекта предполагает определенную интерпретацию феномена *самоопределения университета* через проектирование своей миссии: это не просто большая, по сравнению с адаптивно-

---

²⁸ Самоопределение университета: путь *реально-должного*. 2008.

стью, мера *реактивности* поведения, но акт нравственной *активности*. Активности во имя избранной миссии, не сводящейся к реактивному целеполаганию и предусматривающей проектирование научно-образовательной корпорацией своей биографии.

Миссия университета – *надстратегический* ориентир самоопределения, *смыслоориентирующее основание* разработки стратегии университета. В методологических основаниях проектирования миссии – весьма ригористичный вывод гуманитарной экспертизы: ценностные приоритеты университетской корпорации не тождественны духу и «правилам игры» некоей бизнес-корпорации – промышленной или финансовой, производящей *товар* как предмет *купли-продажи* и, как правило, ориентированной только на прибыль. Не имея возможности и права пренебрегать требованиями «заказчика» и «потребителя», университет, во-первых, видит своим «заказчиком» не просто *производственную сферу*, но потребности общества в целом и, во-вторых, не сводит свое *назначение* к роли «делового предприятия на рынке образования», считая своей миссией *возвышение* соответствующей рынку утилитарной *функции* «кузницы кадров» до высокого *смысла* «духовного производства человека». Университет *подчиняет* свою прагматическую стратегию ценностным ориентирам научно-образовательной профессии. Даже в сложных рыночных обстоятельствах, ограничивающих независимость *высоких* профессий, их миссия не отменяется. Как это ни парадоксально, но именно в таком самоопределении – шанс прагматического успеха университета.

«Точки роста» инновационной парадигмы прикладной этики в этом проекте – выстраивание в систему аспектов морального выбора: мировоззренческого (с конкретизацией в ситуации выбора профессии и решения дилеммы служения в профессии), нормативного и этико-праксиологического; системная конструкция конвенции: кредо и «минимальный стандарт».

* Серьезный шаг четвертого этапа – двухтомная монография «*Прикладная этика: лаборатория ноу-хау*»²⁹.

Проект развивает инновационную парадигму прикладной этики через обоснование и демонстрацию ее ноу-хау. Идея, что ноу-хау – способ существования этой парадигмы, конкретизируется в разработанных и внедренных в практику авторских технологиях проектно-ориентированного этического знания: этического проектирования, этической экспертизы, этического консультирования, этического моделирования и т.д.

В первом томе представлены концептуальные основания игрового моделирования и мастер-класс, посвященный одной из новаторских технологий – этико-прикладным играм, рассматриваемым в качестве модели освоения ситуаций морального выбора.

Во втором томе идея о ноу-хау как способе существования этой парадигмы конкретизируется в этико-прикладной концептуализации «малых» императивно-ценностных систем и в системе технологий проектно-ориентированного этического знания: этического моделирования, этического проектирования, этической экспертизы, этического консультирования и т.д. Два раздела этого тома, сосредоточенного на технологии этического проектирования, представляют соответственно концептуальные основания ноу-хау в проектировании кодексов и мастер-класс «проектирование профессионально-этического кодекса университета в инновационной парадигме прикладной этики».

РАЗУМЕЕТСЯ, большинство из представленных здесь работ, соответствующих разным этапам рефлексивной био-

---

²⁹ *Бакштановский В.И., Согмонов Ю.В.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / Монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2009; *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 2. Кодексы, которые нас выбирают: этическое проектирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2010.

графии инновационной парадигмы, легли в основу инновационного курса.

В то же время полагаю, что и в самом этом курсе вполне можно увидеть значимый шаг проектирования биографии парадигмы.

Лекция 3

Инновационная парадигма: что? к чему? каким образом? зачем?

Системный характер предлагаемой в курсе парадигмы прикладной этики проявляется в ответах на алгоритмизированное вопрошание «*что? к чему? каким образом? зачем?*», раскрывающие название лекции.

Эти ответы предполагают, во-первых, тезис о социокультурном процессе *конкретизации* («каким образом?») общественной морали («что?») в нормативно-ценностных подсистемах морали, регулирующих и ориентирующих сегментированные сферы общества («к чему?»). Конкретизация морали в «малых» системах предполагает не просто «дополнительные» нормы или «отступления» от норм общеобщественной этики, а *(до)развитие* морали. *Акт приложения* – конкретизации – выступает как *акт креации* прикладных структур морали. Вопрос «зачем?» уместен, если речь идет о целенаправленном, намеренном *воздействии* на нормативно-ценностные подсистемы.

Во-вторых, тезис о развитии системы этического знания («что?») применительно к особенностям теоретизирования о нормативно-ценностных подсистемах («к чему?») за счет производства этико-прикладного знания, включающего как теорию конкретизации морали и концепции, воплощающие идею конкретизации морали, описывающие каждую из прикладных этик (моралей); так и проектно-ориентированное знание и фронестические технологии приложения, этическое ноу-хау: рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическая экспертиза и консультирование и т.п. («каким образом?»); знание и технологии, ориентированные и приуроченные для исследования и преобразующего

воздействия на нормативно-ценностные подсистемы («за-чем?»).

Учитывая, что в лекции 2 в рамках представления монографий, характеризующих «этапы большого пути» инновационной парадигмы, эскизно даны многие ее элементы; в лекциях 4 – 5 содержится обстоятельная характеристика концепции морального выбора как *modus vivendi* прикладной этики; в лекции 6, описывающей прикладную этику как *modus vivendi* современной морали, в том числе содержится разработка концепции этики гражданского общества; в лекции 7 развивается концепция общепрофессиональной этики, а лекция 8 специально посвящена know-how-технологиям этико-прикладного знания, в данной лекции названные здесь элементы инновационной парадигмы даны лишь в кратком виде.

3.1. Конкретизация морали как акт креации

С ОПРЕДЕЛЕННОЙ долей условности можно сказать, что современная *Вселенная морали* – это универсальное «ядро» нормативно-ценностной системы общества, вокруг которого обращаются *планеты* прикладных этик (моралей). Эти «планеты», нормативно-ценностные подсистемы морали – как и в целом прикладная этика – формируются в процессах *конкретизации* морали.

Исследуя идею конкретизации морали, Ю.В.Согомонов подчеркивал, что речь идет не просто о неизбежной *детализации* норм и оценок, обусловленной спецификой той или иной сферы человеческой деятельности как предмета *приложения* морального универсума. Если концентрировать внимание исключительно на изменениях в артикулировании норм или даже в конфигурациях ценностей – это будет лишь слабая версия *приложения*. Существует и сильная версия: инновационная парадигма трактует конкретизацию морали как принципиальные превращения морального феномена в опыте *социокультурной эволюции*. Их сумма по-

зволяет именовать обретенный результат как «*постестественную*», *рациональную (рационализированную)* мораль.

Освоение моралью сегментированного социума посредством *предваряющей* конкретизации *обогастило* мораль и она была востребована многообразными сферами человеческой деятельности.

Востребованной благодаря тому, что, предприняв «на первых порах» вынужденное «отступление» из неведомых ей прежде автономных функциональных подсистем общества, мораль на стадии зрелости переходит к продуктивной «работе» в этих подсистемах, работе, которую предварило ее *приложение* к установкам, правилам, оценкам, обеспечивающим эффективность жизнедеятельности социальных подсистем.

Таким образом, в процессе *конкретизации* общеобщественной нравственности ставится и решается вопрос о подлинном *развитии* содержания общеморальных повелений, запрещений и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного «кода», типов нравственной ответственности. И результаты такого развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике – в этом случае прикладная этика имела бы дело лишь с элементарной аппликацией, в очень незначительной степени предполагающей *моральное творчество*.

Развитие содержания и формы морали в процессе конкретизации означает, во-первых, известное преобразование, в ряде случаев – переосмысление моральных представлений, норм, оценочных суждений, соответствующих нравственно-психологических чувств. Во-вторых, появление новых акцентов в способах «сцепления», когеренции норм, моральных ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими (правовыми, административно-организационными, праксиологическими и т.д.) требованиями и

максимами, с всевластным обычаем. В-третьих, конкретизация – это изменение места соответствующих ценностей и норм в сложной конфигурации ценностного универсума. В-четвертых, развитие морали через ее конкретизацию предусматривает возможность возникновения *новых* установок, дозволений и запретов, не имеющих применения нигде, кроме определенной сферы деятельности, максимально способствующих повышению ее результативности, усилению гуманистических ориентаций деятельности в данных сферах и профессиях.

Указание на феномен конкретизации не отменяет сложного взаимодействия нормативно-ценностной системы общества с ее подсистемами. Так, одной из важнейших проблем моральной практики и этико-прикладного знания является соотношение этики профессиональной и этики общеобщественной, определение места и природы нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий, между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса.

Сама по себе конкретизация морали не артефакт, не искусственное образование, подобно, скажем, технике, а, прежде всего, результат длительной и во многом ненамеренной культурной эволюции общества. В то же время как естественный продукт такой эволюции конкретизация морали является объектом внимания социальных институтов, пристального исследовательского и проектного интереса и потому во многом зависит от деятельности ученых и осуществления программ деятельности различных институций.

ПРОЦЕСС *конкретизации* морали развивается в опыте деловой, политической, научно-образовательной, медико-биологической, административной и т.п. деятельности в ходе усложнения социального управления, роста общественного, сословного и иного разделения труда, накопления регулятивно-ориентационного опыта внутригрупповых и межгрупповых отношений, формирования новых солидарнос-

тей, что было проанализировано и выразительно описано в трудах классиков политэкономии, политологии и социологии.

Из какого же духовного материала «лепятся» нормативно-ценностные подсистемы? Например, профессиональная мораль? Чаще всего авторы профилированных работ и учебных пособий, описывающих природу прикладных этик (моралей), довольно упрощенно представляют дело таким образом, будто с незапамятных времен существовала некая, уже сложившаяся, «общественная мораль». Затем при каких-то обстоятельствах от нее откололась, сепарировалась часть, которой предстояло лечь в основу нормативно-ценностных подсистем, практикуемых в различных профессиональных и надпрофессиональных сферах, стать как бы «прикомандированными» для «обслуживания» указанных сфер. Так ли это?

В таком подходе дает о себе знать инертное, неотрефлексированное должным образом понимание и «общества» – как некой надприродной данности, а не сложнейшего итогового продукта длительной исторической эволюции, – и морали. Но еще на заре Нового времени не существовало морали как таковой, как мы ее сейчас воспринимаем и понимаем. Более того, в ходу еще не было и самого слова «мораль»: оно имело иной смысл, почти неразличимый от нравов, обычаев и «народной нравственности». «Мы так привыкли к классифицирующим моральным утверждениям, аргументам и действиям, что забываем при этом, каким относительно новым было это понятие в культуре Просвещения», – пишет А. Макинтайр¹. До определенной поры, пока из разрозненных, разнородных и многоликих общностей со своими локальными поведенческими правилами не началось становление общества и общественной морали *per se*, с их известным универсализмом, не существовало актуаль-

---

¹ См.: Макинтайр А. После добродетели. Исследование теории морали. Екатеринбург: Академический проект. Деловая книга, 2000. С.56-57.

ной потребности в соответствующих обозначающих понятиях. И это утверждение отнюдь не является данью социолингвистическому пуризму – без осмысления всей совокупности социальных процессов и последующего их понятийного оформления невозможно понять происхождение и природу Современности и выйти к рациональной интерпретации прикладной этики.

Нормативно-ценностные подсистемы – *ровесники морали в ее развитом виде.*

И общество, и мораль – феномены Современности: превращение «предобщества» в «общество», а «предморали» – в мораль представляет собой длительный исторический процесс, практически совпадающий со становлением гражданского общества, процессом модернизации и началом постмодернизации.

Но, может быть, для регуляции обособляющихся видов человеческой деятельности достаточно было инструментария, который предоставляла складывающаяся общеобщественная мораль? В этической литературе распространена позиция, согласно которой процесс конкретизации норм и ценностей морали применительно к определенному виду человеческой деятельности заключается лишь в «дополнительской» и «исключительской» функции нормативно-ценностных подсистем.

Пример первого случая – из учебника по этике бизнеса: «В дополнение к тому, к чему стремятся все люди, человек, действуя в рабочей среде, берет на себя бремя дополнительной этической ответственности»². Пример второго случая: в базовом сегодня учебнике по этике в разделе, посвященном прикладной этике применительно к наиболее распространенному виду нормативно-ценностных подсистем – профессиональным этикам, – подчеркивается особое внимание «тем видимым отступлениям от общих мораль-

² Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998. С. 393-395.

ных норм, которые диктуются своеобразием профессии». Причем речь идет о таких отступлениях, «которые претендуют на моральный статус. Их можно охарактеризовать как исключения из правил, подтверждающие правило. Предполагается, что речь идет о таких исключительных ситуациях, когда лучшим способом следования норме является отступление от нее».

Конечно, идея «исключения из правила», согласно которой мораль в экстраординарных случаях допускает совершение неморальных, а то и просто аморальных поступков, возникла не случайно. Однако, оказавшись в трудно разрешаемой ситуации, сегментация социума породила, по выражению Н.Лумана, «парадоксы морального кода». Логика развития морали сделала очень важный «шаг в сторону» от подхода, который Ю.В.Согомонов условно называл «исключительским». Когда в Новое время начался процесс расщепления уютного цельнокроеного мира («дома») на отдельные функциональные подсистемы («миры») и открылся факт их выхода из-под *привычно* понимаемого морального контроля, логика в свою очередь автономизировавшаяся морали, откristаллизовавшаяся в качестве специфического и универсального средства регуляции и ориентации поведения, задалась вопросом иного свойства. А что если дело вовсе не в исключениях, как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, «неосторожно угодившей» в непригодные для нее сферы человеческой деятельности – политику, бизнес и т.д., а в формировании здесь особого типа, сферы, состояния морали? Или, лучше сказать, в (до)развитии морали? И тогда уместно беспокоиться не столько о проблемах соотношения морали *и* профессии (морали *и* политики, морали *и* экономики и т.п.), сколько о проблеме преобразования морали в тех случаях, когда она *прилагается* к политике, экономике, праву, воспитанию, науке и пр.

Не в этом ли процессе возникают нормативно-ценностные подсистемы морали, которая не является духовно-

практическим монолитом, а включает исторически и функционально качественно разнородные слои?

ИТАК, согласно исследованию Ю.В.Согомонова, конкретизация морали в нормативно-ценностных подсистемах предполагает не просто «дополнительные» нормы или «отступления» от норм общей этики, а *(до)развитие* морали. *Акт приложения-конкретизации* выступает как *акт креации* прикладной этики (морали).

В целенаправленном аспекте акта важно выделить три момента.

1. В процессе конкретизации возникает важная и сложная проблема перевода *идеально-должного* (вниманием к нему обычно довольствуется формальный анализ) в *реально-должное*, которое оперирует не абстрактными – в сущности, вне социального времени и пространства – представлениями о долге и ответственности, а такими представлениями, которые сообразованы с требованиями локального, релятивного времени и пространства и потому отчасти утрачивающими свой изначальный универсализм. Мир идеально-должного, с его морально безупречной мотивацией, взаимодействует с миром реально-должного, с его смешанной по истокам и по итогам мотивацией, оформляясь в «сцеплениях» институциональных и безынституциональных регулятивов, моральных по происхождению и функциям норм, ценностей, санкций и т.п., с множеством иных регулятивов – правовых, политических, экономических и т.п., рождая тем самым множество конфликтов с обычно неясными, подчас спорными схемами их разрешения. При этом актуализируется проблема этической аутентичности инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, например, профессионально-нравственных кодексов. Отсюда необходимость в процессе этического проектирования профилактировать подмену такого рода кодексов «регламентами», «функциональными стандартами» и т.п. В том

числе за счет акцентирования в нормативно-ценностных документах места и роли «сверхнормативного», мировоззренческого уровня, задача которого заключается в обосновании и оправдании социальной *миссии* профессии, не допуская сведения роли профессиональной этики к *функции* повышения эффективности специализированной деятельности.

2. В эпоху Высокого Модерна в развитии нормативно-ценностных подсистем начинают происходить определенные смещения. Отодвигаются «на периферию» традиционные сегменты социума типа «производственных», «культурных», «сервисных». На передний план выдвигаются выходящие за профессиональные рамки медицины проблемы биоэтики; территориальные сегменты социума с этикой «низового» соседства, а также межгруппового и даже межгосударственного добрососедства; сегменты публичных гражданских отношений со сложным соподчинением прав человека и прав гражданина, с этикой новых солидарностей; этика мира и войны; этика потребительского поведения (в его аскетической и гедонической версиях); виртуальный сегмент с его этикой дробления рациональности на техническую и коммуникативную (Ю. Хабермас); этика неконтагиозного сетевого общения, анонимата и т.д. Мультикультурность продуцирует новые возможности развития прикладной этики в столь радикально меняющихся измерениях социума, его гранд-нарративах. Таков один из возможных прогнозов дальнейшего развития прикладной этики как составной части *моральной онтологии*.

3. В акте креации нормативно-ценностных подсистем повышенную роль играют особые субъекты *этики публичных арен* – институционализированные субъекты гражданского общества: профессиональные ассоциации, группы внепрофессиональных мнений, центры этической экспертизы, этические офисы бизнес-компаний, организации публичного контроля, действующие на основе специализированных кодексов этические комитеты и т.д.

И, конечно, в акте креации особую роль играет этико-прикладное знание.

3.2. Теоретическая концептуализация «малых» систем и нормативно-ценностных систем иных масштабов

ОСНОВА концептуализации «малых» систем, элементы становящейся теории конкретизации морали – это методологические подходы к теоретизированию о нормативно-ценностных подсистемах в целом и реальный опыт создания концепций, описывающих прикладные этики (морали) в рамках рефлексивной биографии инновационной парадигмы.

Реконструкцию направлений концептуализации, сформировавшихся в процессе проектирования биографии инновационной парадигмы, организуют здесь вокруг ситуаций нескольких типов. Первый, – это ситуации, требующие прежде всего вовлечения в сферу этико-прикладных исследований новых для прикладной этики предметных полей. Речь идет о проекте «Этика Севера» и о монографических работах об этике воспитания и этике бизнеса.

Если на этом этапе важнее было скорее теоретико-прикладное *описание* феномена конкретизации морали, то в ситуациях второго типа доминирующая задача – концептуализация процесса конкретизации «малых» систем с привлечением потенциала проектно-ориентированных исследований. Речь идет о таком, например, проекте, как «Этика политического успеха».

Третий тип ситуаций – попытка синтезирования той и другой задач. Здесь значимы проекты «Моральный выбор журналиста», «Самоопределение университета», «Ойкумена прикладной этики», «Этика гражданского общества».

Наконец, выделяю четвертый тип ситуации, предполагающий сосредоточенность инновационной парадигмы на концептуализации именно этико-прикладного знания. Здесь значимы монографические проекты «Этика профессии»,

«Введение в прикладную этику», «Прикладная этика: лаборатория noy-hay».

В СТРУКТУРЕ теоретико-методологических оснований концептуализации «малых» систем для инновационной парадигмы существенно важны концепции (а) морального выбора как *modus vivendi* прикладной этики, (б) этики гражданского общества как интегратора нормативно-ценностных подсистем, (в) общепрофессиональной этики.

Обращаясь к ним, напомним отмеченную в преамбуле к лекции необходимость представлять здесь элементы концептуализации инновационной парадигмы лишь в кратком виде.

* Относительно первой из этих концепций, следует прежде всего отметить уже сформулированный во Введении тезис, что в природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики в обеих ее ипостасях. *Сущностная предпосылка*: ситуация выбора – универсальная структура приложения.

Согласно этому концептуальному тезису, ситуация морального выбора является предпосылкой *акта креации* прикладной этики (морали) уже потому, что предполагает *акт приложения* как *конкретизации* универсальной (общественной, общечеловеческой) моральной системы *применительно к «малым системам»*, а в ситуации выбора содержится запрос на «фронеzis», запрос, который по мере развития и практики, и теории морали становится существенным моментом этико-прикладного знания (вторая ипостась прикладной этики).

При этом в природе морального выбора важно видеть не только *предпосылку*, но и одно из *оснований* прикладной этики, *способ ее существования*. Наглядный аргумент – фрагмент из Профессионально-этического кодекса ТюмГНГУ: «Университетский профессионал – субъект морального выбора». Преподаватель, научный работник, университетский администратор – не только *объекты* внешних требований, “исполнители функции”, дисциплинированно сле-

дующие должностным инструкциям. Они – *субъекты морального выбора*:

- осознанно принимающие *мировоззренческое* решение как относительно сложившихся в профессии нравов, так и отстаиваемых ею нравственных норм: последовательно исполнять профессиональный долг? предпочесть позицию “двойной морали”? цинично согласиться с профессиональными деформациями?;
- лично приверженные ценностям своей профессии, они не делегируют персональный профессионально-нравственный выбор своей организации;
- готовые проводить ценности профессии через *нравственно-конфликтные ситуации*, требующие ради следования одной из моральных норм поступиться другой. Типичные ситуации такого рода: противоречие требований профессиональной этики – и этики организации; столкновение ценностей *высокой* профессии – и требований от имени “интересов университета”, идентифицирующего себя как бизнес-корпорацию по оказанию *образовательных услуг*; противоречие требований профессиональной этики – и требований общественной морали; конфликт норм в *рамках* профессиональной этики».

Здесь наглядна и характеристика прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как *науки и искусства приложения*. *Приложения* как рационального процесса *конкретизации* морали в *нормативно-ценностных подсистемах*. *Рациональной* процедуры морального творчества. *Рациональных оснований* выбора.

Что касается *ответа* прикладной этики в ипостаси проектно-ориентированного этического знания, то он выражается в обеспечении рациональных оснований выбора субъекта посредством «технологического» – моделирующего, экспертирующего, проектирующего, консультирующего и т.п. – потенциала такого знания и культивирования фронтальной способности субъекта.

* Обращаясь к концепции *этики гражданского общества*, следует отметить, во-первых, что речь идет об инвариантном для «малых» систем *типе морали*, сформировавшемся на определенном этапе ее исторического развития, – морали посттрадиционной, рациональной, а во-вторых, об этике гражданского общества как своеобразном интеграторе «этик публичных арен», прикладных нормативно-ценностных систем.

Как уже было сказано в предшествующих лекциях, для идентификации этики гражданского общества инновационная парадигма использует такие метафоры, как *новая этика, естественная «неестественная» мораль, этика публичных арен, «моральная революция»*. В более строгом смысле речь идет о типе морали, соответствующем историческому этапу социокультурной динамики морального феномена, о нормативно-ценностной системе, совершающей, своеобразную революцию в отношении к «традиционной морали», к феномену морали традиционного общества.

Концептуальный потенциал этики гражданского общества особенно значим в современной отечественной ситуации: в истории России сильна линия традиционной, «естественной» морали с ограниченным личным выбором, с авторитаризмом различного – в том числе и архаического – типа, со слабой выраженностью социального динамизма, со столь же ограниченной способностью к мобилизации внутренних ресурсов развития. По различным причинам у нас закрепился стагнирующий подтип этой морали.

Оставляя характеристику современной российской моральной ситуации до главы 7, уже здесь важно подчеркнуть, что по многим причинам у нас все еще сильны остатки традиционной (а точнее – ретрадиционной) морали. При этом есть немало оснований утверждать о незавершенности формирования норм и ценностей рациональной морали как нравственно-психологической основы индустриально-урбанистической цивилизации, ею порожденной и ею же всесторонне опекаемой. Концептуальное освоение этой

противоречивой ситуации – условие понимания и развития этики гражданского общества.

* *Новое освоение ойкумены* прикладной этики в рамках инновационной парадигмы предполагает особое внимание к (не)идентификации профессиональной этики как вида прикладной этики.

Как уже было отмечено выше, тенденция разведения и даже противопоставления прикладной этики и этики профессиональной в этической литературе достаточна сильна. Ее суть: профессиональная этика отражает позицию людей, находящихся в профессии, а прикладная – позицию людей, находящихся вне профессии, но заинтересованных в нравственной состоятельности профессионалов.

Понимая причину такого противопоставления, возникшего из сравнения биоэтики и медицинской этики, важно иметь в виду два обстоятельства, связанные с его последствиями. Во-первых, осваивающая современные профессиональные этики парадигма социальной ответственности дает основания для того, чтобы видеть в профессиональной этике не антипод этики общественной, а ее *полноценную* конкретизацию. Во-вторых, при ограниченности практического потенциала версии прикладной этики как ипостаси «практической философии», эффект контроля от имени общественной морали над профессиональной вряд ли выше эффекта интерпретации профессиональной этики как вида прикладной этики, когда последняя представляет интерес общеобщественной морали и, одновременно, конкретизирует его применительно к профессии.

Один из аргументов, который мне предстоит развернуть в лекции 7, связан с актуализацией роли мировоззренческого яруса профессиональной морали: этическая проблематизация профессии не исчерпывается традиционной темой социально-нравственной ответственности профессионала за результаты своего труда, за *правильное исполнение* своей работы, требуя особого внимания вопросу о том, *правильную* ли работу он выполняет.

Концепция общепрофессиональной этики конкретизирована в опыте инновационной парадигмы исследованиями политической, журналистской, предпринимательской, университетской этик, этики воспитания.

В АРСЕНАЛЕ теории конкретизации – методологические подходы, дающие возможность концептуализировать «малые» системы как таковые и некоторые из них, ставшие этапами рефлексивной биографии инновационной парадигмы: этосный подход; специфика теоретизирования о нормативно-ценностных подсистемах; алгоритм проблематизации профессиональной этики.

* В основе *этосного подхода* – различение морали как чистого бытия должного и этоса, который пребывает между *идеально-должным* и нравами, репрезентируя *реально-должное*. В *этосном подходе* проявляется конкретизация *второго порядка*: если какая-то нормативно-ценностная подсистема как один из видов *прикладной* этики (морали) оказывается продуктом конкретизации норм и ценностей, запретов и дозволений общественной морали в приложении к определенному, насыщенному своеобразием виду деятельности, то этос может с некоторым основанием интерпретироваться как «конкретизация конкретизации».

В процессе конкретизации морали возникает важная и сложная проблема перевода *идеально-должного* (вниманием к нему обычно довольствуется формальный анализ) в *реально-должное*, которое оперирует не абстрактными – в сущности, вне социального времени и пространства – представлениями о долге и ответственности, а такими представлениями, которые сообразованы с требованиями локального, релятивного времени и пространства и потому отчасти утрачивающими свой изначальный универсализм. При этом актуализируется проблема этической аутентичности инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, например, профессионально-нравственных кодексов. Отсюда необходимость в процессе этического проектирования профилактировать подмену такого рода кодексов «регла-

ментами», «функциональными стандартами» и т.п. В том числе за счет акцентирования в нормативно-ценностных документах места и роли «сверхнормативного», мировоззренческого уровня, задача которого заключается в обосновании и оправдании социальной *миссии* профессии, не допуская сведения роли профессиональной этики к *функции* повышения эффективности специализированной деятельности.

Разумеется, характеристика *акта приложения как конкретизации морали* с неизбежностью приводит к вопросу об *аутентичности* норм прикладной этики (морали) сущности морали: нередко кажется, будто эти нормы являются всего лишь организационно-техническими правилами, не более того. Естественно, что при подобном нормативном редукционизме трудно адекватно истолковать нормы прикладной этики (морали) как собственно моральные регулятивы.

Наглядный аргумент *работы* этосного подхода – в преамбуле «Профессионально-этического кодекса ТюмГНГУ»: «Формат Кодекса определен установкой на *реально-должное*: содержащиеся в нем нормы соответствуют профессионально-нравственным ситуациям, складывающимся в координатах *здесь и сейчас*. В то же время установка на *реально-должное* не означает попустительского оправдания нравов ссылками на «трудные обстоятельства».

Один из случаев разработки и применения этосного подхода – проект «Этос среднего класса»³. Ценности среднего класса исследовались и проектировались в диапазоне «нормативная модель – отечественные реалии». Актуальность проекта мотивировалась прежде всего неотложной необходимостью поиска выхода из кризиса идентичности, имеющего в модернизирующейся России общесоциальный, социально-групповой и индивидуальный масштабы. На наш взгляд, идея культивирования этоса среднего класса выступает одним из ориентиров новой самоидентификации

---

³ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса.

как для общества в целом, так и для отдельных социальных групп и, тем более, для множества индивидов, осознающих естественную связь попытки понять «куда идет Россия?» с попыткой выстраивания своего личного биографического проекта в противоречивой ситуации транзита.

Проект программировал для ситуации духовно-нравственного кризиса необходимость *рационального* подхода к новой «переоценке ценностей» и предлагал активизацию поиска и культивирования таких ценностей и норм, которые, с одной стороны, способны противостоять доминировавшей в период радикально-либеральной стратегии реформ *агрессивно-циничной парадигме* идеи успеха, с другой – не утратить потенциал *этически полноценной* идеи успеха, не дать заменить ее, поддаваясь маятниковой инерции, некоей «этикой бедности», а то и «этикой новых бедных». Идеалы и ценности *ответственной этики успеха* призваны вдохновить и либерально ориентированный слой населения, и *средне-средний, и низший слои среднего класса*. В то же время эти идеалы и ценности, вдохновляя слои среднего класса энтузиазмом, должны противостоять заметной тенденции уклонения от ориентации на ценности рыночной экономики и демократические ценности.

Проект выделил основные черты ситуации становления этоса российского предпринимательства: *историческая задержка* в становлении нормативно-ценностной системы и напряженная, можно сказать *пограничная, ситуация выбора между патосом и этосом*. И, разумеется, были предложены программы культивирования ценностей среднего класса.

* Существенный элемент арсенала концептуализации «малых» систем – понимание *специфики теоретизирования* о нормативно-ценностных подсистемах. В опыте инновационной парадигмы этот подход был разработан и применен в сфере этики воспитания. Как показано в монографиях «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью» и «Выбор будущего: к но-

вой воспитательной деонтологии», в сфере воспитания должно развиваться знание с особым типом теоретизирования – «слабая версия» теории. Здесь (а) ценностные компоненты теории пребывают не на периферии знания и, тем более, не на подступах к нему, а в его центре; (б) переплетаются процессы производства знания и его потребления; (в) знание характеризуется обращенностью к единичному объекту-субъекту и является не абстрактно-всеобщим, а конкретно-общим; (г) теория обладает свойством демонстрируемости и «рецептурности», что позволяет выйти за пределы противопоставления «наука-искусство» и, вместе с тем, за границы обыденного знания.

Специфичность теоретизирования в сфере воспитания – это не только особое соотношение содержания теории и ее формы, но и особое взаимодействие «тела» теории с «опытом», со стихийно формирующейся и со специально организованной воспитательной практикой, с экспериментальными материалами. Для такой теории вовсе не обязательно принимать покаяние за наличие в ней элементов экстенсивного развития, за прегрешения «ползучего эмпиризма», требуемого от нее теми, кто вдохновляются идеалами *безличностного* знания. Принципиально своеобразное соотношение теории и опыта преобразует и тип преемственности в развертывании воспитательного знания. Поиск аналогов специфике теоретизирования в сфере этики воспитания приводит к медицинскому знанию, историческому познанию, шире – «гуманистике» в целом. В этом плане можно подчеркнуть, что этика воспитания *тотально фронестична*.

* Следующий элемент арсенала концептуализации «малых» систем – алгоритм, ряд последовательных шагов исследования и проектирования профессиональных этик, уже представлен в предшествующих лекциях и еще будет развернут в лекции 6.

Поэтому ограничусь здесь наглядными аргументами – «работой» этого алгоритма в двух проектах.

Во-первых, в качестве фрагмента «Профессионально-этического кодекса ТюмГНГУ». «Кодекс – этический документ *профессии*. Не просто ”рода занятий, не допускающего любительства”, “специальности, требующей высокой квалификации”. Кодекс определяет *профессию* как противоположность и ремеслу, и бизнесу и относит ее к типу деятельности, предполагающему профессиональное призвание, служение, саморегулирование через этические кодексы. “Дух” *профессии* выражает двойное назначение профессиональной этики: представлять коренные интересы профессии, защищать свободы и достоинство профессионалов и – через эффективное осуществление профессией своей миссии – проводить интересы общества».

Во-вторых, реализацией алгоритма в структуре главы из монографии «Ойкумена прикладной этики», посвященной нормативно-ценностной системе журналистики. 1. Критика «повестки дня» и идентификационная матрица. – 2. Нормативно-ценностная система журналистики: идентификация и самоидентификация. 2.1. Профессиональная этика журналистов: предназначение и/или функция, этика и/или деонтология. 2.2. Нормативно-ценностная система журналистики как вид *прикладной* этики. 2.3. Этика журналистов как нормативно-ценностная система *профессии*. 2.4. Гипотеза о нормативно-ценностной системе журналистики как об этике *высокой* профессии. 2.5. Мировоззренческий ярус. 2.5.1. Служение в профессии. 2.5.2. Выбор профессии как моральный выбор. 2.5.3. Журналист как субъект морального выбора. 2.5.4. «Стремление к достижению» или «бегство от успеха»? 2.6. Профессия как корпорация: «дух» и «правила игры». 2.7. Саморегулирование профессии: «заказ» для профессиональной этики. – 3. Проектный образ. 3.1. «Тюменская этическая медиаконвенция». 3.2. Идея-технология проекта: комментарии к «случаю». 3.3. ТЭМК: идентификационный анализ.

Оба *наглядных аргумента* будут развернуты в лекциях третьей части курса.

3.3. Проектно-ориентированное этическое знание

В ПРЕАМБУЛЕ этой лекции было подчеркнuto, что в системе этико-прикладного знания, наряду с теорией конкретизации морали и концепциями, описывающими каждую из прикладных этик (моралей), важное место занимает проектно-ориентированное знание, оснащенное фронестическими технологиями и тем самым приуготовленное для исследования и преобразующего воздействия на нормативно-ценностные подсистемы.

Характеризуя *проектно-ориентированное* этическое знание, важно, прежде всего, отметить, что речь идет не о приложении-аппликации «готового знания», но о создании-изобретении специализированного, теоретически и технологически (ноу-хау) обеспеченного этического знания, *ориентированного на конкретный проект*.

Не менее важно подчеркнуть, что устремленность проектно-ориентированного знания проявляется в подчинении *познания «малых систем»* задаче их *развития*, в том числе через конструирование инфраструктуры «малых» систем (институций экспертизы, принятия и исполнения решений, этических офисов фирм, этических комиссий ассоциаций, создание этических документов); разработку технологий связи этического знания с моральной практикой и т.д.

Наконец, условие формирования *проектно-ориентированного* этического знания – изобретение стиля проектной деятельности, предполагающего *моральное творчество субъекта*. Более того, само проектно-ориентированное знание предполагает изобретение технологии *сотрудничества-соавторства* исследователей, работающих в сфере этико-прикладного знания, и профессионалов из сфер знания, обеспечивающих полноценный КПД такого сотрудничества⁴. В свою очередь, полноценность сотрудничества – условие и процесс технологизации «внедрения» его ре-

---

⁴ См. с этой точки зрения: Прикладная этика: «КПД практичности» / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. // Ведомости. Вып. 32, специальный. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008.

зультатов.

Признаки проектно-ориентированного знания можно представить с помощью слайда.

Признаки проектно-ориентированного знания

1. Акт *приложения* современные методологи проявляют через сравнение двух ситуаций:

применение «изготовленного для другой цели “знания” *не по функции*, а «приделывая устройство как “протез”»;

вместо изготовления «протезов» «значима задача изготовления сразу того, что должно использоваться».

2. Проектно-ориентированное знание подчиняет *познание* «малых систем» задаче их *развития*, в том числе, через конструирование инфраструктуры «малых систем», разработку этико-прикладных технологий.

3. «Техусловие» освоения методологических предпосылок из внеэтического знания – стиль проектной деятельности, предполагающий *моральное творчество субъекта*.

Кратко характеризуя такой элемент проектно-ориентированного знания, как фронестические технологии приложения (обстоятельно они представлены в лекции 7), обращусь к слайду, на котором указаны разработанные в инновационной парадигме и внедренные в практику технологии.

Фронестические технологии приложения: ноу-хау прикладной этики

Этическое проектирование

Этическое конструирование

Этическая экспертиза

Этическое консультирование

Этическое моделирование

Технология *управленческого воздействия* на нравственно-воспитательную деятельность

Технология «*этического практикума*».

Конкретизирую систему технологий этико-прикладного знания:

этическое проектирование: например, корпоративной институции профессионально-этической экспертизы «Экспертно-консультационный центр “Медиаэтика”» (в соавторстве с Ю.В.Казаковым) или этической комиссии профессиональной ассоциации журналистов в «несудебном», консультативном формате (в соавторстве с А.К.Симоновым);

этическое конструирование: например, конвенции профессионального сообщества журналистов, миссии-кредо и профессионально-этического кодекса университета, документа «Этические приоритеты госслужащих» (в соавторстве с рабочей группой Тюменской областной думы);

этическая экспертиза (общественная, гражданская, один из примеров – экспертиза проекта этнонациональной политики в регионе);

этическое консультирование ассоциаций и организаций: например, рефлексии ценностных ориентиров технологий гражданской активности НКО, таких как общественная экспертиза, переговорная площадка, гражданские экспедиции, гражданский контроль, общественные дебаты, общественные слушания и т.п. (совместно с Гражданским форумом Тюменской области; нефтегазового университета в ситуации его самоопределения);

этическое моделирование: серия этико-прикладных игр, применяемых в большинстве проектов, реализованных в духе инновационной парадигмы;

технология *управленческого воздействия* на нравственно-воспитательную деятельность (на примере трудового и учебного коллективов);

технологии учебного (в рамках синтетической технологии «этический практикум») и исследовательского «кейстади» (самопознание образовательной и журналистской корпораций).

Один из важных моментов аргументов в пользу идентификации этих технологий как технологий прикладной (!) этики (!) связан с развитием в них потенциала *испытания выбором*. Этот потенциал проявляется в каждой из технологий прикладной этики, а особенно – в игровом моделировании, являющемся элементом и экспертизы, и консультирования, и проектирования, и образования.

РАЗВЕРНУ основные характеристики проектно-ориентированного этического знания.

* Предпосылкой понимания природы и роли такого знания является тезис о вовлечении в процесс известной стихийности ценностно-ориентирующего и регулирующего момента человеческой деятельности элементов целенаправленной работы социальных институтов, заинтересованных организаций и групп, применение специальных технологий и т.п. В этом случае традиционные способы целенаправленного воздействия на нравственную жизнь – систематическая критика наличных нравов общества с позиций нравственного идеала, содействие духовным исканиям человека при самостоятельном решении им предельных вопросов человеческого бытия, помощь в обнаружении достойной позиции, верного морального выбора в сложных конфликтных ситуациях и т.п. – дополняются потенциалом *социально-управленческого, социально-технологического, социально-проектного подходов*, предполагающих влияние на нормативно-ценностные подсистемы проектно-ориентированного этико-прикладного знания.

Несомненно, что в акте креации нормативно-ценностных подсистем повышенную роль играют особые субъекты *этики публичных арен – институционализированные субъекты* гражданского общества: профессиональные ассоциации, группы внепрофессиональных мнений, центры этической экспертизы, этические офисы бизнес-компаний, организации публичного контроля, действующие на основе специализированных кодексов этические комитеты и комиссии и т.д.

И, конечно, этика публичных арен не отменяет *последнюю инстанцию* морального выбора – индивидуальное решение. Именно *решения* – то есть рационально обоснованные предпочтения в пользу одного из вариантов поступка, – которое субъект должен принимать, даже если встретился с моральной дилеммой, с ситуацией нравственного конфликта.

Но особую роль в акте креации прикладных моралей играет этико-прикладное знание.

* Работа, необходимая для формирования представления о смысле прилагательного «прикладная» применительно к существительному «этика» – обращение к методологическому потенциалу современных исследований природы и моделей *приложения* научного знания. Конечно, на этом пути есть опасность допущения сциентистских притязаний этико-прикладного знания на роль «пастыря» морали. Впрочем, и отторжение всякой попытки идентификации прикладной этики по современным методологическим критериям – опасность не меньшая. Например, связанная с уклоном, которое оборачивается делегированием все возрастающего числа «заказов», посылаемых практикой этике, *иным* научным дисциплинам, под каким-то специальным углом изучающим мораль, или вообще специальным наукам.

Одна из существенных методологических предпосылок формирования идентичности этико-прикладного знания – характеристика *акта приложения* через соотнесение таких универсальных характеристик, как фундаментальная наука – прикладная наука, которые, в свою очередь, выводят на проблемы проектно-ориентированного знания, социальной инженерии, социальных технологий, фронезиса и т.п. Не ставя здесь задачи обстоятельно представить процесс поиска, проведенного инновационной парадигмой в этом направлении⁵, сформулирую минимум необходимых тезисов.

---

⁵ См.: *Бакштановский В.И.* Этико-прикладное знание: исследования, разработки, внедрение // Научное управление нравственными

---

1. В идентификации этико-прикладного знания вполне эффективно применение науковедческой *оппозиции «фундаментальное знание – прикладное знание»*.

Учитывая дискуссионность критериев для различения и связи этих характеристик, важно подчеркнуть, что прикладная этика не сводится к элементарной аппликации фундаментального этического знания – это скорее характерно для некоторых версий *практической* этики. Относительная самостоятельность прикладной структуры системы этического знания объясняется тем обстоятельством, что она не просто *использует* какую-либо информацию фундаментальных этических исследований, но создает практически новое знание, преобразованное для нужд практики.

Иначе: этико-прикладное знание – это, во многом, *изобретение нового знания*.

2. В инновационной парадигме характеристика *акта приложения* как условия формирования идентичности конкретизируется при подходе к этико-прикладному знанию как одному из видов *проектно-ориентированного знания*.

Аргументация этого тезиса связана, во-первых, с трактовкой *акта приложения* в современных методологических концепциях проектно-ориентированного знания, наглядно проявляющейся при сравнении двух ситуаций. В первой речь идет о попытке применить уже существующее, «изготовленное для чего-то другого “знание”» *не по функции*, «придывая устройство, которое нам позволяет использовать полученную конструкцию как “приклад” или “протез”». Во второй ситуации вместо «изготовления протезов» «значима задача изготовления сразу того, что должно исполь-

---

процессами и этико-прикладные исследования. Новосибирск, 1980; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Предпринятая в этой монографии попытка обстоятельно проанализировать предпосылки идентификации этико-прикладного знания, содержащиеся в современной науке, за годы, прошедшие с того времени, не потеряла своей значимости. См.: Введение в прикладную этику. Гл. 3,3.1.2.

зоваться»⁶.

Прикладная устремленность проектно-ориентированного знания проявляется в подчинении исследования логике *социальных изменений*⁷, в ориентации на задачи проектирования социальных институтов, организаций, социальных технологий, конструирования целевого и инструментального блока управленческих программ, изобретения реализационных структур для социокультурных инноваций и т.п. Ориентация этико-прикладного знания не только на *познание*, но и на *преобразование* нормативно-ценностных подсистем побуждает достраивать его структурами, которые переводят язык исследования на язык принятия решений, конструирования моделей инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, проектирования и экспертизы ценностей и т.п.⁸.

Помня о задаче идентификации акта приложения *этического* знания, обратим внимание на то, что попытка опереться на современные методологические подходы невозможна без рефлексии *интервала эффективности* такого рода «прививки». В том числе «внутренней» рефлексии этих подходов. Речь идет о том, что «при формировании современных стратегий социально-инженерного действия происходит своеобразное распредмечивание самого проектирования: обсуждаются исходные ценности проектирования, природа проектной действительности, анализируются, очерчиваются области употребления будущих проектов, моделируются "портреты" потенциальных пользователей, и все это предполагает самоопределение социального про-

---

⁶ См.: Попов С.В. Проблема гуманитарного знания // Материалы Второго методологического конгресса (18-19 марта 1995 г.). На сайте «Методология в России» www.circle.ru.

⁷ См., напр.: Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации // М.: Эдиториал УРСС, 2002.

⁸ См., напр.: Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2.

ектировщика»⁹.

В такого рода рефлексии нетрудно увидеть конструктивную переключку с важнейшим «техусловием» приложения методологических предпосылок из внеэтических сфер знания к идентификации прикладной этики – формирование особого стиля проектной деятельности в сфере прикладной этики, предполагающего опору на *моральное творчество субъекта*.

3. Существенная методологическая предпосылка проектирования этико-прикладного знания – освоение *идеи фронеzisа*.

Рассматривая технологичность этического знания как один из ключевых факторов его квалификации в качестве этико-прикладного, а программы, эталоны, проекты, экспертные заключения, кодексы, этические комиссии, методики и т.п. продукцию прикладных исследований и разработок как «опредмеченную силу» прикладной этики, важно интерпретировать их как *фронестические* технологии (как на этапе их создания, так и в процессе их применения).

Понятие «фронеzis» используется в различных методологических подходах и, соответственно, трактуется и употребляется далеко не однозначно. Для характеристики инновационной парадигмы подчеркну разделение Гадамером технического и гуманитарного ноу-хау, различение элементарной *аппликации* знания как технической процедуры – и *интерпретации* как творческой конкретизации¹⁰.

Идея фронеzisа – один из гносеологических и социокультурных идеалов этико-прикладного знания, не просто профилактирующий риск его технократической интерпретации при освоении достижений проектно-ориентированного знания, но и дающий основание для интерпретации технологий приложения этического знания как *этического ноу-хау*. Поскольку фронеzis – не просто личностное знание, а

---

⁹ Розин В.М. Эволюция и возможности социальной инженерии // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. С. 8-9.

¹⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 402, 592.

знание-умение в сфере морали, постольку фронтестическое знание-умение, столь сильно ориентированное на индивидуальность приложения, складывается в «мягкую» теорию. В целом освоение идеи фронтестиса в прикладной этике проявляется и в *мягком теоретизировании* (этика воспитания, например), и в мудрости индивидуального морального выбора, и в технологиях связи первого со вторым. Идея фронтестиса эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, весьма успешна модель этики как практической философии, но и в проектировании технологий прикладной этики – этического моделирования, экспертизы, проектирование и т.п. Так, например, фронтестична технология этической экспертизы и консультирования, снимающая противоречие между абстрактно-научным знанием и собственно практическим умением: диалогическая, «понимающая» природа фронтестиса предполагает не просто передачу «готового» результата научного исследования для «внедрения», но совместный (эксперта и субъекта, принимающего решение) поиск решения проблем.

***3.4. Образ профессионала в сфере прикладной этики:
запросы практики,
ориентир от образовательных программ,
предложения от этико-прикладного знания***

ОСНОВНОЙ тезис этого параграфа прост: инновационная парадигма разрабатывает образ профессионала в сфере прикладной этики и модель его компетентности исходя из миссии прикладной этики как своеобразной «производительной силы» относительно той или иной профессиональной или *над*профессиональной практики. Основной признак продвигаемого в курсе образа профессионала – компетентность в продуцировании и применении ноу-хау как способа существования инновационной парадигмы.

Но не слишком ли абстрактен этот тезис? Особенно в ситуации, когда идея о *ноу-хау как способе существования*

прикладной этики далеко не очевидна для профессионального сообщества исследователей, разработчиков учебных программ, авторов учебных пособий и преподавателей, экспертов этико-прикладных инфраструктур и т.д.

И как этот тезис учитывает *запросы-заказы* вполне конкретных практик? Исчерпываются ли его отношения к запросам практики установкой на *реактивность ответов*? Работает ли тезис в ситуациях, когда запросы практики даже и не предполагают потенциал ноу-хау инновационной парадигмы? Как этот тезис соотносится с образовательными программами, продуцирующими *иные* модели компетентности профессионалов в сфере прикладной этики?

Короткий ответ:

компетентность в продуцировании и применении ноу-хау как способа существования инновационной парадигмы – инвариант образа профессионала и моделей компетентности в сфере прикладной этики.

Инвариант для многообразия запросов многообразной практики. Для разных *предметных специализаций* магистр(ант)ов прикладной этики, ориентированных на те или другие ее виды (политическая этика, деловая этика, этика госслужбы и т.д.). Для разных ролевых приоритетов другого адресата курса – *профессоров*: преподаватель, исследователь, проектировщик, эксперт и консультант, сотрудник инфраструктуры прикладной этики и т.д.

Развернутый ответ предполагает: (а) проблематизацию феноменов *запроса* на профессионалов в сфере прикладной этики и *предложения*, отвечающего на запрос практики; (б) характеристику образа профессионала в инновационной парадигме через *сравнительный анализ* различных образов и моделей компетентности, сформированных в исследовательских работах и в образовательных программах.

ПРЕЖДЕ всего, есть ли вообще *запрос* практики на профессионалов в сфере прикладной этики?

Кажется, ответ очевиден. Стоит вспомнить о Комитетах по этике в сфере биомедицинских исследований, о комиссиях по этике в профессиональных сообществах журналистов и бизнесменов, в парламентах и администрациях разного масштаба, и т.д.

Или, например, прочитать на сайте философского факультета СПбГУ обещающую трудоустройство выпускников информацию о наборе на образовательную программу по подготовке бакалавров прикладной этики: «Востребованность специалистов, компетентных в сфере прикладной этики, подтверждена сегодня договорами, которые заключены между факультетом и рядом фирм Петербурга».

Есть и запросы, примечательные своей апелляцией к опыту гуманитарной экспертизы в инновационной парадигме: на гуманитарную экспертизу школьных образовательных систем¹¹, на этико-прикладную экспертизу работы Гражданского форума Тюменской области¹² и т.п.

Не менее очевидно и наличие *предложений* от этико-прикладного образования.

Вариант Центра прикладной и профессиональной этики: преподавателям вузов, нуждающимся в переподготовке для преподавания прикладной этики; работникам, советникам и консультантам законодательных органов всех уровней; работникам служб по связям с общественностью государственных учреждений; активистам политических партий и общественных организаций; специалистам по работе с персоналом и работникам служб по связям с общественностью корпораций и предприятий; консультантам этических комитетов медицинских и фармакологических учреждений.

---

¹¹См.: <http://www.eco-policy.ru/news.phtml?id=237&PHPSESSID=30bb175a658b0389b8dcc3cbde21d06d>

¹² См.: «Будь лицом!» Рабочие тетради Гражданского форума / Коллективная монография / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2004.

Вариант кафедры этики СПбГУ: включая в образовательную программу такие направления, как этическое сопровождение бизнеса и корпоративная культура; этика в политике и государственном управлении; решение этических проблем, возникающих в работе СМИ; профессионально-прикладные стороны этики; этическая экспертиза научных исследований: биоэтика, репродуктивные технологии, клонирование, генная инженерия. Кафедра полагает, что специалист по прикладной этике может работать в качестве эксперта, консультанта, менеджера по работе с персоналом или по корпоративной этике и культуре.

Не думаю, что здесь важно обсуждение (не)полноты такого рода перечней. Тем более, учитывая реплику А.В.Прокофьева, эксперта Третьей летней школы по этическому образованию, проводимой Центром прикладной и профессиональной этики: «Коллеги из Литвы указывали на молниеносно расширяющийся рынок труда специалистов в области профессиональной этики в связи с интеграцией их страны в общеевропейские структуры, *отечественные участники были вполне оправданно скептически в отношении количества и качества ниш для носителей этико-прикладного знания*»¹³.

Правда, стоит поспорить с тезисом А.А.Сычева, что «запрос на подобных профессионалов на постсоветском пространстве начал формироваться только в последние годы»¹⁴, поспорить с помощью ссылки на опыт инновационной парадигмы, представленный, например, в таких проектах, как «Научное управление нравственными процесса-

---

¹³ Прокофьев А.В. Специалист по прикладной этике: кто он? // Прикладная этика: «КПД практичности». Ведомости. Вып. 32, специальный / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. С.202-216.

¹⁴ См.: Сычев А.А. Модусы специализации в преподавании прикладной этики // Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010. С. 222-235.

ми¹⁵; «Этика политического успеха»¹⁶ и т.д. Другая ссылка: адресная группа «Центра прикладной этики: XXI век», работающего в инновационной парадигме, отличается обращенностью к журналистам, депутатам, консультантам в сфере социального партнерства, активистам гражданских институтов – этическая компетентность предлагаемых для активистов технологий гражданского участия была предметом специального исследования и разработки¹⁷.

Более существенно то, что большинство *предложений*, отраженных в образовательных стандартах и программах, – скорее *реактивные* ответы на *запросы* практики, при этом ответы, ограниченные с точки зрения *модели практичности*.

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ феноменов *запроса* на профессионалов в сфере прикладной этики и *предложения*, отвечающего на запрос практики, актуальна в двух отношениях. С одной стороны, апелляция от имени «заказа», «вызова», «запроса», «ожиданий общества» и т.п. требует от прикладной этики по меньшей мере *интерпретации*. С другой стороны, стоит взвесить тезис, что «в основание типологии образов специалиста-этика предлагается положить не существующие парадигмы понимания этики, а те сферы общественной жизни, в которых сейчас формируется “социальный заказ” на специалистов»¹⁸.

Взвесить не для того, чтобы оспаривать безусловную зависимость типологии образов профессионала от многообразия практик, но для профилактики уклонения от анализа существенной роли той или иной парадигмы прикладной

---

¹⁵ См.: Научное управление нравственными процессами и этико-прикладные исследования. 1980.

¹⁶ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. 1997.

¹⁷ См.: «Будь лицом!» Рабочие тетради Гражданского форума / Коллективная монография. 2004.

¹⁸ Сычев А.А. Модусы специализации в преподавании прикладной этики // Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37. 2010. С. 222-235.

этики в формировании соответствующих образов профессионалов. Уклонения, которое может скорее укрепить практикуемую *реактивность* прикладной этики в отношении *запросов* – в ущерб не менее важной *активности* в предложениях, прямо зависящей как от интерпретации запросов, так и от моделей практичности, предлагаемых разными парадигмами.

В качестве примера процедуры *интерпретации* приведу фрагмент интервью, которое я провел с заведующим кафедрой «Практическая философия» НИУ ВШЭ А.Ф.Филипповым для рубрики «Кафедра прикладной этики» журнала «Ведомости». Полагаю, что авторская парадигма практичности философии может быть распространена и на понимание «заказов» на профессионалов в сфере прикладной этики.

«**В.Б.**: Последний вопрос – с пафосом. Каковы, на ваш взгляд, ожидания общества от кафедры практической философии, от ее выпускников? И как вы видите влияние кафедры на ожидания общества от практической философии?»

А.Ф.: ...Я бы переформулировал ваш вопрос: о некоем запросе, который я ощущаю в последнее время все чаще. Это запрос на определение своего места в мире: проблема, как мне кажется (я могу здесь заблуждаться), состоит не столько в том, чтобы помочь людям принять правильное решение в некотором существующем наборе опций (вроде того, что они не знают, что им выбрать, а мы как философы им помогаем), сколько переформулировать для себя самих набор этих опций, тех выборов, которые предлагаются чаще всего, и устойчивых каналов принятия того или иного решения. Но при этом понятно, почему в известных ситуациях выбора лучше быть хорошим, чем плохим, лучше быть честным, чем нечестным, лучше думать о спасении души, чем об удовольствии для тела. Эти выборы, готовые выборы в готовых отлаженных схемах, вызывают какое-то смутное, но очень важное неудовлетворение у тех людей, кото-

рых я знаю. Мне кажется, вот это и есть запрос общества – *переформулирование основного набора опций*, перевод разговора из примитивно-гедонистического в некий принципиальный план»¹⁹.

В то же время мало критически отнестись к потенциалу «реактивности» и стимулировать интерпретацию «запросов». Наряду с актуальной *реактивностью* в отношении практически заостренных проблем, не менее значимо критически оценить практичность этих «ответов», во многом определяемую той или иной парадигмой прикладной этики, «отвечающей» на запрос. И, соответственно, инициировать и предлагать практике иные роли этико-прикладного знания, *новые модели* компетентности профессионалов.

В заявленном коллегами с кафедры этики МГУ цикле магистерских программ подчеркивается, что эти программы готовят выпускников к работе над практическими проблемами. Выпускники магистратуры смогут «работать в различных отраслях общественной жизни: политике, социальной и деловой сферах, рекламе и PR-деятельности, науке и образовании. Их деловая компетенция применима в таких областях институализации моральных практик, как конфликтные комиссии, этико-социальная экспертиза законодательства, комитеты по этике, группы по разработке корпоративных кодексов и т.д.»; они будут способны анализировать этические проблемы в различных сферах жизни (в политике, бизнесе, в сфере PR, экологии и так далее); специалисты по прикладной этике будут влиять на принятие решений в этих сферах жизни²⁰.

Например, в качестве цели Программы дисциплины «Хозяйственная и предпринимательская этика» заявлено:

---

¹⁹ Филиппов А.Ф. «...Философия интересна тем, что она философия, а не тем, что она готовит к жизни: фундаментальные знания позволяют человеку самому сориентироваться в жизни» // Практичность морали, действенность кодекса. Ведомости. Вып. 36 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010.

²⁰ См.: <http://ethicscenter.ru/teach/prog/applied/content.html>

«дать представление об этических методах диагностики социальных явлений и регулятивных механизмах морали; побудить творчески, критически относиться к сложившейся экономической практике; выработать элементарные навыки гуманитарной, этической экспертизы общественных явлений; продемонстрировать способы реализации нравственных ценностей в экономической практике». В качестве задачи курса: «выделить основные понятия этики и морального сознания, которые позволят более четко осознать нравственные проблемы экономической жизни; предложить сформулированные в философской этике методы рассуждения, анализа и оценки сложных социальных явлений, необходимые для принятия грамотных и обоснованных решений; дать представление о некоторых нравственных проблемах в ряде сфер экономики и способах их решения».

В свою очередь цель Программы курса «Политическая этика»: «целостное представление о политической этике как самостоятельной научно-практической дисциплине; по окончании обучения студент должен понимать круг и своеобразие проблем нравственно-политической философии; научить тому, как использовать теоретические этико-философские методы и разработки в решении конкретных политических вопросов».

Цель курса «Этика образования»: по его окончании «студент должен понимать характер и круг проблематики этики образования, своеобразие методов этико-прикладного рассуждения и исследования в области образования и уметь их использовать в решении конкретных аналитических и исследовательских задач»²¹.

Полагаю, что нацеленность большинства программ этого цикла на применение в современных областях институализации моральных практик убедительно говорит о *прикладных* возможностях компетенции будущих магистров. Однако *модели практичности* прикладной этики, представленные в этих программах, адекватны скорее парадиг-

²¹ См.: <http://ethicscenter.ru/teach/prog/applied/content.html>

мам аппликационной и практической этик. Фундаментализмом было бы недооценивать значимость соответствующих этим программам моделей компетентности на том основании, что *образы практичности* этического знания, характерные для этих программ, расходятся с инновационной парадигмой прикладной этики. Другое дело – подчеркнуть важность определения *интервала эффективности* этих моделей.

Для аргументации тезиса о важности определения такого интервала воспользуюсь рассуждением А.В.Прокофьева в статье «Специалист по прикладной этике: кто он?», написанной для «Ведомостей» НИИ ПЭ, выпуска 32, собранного вокруг темы «“КПД практичности” прикладной этики». «Естественной сферой деятельности для специалиста по прикладной этике служит участие в создании и в работе этической инфраструктуры организаций, профессиональных сообществ и групп, объединенных общим видом деятельности», – отмечает автор. Но здесь «возникают трудности, связанные с компетентностью. Этик, получивший философское образование и сохраняющий философскую самоидентификацию, неизбежно воспринимает такое сотрудничество как нечто внешнее по отношению к основной сфере своих интересов. Он в большей мере ориентирован на вопросы морального обоснования той или иной профессиональной практики и ее этических стандартов, чем на последовательную и подробную артикуляцию последних. Ему легко выступать в качестве методолога в отношении процесса формирования и коррекции этических кодексов, но не в качестве участника этого процесса».

Однако А.В. Прокофьев подчеркивает: «профессиональные сообщества нуждаются не столько в обосновании и прояснении их морального статуса, сколько в операциональных правилах, отражающих этот статус... Если рассуждать абстрактно, то именно здесь специалист с дипломом по прикладной этике, способный сопоставлять этическую специфику разных профессий, осведомленный в отноше-

нии многообразия существующих профессионально-этических кодексов, вполне функционален. Однако если взглянуть на наличное содержание образования по этому направлению, то оказывается, что для участия в формировании и коррекции кодексов требуется иная глубина специализации, необходимо знакомство с огромным количеством прецедентов, которое не предполагается существующими экспериментальными стандартами по прикладной этике».

А теперь обращу внимание на вывод автора: «В связи с этим вновь приходится отдавать приоритет специалисту, временно оторвавшемуся от какой-то профессиональной практики, получившему дополнительную этическую подготовку и уполномоченному сообществом на участие в разработке нормативной основы саморегулирования»²².

Полагаю, что автор, внятно сформулировавший *пределы эффективности* стандарта подготовки специалистов в рамках развиваемых кафедрой этики МГУ парадигм прикладной этики²³, отдал приоритет практике. Вынужден был отдать, оставаясь в рамках парадигмы практической этики.

В этом плане я и посчитал уместной полемику с цитированным выше тезисом, в котором предлагается положить в основание типологии образов специалиста-этика «не существующие парадигмы», а «сферы общественной жизни», в которых формируется «социальный заказ» на таких специалистов.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ инновационного курса – в ситуации многообразия образов-моделей профессионализма в сфере прикладной этики – предполагает типологизацию оснований этого многообразия.

В анализе *запросов* практики на профессионалов в сфере прикладной этики некоторые предпосылки такого рода типологизации уже проявлены. Но есть и иные.

---

²² См.: Прокофьев А.В. Специалист по прикладной этике: кто он?

²³ Особо отмечу, что предложенный А.В.Прокофьевым портрет специалиста по прикладной этике весьма эвристичен и заслуживает обстоятельного анализа.

* В Федеральном государственном образовательном стандарте подготовки магистров по специальности «Прикладная этика» говорится, что магистр прикладной этики готовится к таким видам деятельности, как научно-исследовательская, информационно-аналитическая, технологическая, проектная, педагогическая, организационно-управленческая.

* Более конкретное основание типологизации – учет функциональных обязанностей специалистов, тем или иным образом причастных к сфере прикладной этики: преподаватель курса прикладной этики, сотрудник инфраструктуры прикладной этики («ethics officer»), эксперт и/или консультант, исследователь этико-прикладных проблем и т.д.

* Вполне конструктивна классификация в зависимости от задач профессионала, определяемых приложением этики к разным сферам деятельности: этик-менеджер, этик-эксперт, этик-модератор и т.д.²⁴. Предлагая эту вполне продуктивную классификацию, А.А.Сычев дает следующее обоснование: «В экономической сфере существует потребность в профессионалах, способных управлять процессами институционализации морали на организационном уровне. В политической сфере активно вырабатываются и кодифицируются специфические моральные нормы политического взаимодействия. Имеется явный социальный запрос и на подготовку специалистов, которые могли бы провести качественную этическую экспертизу многочисленных спорных случаев, возникающих в областях права, науки, искусства, т.е. в различных подсистемах духовной сферы социальной жизни. Наконец, в социальной сфере жизни общества востребованы специалисты-практики, которые могли бы идентифицировать моральные корни острых социальных проблем современности и способствовать консолидации общества на путях решения этих проблем»²⁵.

---

²⁴ См.: Сычев А.А. Модусы специализации в преподавании прикладной этики. Ведомости. Вып. 32. С. 222-235.

²⁵ Там же.

* Еще одно основание многообразия образов профессионала в сфере прикладной этики – систематизация ролевого репертуара специалистов. Две роли в таком репертуаре выделяет А.В. Прокофьев: «профессионал в области прикладной этики может быть либо лицом, осуществляющим нормативно-этическую экспертизу решений, проектов, практик и институтов; либо лицом, включенным в работу инфраструктуры, обеспечивающей этическое саморегулирование организаций, профессиональных сообществ и групп, объединенных общим видом (не)профессиональной деятельности. В последнем случае он участвует либо в разработке и коррекции этических кодексов, либо в практике их применения».

При этом автор полагает, что «первое разветвление соответствует двойственности самой прикладной этики, которая проявляет себя как этика открытых, общественно значимых проблем и как этика организаций и сообществ». (А.В.Прокофьев опускает «проблему терминологических разграничений между прикладной, практической, профессиональной, отраслевой этиками, дискутирующуюся в этическом сообществе,... поскольку в современном образовательном контексте под специалистом по прикладной этике подразумевается специалист в области самых разных общественно-практических выражений морали».) А «второе разветвление соответствует специфике основных элементов институциональной инфраструктуры этики сообществ и организаций: органов-советников и органов-промоутеров, с одной стороны, и органов-«сторожевых псов» – с другой... У каждого из перечисленных каналов внедрения этики в социальную практику есть свои имманентные трудности, заслуживающие специального анализа».

ИЗ ОПИСАНИЯ профессиональных компетенций каждого из видов деятельности, к которым федеральный стандарт требует готовить будущих магистров прикладной этики, можно сделать вывод, что в этом стандарте предпринята попытка создать *комплекс компетенций*, связанных с

разными парадигмами прикладной этики, в том числе и с инновационной. Насколько успешной может быть эта попытка в реальной образовательной практике?

Коллеги с кафедры этики СПбГУ, которая, кстати, и разрабатывала Федеральный государственный образовательный стандарт подготовки магистров по специальности «Прикладная этика», стремятся *совместить* в образе профессионала в сфере прикладной этики и в модели его компетентности потенциалы практичности, предлагаемые разными парадигмами прикладной этики. Для анализа шансов этого стремления воспользуюсь фрагментом интервью с заведующим кафедрой В.Ю.Перовым, которое я провел для рубрики «Кафедра прикладной этики» журнала «Ведомости» НИИ ПЭ²⁶.

«В.Б.: Как мы с вами знаем, после проекта «Парадигмы прикладной этики», если курс прикладной этики вашим бакалаврам и магистрам будет читать А.А.Гусейнов, то он будет говорить об этике открытых проблем. Если свой курс будет читать Р.Г.Апресян, то он будет говорить о практической этике. Если вы пригласите В.И.Бакштановского, он будет продвигать инновационную парадигму прикладной этики. А кафедра как-то между ними определится? Не исследователь В.Ю.Перов и его коллеги, а преподаватель В.Ю.Перов и его сотрудники?

В.П.: Поскольку речь идет об образовательном процессе, то мы стараемся, так или иначе, в рамках учебных курсов, лекций, семинаров, практик использовать все существующие парадигмы прикладной этики. Давая студентам возможность самостоятельно использовать их применительно к решению разных этических вопросов, с выяснением достоинств и недостатков соответствующих парадигм, что-

---

²⁶ См.: Перов Ю.В. «...Если бы у нас была магистратура, выпускники факультетов экономики, менеджмента, психологии и др. с удовольствием бы к нам поступили» // Практичность морали, действенность кодекса. Ведомости. Вып. 36. С. 214-223.

бы студенты могли сами выбрать предпочтительную парадигму или сформировать собственную.

В.Б.: Но представьте себе, что вы готовите к выпуску специалистов по прикладной этике, которые пойдут кто в Этический комитет по биоэтике, кто в Торговую палату, кто в ассоциации журналистов или пиарщиков и т.д. А ведь каждая из парадигм прикладной этики дает свое понимание практической полезности этого специалиста. Вас это как-то волнует? Или пусть выпускники сами определяются?

В.П.: Волнует, но ситуация, с моей точки зрения, выглядит таким образом, что одна из парадигм или несколько из них оказываются наиболее успешными, имеющими свое максимальное практическое значение в зависимости от сферы деятельности. Прикладная этика достаточно разнообразна. В одних случаях – допустим, в сфере бизнеса – в большей степени может быть задействована одна парадигма, в других – допустим, в сфере журналистики – может быть больше задействована другая. Именно в силу того, что мы не можем заранее знать, в какую сферу деятельности придет наш выпускник, мы и стараемся предложить все возможные парадигмы, чтобы они могли использовать в своей профессиональной деятельности наиболее эффективную.

В.Б.: Следующий вопрос – в продолжение предыдущего. Вы готовите специалистов по прикладной этике, и у вас есть определенный образ компетентности такого специалиста. Это может быть, например, специалист, который анализирует этические проблемы в разных сферах жизни, или специалист, который дает этические экспертизы, или специалист, который стремится повлиять на процесс принятия решений. Это все разные компетентности. А у вас на кафедре чему отдается предпочтение?

В.П.: Вы не поверите, важно все это вместе. Когда мы пишем стандарты нового поколения, в них предусмотрены компетенция деятельности и научно-исследовательской, и проектной, и педагогической, и организационно-управлен-

ческой. И все то, что вы перечислили, так или иначе, находит свое отражение в этих компетенциях.

Поскольку мы не можем заранее предугадать, в какую именно сферу деятельности пойдет выпускник – в педагогическую, в какие-то структуры, занимающиеся этической экспертизой и т.д., – мы должны дать ему возможность сформировать компетенцию для каждой из таких сфер. При этом важно подготовить его к самостоятельному усилению этих компетенций, поиску соответствующих методик и т.д. То, что в широком смысле называется самообразованием.

В.Б.: В полемике со многими коллегами я подчеркиваю, что единственное технологическое ноу-хау, которым они могут оснастить будущих магистров прикладной этики, – это анализ случая, кейс-стади. И у вас так же? И ваши выпускники должны сами искать методы и методики практичности прикладной этики?

В.П.: Я еще раз повторю, что мы пытаемся в рамках своих курсов предлагать студентам некоторые базовые знания, навыки, умения, в соответствии, может быть, не со всеми, но с основными подходами к тому, что собой представляет прикладная этика.

В.Б.: Вопрос на уточнение. В монографии «Прикладная этика: лаборатория ноу-хау» описан набор технологий, благодаря которым авторы называют себя инноваторами в прикладной этике. И я хочу понять, должен ли выпускник вашей кафедры по специализации «прикладная этика» уметь создавать и проводить этические деловые игры, экспертные интервью, проблемные и проектные семинары и т.п.?

В.П.: У нас есть курсы, которые связаны с методом фокус-групп. Студенты проходят практики не только как участники, но именно как организаторы фокус-групп, сконцентрированных на этической проблематике. В последние годы, как вы знаете, в системе высшего образования с практикой для студентов ситуация не простая, но наши студенты, основываясь на теоретической и, соответственно, инст-

рументальной базе, проводят этико-прикладные и/или ценностно-ориентированные исследования, включающие телефонные опросы, методики разработки сценариев и т.д.»

Подчеркивая разницу в позициях двух кафедр этики – МГУ и ЛГУ – относительно образа профессионала в этико-прикладной сфере, отмечая большую парадигмальную широту петербургской модели, полагаю необходимым отметить: совмещение разных парадигм и соответствующих им моделей компетентности, включая инновационную парадигму, – дело весьма легкое лишь в том случае, если видеть в инновационной парадигме только набор технологий, без их концептуального фундамента. Но очень трудное, если понимать эти технологии как атрибут вполне определенного образа практичности этики.

ЕЩЕ РАЗ: продвигаемая в инновационном курсе этико-прикладного знания *модель компетентности* профессионала в сфере ЭПЗ, начиная со спецкурса, обложка которого представлена на слайде во Введении, определяется миссией прикладной этики как «производительной силы» относительно той или иной профессиональной или *над*профессиональной практики,

предполагая *компетентность профессионала в сфере прикладной этики*, исходящую из задачи не только *выявлять* объекты для реализации прикладных задач этики и не просто *реагировать* на течение нравственной жизни в формах нормативной этики, но активно *участвовать* в преобразовании прикладных этик (моралей). Участвовать, *опираясь* на потенциал проектно-ориентированного знания, в том числе его технологические ноу-хау.

Разумеется, требования к этико-прикладной компетентности члена комитета по биоэтике и члена этической комиссии университета; депутатской комиссии по этике и Общественной коллегии по жалобам на прессу; консалтинго-

вой структуры, специализирующейся на проектном и экспертно-консультативном сопровождении инновационного развития образовательных учреждений и на консультировании в сфере корпоративной этики, *различны* уже в зависимости от специфики сфер профессиональной деятельности.

И все же: ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики совсем не сводится к неким специальным методикам, приемам, техникам, как это иногда интерпретируется из-за поверхностного восприятия сути парадигмы. Ноу-хау – *модус вивенди* самой миссии приложения, то есть такой практической устремленности этики, которая проявляется в подчинении задачи познания прикладных моралей («малых» систем) задаче их развития через разработку и применение проектно-ориентированного этического знания.

Защиту этот тезис двумя краткими аргументами, которые уже были обозначены в предшествующих параграфах этой лекции и еще будут развернуты в последующих лекциях.

Во-первых, обращаясь к каждой *территории* прикладной этики (морали), инновационная парадигма предполагает критику сложившейся «повестки дня» в познании соответствующей нормативно-ценностной подсистемы и разработку новой «повестки дня». *Новой* с точки зрения ее концептуального обновления, связанного с «привязкой» к разработанному в инновационной парадигме *алгоритму идентификации* профессиональной этики журналистики, политической этики, университетской этики и т.д., в основе которого – алгоритм идентификации общепрофессиональной этики.

Во-вторых, само проектно-ориентированное знание предполагает изобретение технологии сотрудничества-соавторства исследователей, работающих в сфере этико-прикладного знания, и профессионалов из сфер знания, обеспечивающей полноценный КПД такого сотрудничества. В свою очередь, полноценность сотрудничества – условие

и процесс технологизации «внедрения» его результатов.

Наглядный аргумент – проект «Тюменская этическая медиаконвенция». Если его целью являлось воздействие на стихийный процесс саморегулирования журналистского сообщества, а Конвенция рассматривалась в качестве ориентира самоопределения и способа собирания этого сообщества, атомизированного в ситуации кризиса идентичности, то, в качестве обязательного условия (участвуя в проекте в роли консультанта, я на своем собственном опыте убедился в этом) эффективности проекта было создание Конвенции (со)авторскими усилиями самих журналистов. И задачей работающих в проекте исследователей было не поддаваться соблазну самим (*вместо* журналистов) подготовить искомый документ и представить готовый текст на одобрение «широким журналистским массам».

Но, одновременно, и «не умыть руки», а предложить «цеху» содействие в его стремлении активизировать процесс саморегулирования. Например, в рефлексии мотивов такой активизации: важно было проблематизировать фактическое доминирование прагматических мотивов саморегулирования, отражающих опасения «цеха» в связи с намерениями власти и бизнеса ограничить свободу слова, и пробудить мотив самокритики «цехом» той моральной ситуации, в которую он вовлечен; в критическом преодолении односторонних моделей-образов кодекса: либо заформализованного бюрократического документа для начальственного контроля и санкций в адрес подчиненных, либо инструкции по технике безопасности, либо, наоборот, ни к чему конкретно не обязывающей декларации.

Содействие каким образом? Предложив профессиональному сообществу журналистов потенциал *идей и технологий этико-прикладного знания*.

Отсюда один из основных способов существования проекта – проблемные семинары, в том числе в режиме иг-

рового моделирования (например, для освоения материалов зарубежного и отечественного опыта саморегулирования через кодексы, представленные в своеобразной хрестоматии «Профессиональная этика журналиста»). А в качестве способа проектирования фрагментов этической Конвенции были избраны экспертно-консультативные опросы.

Инновационная парадигма представлена в этом проекте в формате *проектно-ориентированного кейса*, «случая» проектирования особой модели профессионально-нравственного кодекса.

Случая-прецедента специально («по функции») произведенного знания, нацеливающего процесс познания нормативно-ценностной системы на ее развитие через конструирование инфраструктуры, проектирование ценностного ориентира самоопределения корпорации, через организацию этической рефлексии профессионального сообщества и т.п.

Случая-прецедента «встречного движения» исследователей в сфере прикладной этики – и профессионального сообщества журналистов, активно заинтересованных в рефлексии профессионально-нравственной ситуации и в (со)авторском участии в процессе проектирования институтов саморегулирования.

Целостно этот проект представлен в лекции 10.

Владение конкретными технологиями – этико-прикладной экспертизы, консультирования, проектирования, моделирования и т.д. – атрибут модели компетентности профессионала, подготовленного и работающего в инновационной парадигме. При этом компетентность в продуцировании и применении этих технологий не может быть оторвана от их фронестической природы: *акт приложения* происходит в непосредственном *сотрудничестве* исследователей, работающих в сфере этико-прикладного знания, и представителей той или иной сферы деятельности, про-

---

фессии, надпрофессионального вида деятельности. Само это сотрудничество, собственно говоря, является одной из таких технологий.

Особо подчеркну: такая технология сотрудничества противоположна педагогической хитрости, даже если речь идет о работе со студентами-магистрантами. Инициирование творческого сотрудничества не допускает *ни* своеобразного патернализма научного знания, *ни* иждивенчества моральных субъектов. Речь идет об инициировании моральной рефлексии самого субъекта, например, профессионального сообщества и конкретных профессионалов. В отличие от «чисто» социологического или «чисто» морализаторского подходов, которые менее всего нуждаются в партнерских отношениях с «предметом» исследования, методы *экспертно-консультативного* опроса экспертов, *игрового моделирования* и т.д. помогают профессиональному сообществу узнать себя в системе «зеркал» и потому принять активное участие в «технологически обеспеченном» моральном творчестве, став соавтором проекта.

Лекция 4

**Ситуация морального выбора
как предпосылка креации прикладной этики**

В природе морального выбора содержится важнейшая *предпосылка* формирования и развития прикладной этики. Почему именно *прикладной*? Во-первых, уже потому, что прикладная этика в не меньшей мере, чем этика общая, универсальная, и т.д., *предполагает* возможность и способность выбирать. Свободу выбора мировоззренческого масштаба и выбора поступка. Субъекта, которому можно доверить *риск* морального выбора и ответственность за его последствия.

Во-вторых, потому, что, как подчеркивает сама тема лекции, ситуация морального выбора – предпосылка *акта креации* прикладной этики (морали). Речь идет о феномене морального выбора в контексте *приложения-конкретизации* универсальной морали в *постестественной*, рациональной морали гражданского общества.

Приложения-конкретизации через изобретение обществом «малых» систем, порождающих особые ситуации морального выбора. Приложения как процедуры морального решения в ситуациях профессиональных и надпрофессиональных этик (моралей). В том числе в ситуациях нравственного конфликта. Приложения как способа применения этического знания в моральной практике через проектную ориентацию этого знания, через «технологический» потенциал этико-прикладных исследований и разработок, через фронестическую способность субъекта.

Характеристика ситуации морального выбора как предпосылки прикладной этики предполагает анализ *инвариантных* признаков для универсальной морали и морали прикладной. В свою очередь, такой анализ требует пройти определенный путь *идентификации* инвариантного

типа ситуации морального выбора. Основные шаги этого пути:

- эскизная характеристика ситуации *перепутья*;
- конкретизация этой универсальной метафоры как способ идентификации морального выбора в его соотношении с ситуацией выбора как структуры целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности;
- типологизация фундаментальных признаков ситуации морального выбора, в том числе нравственно-конфликтной ситуации выбора.

4.1. Ситуация морального выбора: эскиз

ЗНАКОМАЯ с детства чуть ли не каждому картина Васнецова «Витязь». «Направо пойдешь – ..., налево пойдешь – ..., прямо – ...», – читает герой на придорожном камне. Уже поэтому может показаться, что *выбор* – слово, не нуждающееся в комментариях: в нем – узнаваемость сказочного сюжета о перекрестке дорог и добром молодце, который выбирает один из возможных вариантов поступка и принимает решение. Выбирает для себя – и для всех нас, общающихся через народную мудрость к опыту человечества.

Однако не забудем: в реальной практике совсем не редки ситуации, в которых субъект *не видит* перекрестка, *не узнает* перепутья. «Не видит», «не узнает», «проходит мимо» из-за возрастной незрелости нравственного чувства? И в современной российской школе появляется для учащихся 8-х классов экспериментальный 17-часовой курс «Мой выбор», с пакетом пособий (для учителей и школьников), разработанных под эгидой учебно-методического центра образовательной программы «Мой выбор». В основе содержания курса, акцентирующего его *прикладной* характер («ориентация на освоение учащимися новых социальных ролей, подчинение содержания общей идее социализации личности»), алгоритм: «Я свободный человек» – «У меня как у свободного человека есть право выбора» – «Я

имею право знать все имеющиеся варианты выбора» – «Я могу сделать верный выбор, опираясь на детальное знание каждого варианта» – «Я самостоятельно сделаю свой выбор» – «Я несу личную ответственность за свой выбор».

Формат эскиза заставляет меня ограничиться здесь риторическим вопросом «все ли может школа?».

Но субъект слишком часто «не видит», «не узнает», «проходит мимо» потому, что *не хочет* видеть и намеренно «закрывает глаза», «крепко зажмуривается» из-за неразвитости или атрофии нравственного чувства, приобретающей масштаб социальной болезни (отдельная тема – субъект *избегает* выбора, уклоняется от него по целому ряду причин психологического свойства). Например, «не обремененные» проблемой морального выбора чиновники и политики выдвигают инициативы, противоречащие Конституции: ради надежды на карьеру много чего можно оставить без внимания. Или педагоги, стремящиеся отстаивать право своего выбора – чему и как учить – и не рискующие предоставить этот выбор самим ученикам. Или «широкие массы» – комментируя телефильм «В круге первом», лейтмотив которого выражается одним словом «выбор», М.Чудакова отмечает появление *поветрия*, которое «охлестнуло не менее чем полстраны», *поветрия*, которое укладывается в три фразы: «Ничего этого не было, никого зазря не убивали, а написать что хочешь можно!»; «Сталин – великий человек! Благодаря ему мы войну выиграли!»; «Хватит ковырять советское время – это наша история!».

Тем не менее, даже конкретные сюжеты, свидетельствующие о распространенности ситуаций, в которых субъект *не видит* перепутья, вольно-невольно «закрывая глаза»,

не опровергают эвристичности «перепутья» как модели выбора, в которой «схвачена» очевидная суть человеческой свободы: возможность поступать так или иначе и необходимость самоопределения, принятия решения и совершения поступка.

При этом в динамичных условиях современности акт выбора обретает новые предметы (и вот уже говорящие на современном языке колумнисты рассуждают о свободе выбора как о *многообразии опций*), в ситуации выбора оказываются новые субъекты, выбор несет и новые смыслы, приобретает особую значимость, предъявляет высокие требования к нравственной позиции субъекта, ее ценностной направленности, активности и действенности.

САМЫЙ простой подбор сюжетов дает наглядную иллюстрацию как тезису об узнаваемости сказочного сюжета, так и тезису о динамике ситуаций выбора.

* Альтернативные выборы (если у избирателя сохраняется возможность реального сравнения и предпочтения; если он не «бежит от свободы» и не стремится избавиться от самой альтернативности выборов, искренне благодаря тех, кто освобождает его от бремени самостоятельного выбора). * Ситуация выбора журналиста – остаться в телекомпании, вынужденно, в том числе из-за политического давления, сменившей свое руководство (и тем самым смириться с навязанным решением), – или уйти с высоко поднятой головой? * Выбор для родителей: предпочесть школу традиционного типа, которая нередко навязывает ученику ту или иную стратегию развития в искренней уверенности, что только по сценарию, определенному школой этого типа и должна развиваться личность, – или «школу самоопределения», которая дает возможность выбора стратегии образования и ученику, и учителю? * Ситуация выбора для всей отечественной системы образования: сохранение прежней ценностной «системы интеллектуальной дрессуры» – или вариативное развивающее образование, в результате которого человек становится «мастером выбора в непредвиденных ситуациях»? Здесь и выбор для общества: какую из нормативно-ценностных систем оно предпочтет – «культуру полезности» или «культуру достоинства»?

Свободнее, но и ответственнее, стал индивидуальный выбор. * «Служение в профессии» – или «жизнь за счет профессии»? * Принцип безудержной и завистливой конкуренции с другим – или соревнование «с самим собой вчерашним»? * Сориентировать себя на традиционную, стандартную, биографию – или предпочесть решение строить биографию рефлексивную, нестандартную? * А острейшие ситуации, породившие бум биоэтики? И это ситуации выбора не только для индивида и профессионального сообщества, но и общества в целом.

Субъект ситуации морального выбора в советскую эпоху – это прежде всего индивид. И не случайно: общество, казалось, сделало *социалистический выбор* навечно. И профессиональные группы – вместе с ним. Только со времен Перестройки встала проблема выбора в масштабе всего общества. Общество стало новым субъектом выбора: «Витязь по имени Россия», размышляющий о том, какое направление изберет общество-государство. Действительно, трансформационные процессы нашего общества формируют ситуацию *пути* со все чаще и все неожиданнее открывающимися развилками, требующими понимания и самоопределения. Опознает ли общество очередное перепутье, оценит ли адекватно его значимость и, тем самым, не упустит ли шанс повлиять на обстоятельства таким образом, чтобы «поставить парус» и «поймать ветер»?

Нетрудно увидеть, что все сюжеты объединяет *инвариант*, которым является *ситуация выбора*, возможности и необходимости выбора. Выбора как универсальной структуры свободной человеческой деятельности, «клеточки» целеустремленной активности личности в мире Духа и мире Действия. И – практически во всех сюжетах – выбора как универсальной структуры *нравственной жизни*. Морального выбора.

4.2. Ситуация морального выбора: идентификация

Предшествующий параграф не случайно начат с традиционного для многих проектов инновационной парадигмы прикладной этики обращения к ситуации сказочного витязя, оказавшегося на перекрестке трех дорог: *перепутье* – универсальная метафора. Но именно потому требующая конкретизации. Конкретизации как способа идентифицировать *моральный* выбор.

Во-первых, только кажется, что выбор – *извечное* свойство морального феномена. Да, древний сюжет о перепутье свидетельствует о том, что акт выбора стар почти так же, как и моральный феномен. Но именно *почти*, ибо (как уже сказано выше и как будет специально показано в лекции 6) на ранних ступенях становления морального феномена сам факт стремления человека к выбору воспринимался как покушение на незыблемость канонов. Не случайно по-гречески «выбор» – это *хейрос*, от которого произошло более позднее понятие «ересь».

Во-вторых, русский язык богат. И потому один из шагов идентификации особенности *морального* выбора – различение двух смыслов употребления слова *перепутье*.

В одном случае речь идет о реальном перекрестке дорог, предполагающем принятие решения о направлении дальнейшего движения. Для характеристики решения на такого рода перепутье значимы наличие нескольких альтернативных маршрутов, необходимость их сравнения по определенным критериям, принятие решения о предпочтении одному из них, исполнение решения – с соблюдением «правил дорожного движения».

В другом случае – сказочное перепутье, предполагающее практически такой же алгоритм выбора, как и в первом случае, но с символическим содержанием последствий предпочтения каждой из трех дорог, смысловой нагруженностью любого решения, необходимостью соотнесения каждого из вариантов с ценностными ориентирами.

В то же время процедура конкретизации универсальной метафоры *перепутья* предполагает попытку *упорядочивания, систематизации* кажущегося хаоса всего набора ситуаций и альтернатив, «хаоса», с помощью которого выше дано эскизное представление о феномене морального выбора.

Подчеркивая, что идентификация ситуаций морального выбора не может быть сведена к выявлению их схожести с ситуациями выбора как универсальной структуры целеустремленной человеческой деятельности, попытаюсь алгоритмизировать процедуру идентификации с точки зрения типологии ситуаций выбора как акта целеустремленной деятельности субъекта, конкретизированной через фундаментальные признаки ситуаций морального выбора.

4.2.1. Алгоритм идентификации

Беспредельная разнородность, разноплановость ситуаций? Но стоит лишь отказаться от тезиса, что *выбор* – «слово, не нуждающееся в комментариях», и принять тезис о том, что это весьма строгое понятие, сразу появится возможность

идентифицировать ситуации выбора по ряду систематизирующих критериев: предмет выбора, субъект выбора, масштаб и значимость ситуации, степень творчества/стереотипности решения.

* Шаг 1 алгоритма идентификации ситуации выбора предполагает характеристику *предмета* выбора. Как видно даже из предельно краткого эскиза, открывающего лекцию, предметное поле выбора может структурировано в соответствии с множеством видов человеческой деятельности и ситуативного содержания каждого из этих видов. Область профессиональной деятельности, гражданская позиция, образ жизни, потребительское поведение, образовательная стратегия... Выбор из кандидатов в депутаты. Выбор отно-

шения к носителям разных культурно-нравственных систем, идеологических концепций. «Служение в профессии» или «жизнь за счет профессии»? Выбор решения в профессиональной ситуации. С кем пойти в разведку? Кого взять с собой в путешествие?...

Типологизация предмета выбора может быть иной: одну из них нетрудно увидеть в панораме «приложения» названной выше программы школьного курса «Мой выбор»: «Я среди людей», «Моя семья», «Мой выбор – моя малая родина», «Мое здоровье», «Я и политика», «Я и СМИ», «Я и закон».

Еще один вариант – в моем интервью с одним из участников экспертного опроса среди журналистов по проекту «Моральный выбор журналиста» С. Бунтманом: «Между чем и чем человек выбирает в ситуации морального выбора? Что является предметом выбора? Выбор преобладающего фактора. Выбор выхода из сложной ситуации – при этом очень важно ее определить именно как сложную. Осознание самого наличия морального выбора, ибо не осознание того, что этот выбор именно моральный, – очень серьезное заблуждение. Иногда выбор наименьшего зла. Выбор некоего ориентира, т.е. во имя чего мы делаем то-то или то-то: не ради ли своей прихоти, своего сиюминутного желания? Таким бывает моральный выбор, который мы делаем в состоянии аффекта».

* Шаг 2. *Субъект* выбора. Субъект-индивид, субъект-профессиональная группа, субъект-общество... Все они – субъекты выбора, субъекты *поступка*. Даже если практика языка морали стимулирует говорить о *поступке* только применительно к индивиду,

Итак, индивид: родители и менеджеры, полководцы и политики, учителя и журналисты, программисты и врачи... Люди разных социальных ролей и в разных сферах жизни, производственной и непроизводственной, частной и публичной. Каждый из них вовлекается в ситуацию выбора,

должен принять решение, совершить то или иное действие, а часто – подвергнуть его суду своей совести.

Один из сюжетов на тему морального выбора индивида – из экспертного опроса в проекте «Моральный выбор журналиста». Профессия вовлекла его героя после закрытия газеты в ситуацию выбора. «Я работал в газете “Сегодня”, газета закрылась по независящим от меня и, как говорится, независящим от редакции обстоятельствам. А рядом с нами работали журналисты “Итогов”... Весь прежний коллектив “Итогов” как один ушел на улицу, а меня очень активно вербуют работать в этом журнале, причем вербуют не какие-нибудь подозрительные кагэбэшники, а мои бывшие коллеги, которые работали в газете “Сегодня”, с которыми у меня очень неплохие личные отношения и которые сейчас перешли в “Итоги”. Вот вам классическая ситуация морального выбора. Казалось бы, что здесь такого – взял и пошел? Но... что значит “просто взял и пошел”? Пошел на место, которое до тебя занимали твои идейные единомышленники? Пошел вопреки общественному мнению? Ведь те, кто раньше работали у Гусинского в тех же самых “Итогах” и “Сегодня”, называют тех, кто перешел из газеты “Сегодня” в новые “Итоги”, штрейкбрехерами, предателями, коллаборационистами и прочее. Вот потому и выбор: наплевать на общественное мнение, пойти против него – или не плевать, но тогда рисковать потерять какие-то деньги» (Л. Радзиховский).

Субъектом выбора может быть общность, организация или ассоциация, формирующие нормы взаимоотношения своих членов. Например, редакция СМИ или весь этот профессиональный «цех», стремящиеся к созданию этического кодекса как инструмента саморегулирования и потому рефлексирующие альтернативные миссии профессии. Или этическая комиссия в медицинском учреждении.

Субъектом свободного выбора может быть и социальный институт. В эскизе ситуаций морального выбора приведена ситуация выбора для отечественной системы обра-

зования: какую из нормативно-ценностных систем оно предпочтет – «культуру полезности» или «культуру достоинства»?

Субъектом выбора может быть и общество в целом, решающее вопрос о перспективах своего развития. В том же эскизе отмечена ситуация выбора, субъектом которого является российское общество, цивилизационного выбора: «западный», «восточный», «особый» путь?

* Шаг 3. Очевидно, что в процессах избирательной активности субъекта важно выделять акты выбора, отличающиеся принципиально разным *масштабом, значимостью*: выбор может быть стратегическим, «смысложизненным» – и ситуативным, касающимся конкретных решений, действий, поступков. Причем между выбором в ситуациях разной значимости существует и обратная связь: выбор моральной ориентации, вероятно, важнее, чем профессиональное самоопределение, но ошибка в предпочтении какой-либо специальности может повлиять на отношение человека к моральным ценностям – к труду, семейному долгу и т.д., нелюбимая профессия, например, прямо скажется на трудовой деятельности человека, ее качестве, творчестве.

Может быть *значимость* – особое основание для типологизации ситуаций выбора? Давний сюжет на тему значимости выбора – из практики психологических исследований. Как рассказывал психолог Я. Коломинский, в процессе социометрического исследования каждому из группы испытуемых предложили выбрать себе человека, с которым он хотел бы вместе работать в одной бригаде, либо пригласить к себе на день рождения, либо поселиться вместе и т.д. Исследователи обнаружили различную степень влияния ситуации на выбор, совершенный членами группы. «Одно дело – выбрать партнера для игры в домино, и совсем другое – ответить на уже упомянутый нами вопрос: “Кого бы ты взял с собой в разведку?”». Квалифицируя критерии выбора, подобные первому, как слабые, а подобные второму, предполагающие выбор для очень важной деятельности

как сильные, специалисты-психологи тем самым дают нам аргумент для анализа моральных ситуаций с точки зрения *значимости* выбора.

Скорее всего, в наши дни более актуальны иные сюжеты. Один из них: публицист М.Делягин рассуждает о выборе, который совершило *поколение нового среднего класса* – менеджеров – после дефолта августа 1998 года, выборе между жизнью в стране и эмиграцией. «Образованная, активная и сознательная часть общества не признала свое бессилие перед явно непреодолимыми трудностями, свое бесспорное поражение, не смирилась, не поставила на своей стране крест и не ушла “до лучших времен” на предсказуемые и привлекательные поля деятельности в фешенебельных и обладающих надежным будущим странах. Там хорошо, но оказалось, что только на родине можно влиять на страну, в которой живешь, – какой бы пугающей она ни была, каким бы малым ни было это влияние. Выбирая между всеми благами цивилизации и сохранением социальной значимости, активная часть общества решительно выбрала последнее».

* Шаг 4. Весьма существенное основание идентификации ситуации выбора – степень *творчества* или *стереотипности* в акте выбора. Весьма часто субъекту приходится осуществлять выбор в повторяющихся обстоятельствах, в ситуациях, которые хорошо известны ему по прежнему опыту, доступны для решения на уровне здравого смысла, а то и просто для действия по привычке. Иное дело – необходимость творчества в процессе поиска новых, нестандартных решений, нарушающих сложившиеся шаблоны, требующих от субъекта мобилизации всего его опыта, проявления высокой культуры. В таких ситуациях выбор не может быть сведен лишь к перебору неких известных альтернатив или к поиску готовых ответов на все возможные ситуации выбора (которые были бы размещены в конце некоего школьного задачника по этике).

Свободный субъект, принимая решение в нестандартных ситуациях выбора, рискует; современное общество характеризуют как «общество риска» и на этом основании.

Один из сюжетов, показывающих особенность нестандартной ситуации выбора, можно увидеть в проведенном М. Эпштейном анализе ситуации из жизненного пути А. Солженицына. «Вряд ли в истории последних десятилетий, по крайней мере в России, найдется общественно более значимый пример мужества, чем жизнь Александра Солженицына. Но если бы это мужество работало всегда без отказа, стало бы автоматической, нерассуждающей отвагой, Солженицын вряд ли дожил бы до того времени, когда, подкрепленное литературными свершениями, оно получило всемирный отзыв», – говорит М. Эпштейн. И напоминает, что «в первой главе "Архипелага Гулага", "Арест", приводится эпизод, когда автора, боевого офицера, арестовывают в 1945 г. на линии фронта и везут на Лубянку. У него не находится мужества сопротивляться, по крайней мере крикнуть, предупредить сограждан». По мнению М. Эпштейна, «оценить молчание Солженицына 1945 года можно только услышав его крик 1973 года, крик, называвшийся "Архипелаг Гулаг". Если бы смутно почудившееся ему в 1945 году: он крикнет правду двумстам миллионам, так и осталось благонамеренной фантазией, заглушающей голос совести, – один суд. Если же, как мы знаем, "чудо" стало явью, то не-кричание, позволившее Солженицыну сохранить жизнь и укрепить голос на дальнейший крик, есть необходимый и морально оправданный выбор... Так закричать, как мог закричать Солженицын на эскалаторе, в принципе мог бы всякий, хватило бы дыхания в легких. Общество испытывало потребность в таком крике, но чтобы такой крик мог прозвучать на 200 миллионов, даже шире, на весь земной шар, – для этого нужен был именно Солженицын, и не такой, каким он был в 1945 г., а каким он стал в

1960-70-е годы, уже пройдя через 11 лет Гулага и годы литературного труда... Чтобы этот крик мог вызвать действенный отклик, а не страх и оцепенение окружающих, нужна была другая эпоха, другая историческая сцена»²⁷.

ИТАК, я выделил ряд оснований, по которым можно наметить типологию ситуаций морального выбора с точки зрения универсальной идентификации акта выбора в целеустремленной деятельности человека. Но процедура конкретизации универсальной метафоры *перепутья* как способа идентификации ситуации морального выбора предполагает особое внимание к *фундаментальным признакам* такой ситуации.

4.2.2. *Фундаментальные признаки*

«СОБСТВЕННО морального выбора»? Позволю себе долю ригоризма: практически во всех ситуациях выбора, эскиз-панорама которых представлена выше, содержится, явно или скрыто, *нравственный аспект*. Моральный выбор представляет собой сторону, грань любого вида целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности. Но моральный выбор в этом случае – не только «еще один» самостоятельный вид, а «срез» всех остальных аспектов человеческой деятельности, их ценностный смысл. Не располагая собственной «территорией», моральный выбор, подобно проникающей радиации, проявляет себя во всех разнотипных – частной, межличностной, политической, хозяйственной, профессиональной, культурной, семейно-бытовой и т.п. – сферах.

Моральный выбор – понятие, предполагающее выявление *смысла* деятельности, ее *ценностной направленности*, сориентированности в мире добра и зла. Моральный выбор – словосочетание, характеризующее

---

²⁷ *Эпштейн М.* Стереозтика: двойственность добродетелей и алмазно-золотое правило //www.emory.edu/INTELNET/mt_stereoethics.html.

смыслообретения (и смыслоутраты) субъекта в процессе нравственных исканий, самоопределения в мире ценностей и идеалов; выход на исходную точку для оценки и самооценки; формирование нравственной позиции; становление линии поведения и выбор конкретного поступка.

Моральный выбор – акт свободы субъекта (человека, общности, общества в целом), его самоопределения в отношении той или иной системы (и подсистемы) норм и ценностей или варианта конкретного поступка. Прежде всего, если ситуация не альтернативна, если нет объективной возможности выбора, то нет и свободы выбора. Как уже сказано, ситуация выбора образуется в том случае, когда объективные обстоятельства предлагают несколько вариантов поведения и субъект должен предпочесть один из них вопреки всем другим. Если нет возможности сравнить и выбрать один из вариантов, сознательно определить позицию и воплотить ее в действии, субъект лишен *свободы выбора*.

При этом, во-первых, важна *действительная* альтернативность, идентификация которой предполагает различение формальных и реальных возможностей выбора. Например, нынешним российским телезрителям, как отмечает социолог Б. Дубин, нравится возможность не столько выбирать канал или программу – их различия невелики, – сколько *перебирать* их. Во-вторых, речь идет о *нравственно значимых* альтернативах, требующих от субъекта *морального* самоопределения.

Альтернативы ситуации морального выбора фокусируют в себе сложность и противоречивость нравственной жизни субъекта. Сколько альтернатив в моральном выборе? Две – между добром и злом? Множество – между разными версиями добра, идеала, справедливости («*Солнце разлито поровну. / Вернее по справедливости. / Вернее по столько розлито, /кто сколько сумеет взять..*».)? Определенный количественный ряд в рамках шкалы от макси-

мального добра до «наименьшего зла»? Бесконечный диапазон – в зависимости от сферы человеческой деятельности, специфики социальных обстоятельств, особенностей духовного мира личности и т.д.? Альтернативы конкретного поступка? Но разве менее важны альтернативы, встающие перед человеком, осмысливающим ситуацию выбора не только для того, чтобы попытаться найти решение конкретного конфликта, но и определить для себя *стратегию поведения*, соотнести свои поступки с мировоззренческими ориентирами?

Современная мораль продуцирует напряженный выбор мировоззренческих ориентиров. Нравственно значимые альтернативы этого плана? Выбор между уже сформированными нормами рационального поведения, ориентированного на личные интересы, – и косными правилами обычая. Выбор между нормами сословно-общинного солидаризма – и нормами рациональной морали рыночного, «открытого» общества. Выбор между ценностной ориентацией на прирожденный статус – и ориентацией на обретаемый достижительный статус, на успех в деятельности и социальное перемещение. Выбор между самостоятельным поиском должностования – и патерналистски определяемым должностованием. Выбор между поведением «экономического человека» с готовностью к жесткой конкуренции, минимизацией социальной подстраховки – и поведением «социализированного человека» с его готовностью к мягким формам конкуренции, с ориентацией на позитивные санкции общества. Выбор между ориентацией на конвенциональные, контрактные нормы поведения – и ориентацией на нормы органических, исторически сложившихся, общностей. Выбор между групповой, корпоративной моральной ответственностью (не забывая, что корпорация предпочитает лояльность профессионализму) – и персональной моральной ответственностью за свое поведение, свои поступки не только «перед кем-то», но и «за что-то»...

Выше отмечалось, что совсем не редки случаи, когда субъект *не видит* перекрестка, *не узнает* перепутья. Важность «(не)узнавания» нравственного значения альтернатив выбора наглядно проявляется, если воспользоваться методом «от противного». В качестве такого метода считаю возможным интерпретировать следующий текст.

Ситуация: учебная стратегическая игра по мотивам рассказа «Срочный фрахт» Б. Лавренева. Обсуждаемое «оптимальное решение»: «сжечь в паровой топке застрявшего там мальчугана и следовать указанию акционера о скорейшей (в связи с благоприятной конъюнктурой) доставке груза по назначению невзирая ни на что». Критерий предпочтения для половины студентов: «оптимизируют решение ценой жизни ребенка, легко де-факто вступая в преступный сговор с целью его убийства ради корыстных интересов. У одних это карьера, собственные дети, боязнь компромата, у других – просто нажива или "умывание рук", у третьих – аффект, беспомощное морализаторство и "невнимание к мелочам"». *Вывод* автора: «На первый взгляд трудно уловить связь между террористом в Беслане и студентом ведущего университета, будущим управленцем корпоративного или государственного сектора». Но «за кулисами всякой стратегии рано или поздно обнаруживается моральный выбор стратега. Не прагматичная "цена вопроса", не легковесные этюды логической акробатики и риторической казуистики в обосновании "непростых" решений, а настоящие "моменты истины", вопросы ребром – "или-или", когда на весах честь или бесчестие, слава или позор, свобода или рабство, а в конечном счете – жизнь или смерть»²⁸.

ЗАВЕРШУ характеристику первого из фундаментальных признаков морального выбора своим давним сюжетом на тему «Свобода выбора – “бремя” или “счастье”?».

---

²⁸ Агеев А. Отражение варварства // Экономические стратегии. 2004. № 5-6. С.7.

* Бремя ответственности? Разумеется. Достаточно вспомнить один из смыслов глагола «решить»: *порешить*. В русском языке *порешить* – значит уничтожить, убить и т.п. И в английском языке схожая тенденция. «Корень слова "решить" (decide) означает "убить", как в словах "homicide" (убийство) или "suicide" (самоубийство)»²⁹. В этом смысле действительно каждое «да» связано со своим «нет». Решение в пользу одного из вариантов чаще всего означает изменение реальности, уничтожение иных возможностей развития ситуации. В этом мучительность выбора, его *бремя*.

* Счастье свободы? Вполне возможно. Во всяком случае, как ощущение естественности выбора. В уже цитированном выше моем интервью с журналистом С. Бунтманом (здесь важно подчеркнуть не профессию автора, а надпрофессиональный, личностный масштаб подхода) выделю следующий фрагмент. «Традиционно говорят, что человеческая жизнь – это своеобразное бремя выбора, – говорит эксперт. – Но возможно и счастье выбора, ощущение легкости принятого решения, его естественности. Это чувство может оказаться и заблуждением, но ощущение счастья выбора возможно». В качестве примера он рассматривает опыт своей радиостанции. «Легкость нашей – “Эхо Москвы” – линии в обстоятельствах, связанных с компанией “Медиа-Мост”, для меня лично и для ряда таких моих друзей, как Алексей Венедиктов, Андрей Черкизов, это легкость выбора. Мы могли сколько угодно ругаться, бурчать по углам или между собой по поводу Евгения Киселева, поспешных действий Гусинского, его несдержанности, некоторых авантюрных, скажем, проектов (хотя мы понимали, для чего он делает это, что он хочет этим сказать, и это всегда было достаточно славно). Мы могли ругаться сколько угодно, критиковать сколько угодно, но настал момент, когда эти люди попали не в то положение, чтобы можно было, как это многие коллеги по “цеху” сейчас делают, говорить: “Да, ко-

---

²⁹ См.: Ялом И. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. М.: Класс, 1997. С.17.

нечно, ведь он совершил такую-то ошибку и такую-то ошибку, как можно было, спуская очки на нос, говорить то-то и то-то, не имея при этом очень верных документов на такого-то человека?”. Для нас же здесь очень легкий выбор».

ПРОДОЛЖАЯ помнить о том, что идентификация ситуаций морального выбора не может быть сведена к выявлению их схожести с ситуациями выбора как универсальной структуры целеустремленной человеческой деятельности, перейду к характеристике такого фундаментального признака морального выбора, как его *непреложность, неотвратимость*, как неизбежность для субъекта совершить акт самоопределения.

Необходимость выбора – неотъемлемое свойство нравственно зрелого субъекта, характеризующее его как свободное существо. *Право и долг* субъекта – обнаруживать возможные альтернативы и принимать решения, совершая те или иные поступки. И все же стоит конкретизировать тезис о неотвратимости морального выбора. С этой целью уместно, во-первых, взвесить «за» и «против» известной формулы «уклонение от выбора – тоже выбор».

Позиция «за» в этом случае обычно подкрепляется ссылкой на категорически негативную в моральном плане оценку решения Понтия Пилата, «умывшего руки», и усиливается с помощью метафоры Б. Брехта: «люди, “умывающие руки”, умывают их в крови». И действительно, есть серьезные основания рассматривать уклонение от выбора как своеобразный *выбор*. Один из примеров – из сферы политического выбора – в полемике вокруг строки в избирательном бюллетене «против всех».

Позиция «против» относительно формулы «уклонение от выбора – тоже выбор» подкрепляется, с одной стороны, уже рассмотренной выше смысловой расшифровкой слова *решить* в значении *порешить*, но с *понимающей* интонацией рассуждения. «Выбирая, человек должен решить, что же из существующих потенциальных возможностей он сделает реальностью, причем муки выбора связаны именно с

осознанием неизбежной потери, особенно если приходится выбирать между двумя и более равными по значимости ценностями», – пишет психолог-консультант о субъективной трудности ситуации морального выбора для клиента, «интуитивно опасующегося необратимых изменений, которые могут произойти в его жизни вследствие реализации одной выбранной возможности в ущерб остальным»³⁰.

С другой стороны, эта позиция может быть подкреплена аргументом из комментария к представленному выше описанию проявления «отсроченного мужества». «Перед нами, – пишет М. Эпштейн, – вырастает такая странная, двусмысленная категория, как отсроченное мужество. Может ли момент мужества быть перенесен на потом? В этом кроется большой моральный риск. Во-первых: а хватит ли у тебя мужества сделать позже то, чего не можешь сделать сейчас? Во-вторых: а сохранятся ли те обстоятельства, которые требуют мужества, или оно девальвируется по мере благоустройства и демократизации общества? То мужество, которое в трудный час стоило миллион, в легкий час окажется ценой в копейку. Как говорит Аристотель, "мужество проявляется не во всякое вообще время, а в то, когда страхи и опасности ближе всего". Отсроченное мужество – как отсроченный долг. По нему накапливаются проценты. Оправданием немужества в прошлом может быть только еще большее мужество в будущем, общественно более весомое мужество»³¹. Справедливо акцентируя риск «отсроченного мужества» (риск, отмеченный еще С. Кьеркегором: «Чем больше упущено времени, тем труднее становится выбор, так как душа все более и более сродняется с одной из частей дилеммы и отрешиться от этой последней становится для нее все труднее и труднее, а между тем это необходимо, если выбор должен иметь хоть мало-мальски

---

³⁰ Майленова Ф.Г. Разделенная ответственность в работе психолога-консультанта // Человек. 2002. № 2. С. 98.

³¹ Эпштейн М. Стереозтика: двойственность добродетелей и алмазно-золотое правило.

решающее значение»³²), автор нашел, как можно было увидеть выше, убедительный аргумент, снимающий в отношении совершенного А. Солженицыным выбора существенный риск отсроченного выбора.

Продолжая попытку конкретизации признака неотвратимости морального выбора, стоит, во-вторых, взвесить «за» и «против» известного тезиса, согласно которому бывают ситуации, применительно к которым можно говорить о свободе морального выбора и при наличии, казалось бы, единственного варианта поступка. В жизни субъекта неизбежны такие положения, когда опыт выбора на всех прошлых жизненных «перекрестках» диктует ему лишь одно решение по лютеровскому принципу «Не могу иначе», не допускающему перебора всех формально возможных вариантов поступка. Учет *нравственной* допустимости возможных альтернатив обуславливает решение не меньше, чем осознание объективно недопустимых возможностей выбора в определенных социальных обстоятельствах. Достаточно вспомнить выбор Сократа: он был продиктован именно нравственной позицией, а не только обстоятельствами. Они-то как раз искушали Сократа бегством и таким образом спасением жизни, а запрещало побег, диктовало решение отдать предпочтение чувству чести – сознание нравственной невозможности поступить по-другому.

Иначе говоря, положение о диапазоне возможностей как одном из элементов ситуации выбора нуждается еще и в различении формальных и реальных возможностей выбора, т.е. имеющих или не имеющих для субъекта моральную ценность и, соответственно, требующих или не требующих от него *морального* выбора. С этой точки зрения можно оценить как те ситуации, в которых можно говорить о свободе выбора и при наличии, казалось бы, единственного варианта поступка, так и те ситуации, в которых и наличие нескольких возможностей исключает для человека моральный выбор. По отношению к ситуации первого рода речь

---

³² Кьеркегор С. Или-или. М.: «Арктогея», 1993. С.208.

может идти о так называемом «прошлом выборе»: «учителя не поздравляют, когда он учит, что дважды два – четыре. Его, быть может, поздравляют с выбором прекрасной профессии» (А. Камю. «Чума»).

С ПРИЗНАКОМ неотвратимости тесно связана такая фундаментальная черта морального выбора, как его *суверенность*, определяемая автономией субъекта выбора.

Мало сказать, что возможность поступить так или иначе, сравнить и предпочесть варианты поведения, способность сознательно определить свою позицию обуславливают свободу морального выбора субъекта (и его ответственность за него). Речь должна идти и о зависимости решения от самого субъекта, от его мотивов, целей и ценностей, а не от чужой воли или стечения обстоятельств, ему не подвластных (в последнем случае субъект выступает скорее как объект). Свобода морального выбора предполагает, что такой выбор совершается по внутреннему убеждению, а не по указанию инстанций и отдельных лиц, включая и моральные авторитеты; он несовместим со стремлением избежать ответственности, с попытками переложить ее на официальные решения, на чей-то авторитет, на корпоративный кодекс, на принуждение обстоятельств или на обычай – выбор в этих случаях перестает быть свободным.

Значимость такого признака морального выбора, как его суверенность можно показать методом «от противного» – через описание советским диссидентом Валерием Абрамкиным феномена «внетрагедийной ситуации». «Трагедийная ситуация – это ситуация выбора. Если, скажем, Лаю предсказатель говорит, что его сын Эдип убьет его и женится на своей матери, то Лай все-таки может решить: умертвить сына или нет? Это все-таки выбор. Рок остается? Ну и пусть! Тем более я свободен в выборе. Рок не от меня, зато поступок – мой! Но взгляните на жизненное пространство в "Колымских рассказах" Шаламова или в "Архипелаге ГУЛАГ". Понимаете, тамошние ситуации отторгаются от трагедийной ткани из-за "несовместимости" с ней. Попробуйте-

ка здесь развернуть любую трагедию или евангельские сюжеты – они не врасут, будут тут же отторгнуты. Это уж какой-то другой мир. И у меня-то ломка была как раз на этом. ...По делу "Поисков" арестовали несколько человек (в 1979-1982 годах). В 1983 году я уже мог рассматривать все судебно-следственные сюжеты отстраненно. И мне казалось, что мы не делали выбора: каждому из нас навязали определенную роль. Один должен был покаяться – и он не то, чтобы покаяться по сути, но по форме вышло покаяние. Другой должен был твердо держаться на суде, но потом, в заключении, не слишком фрондировать – чтобы освободиться после первого срока. А мне отвели роль быть борцом до конца. По первому делу я и не мог пойти на компромисс – скажем, частично признать вину. Я участвовал в выпуске журнала, у меня была ответственность перед читателями, перед авторами, еще перед кем-то. Но обвинения по второму процессу касались лично меня: "агитация и пропаганда в зоне". Чистая "липа" от начала до конца! Признаю я, скажем, что был агентом ЦРУ – это мое дело. Оно больше никого как будто не касается. Ну, признаю я, что действительно этих зэков "агитировал". Ну, агитировал – и агитировал, бес с вами, раз вам так хочется – признаю!.. Но когда я попытался занять такую компромиссную позицию, она для них оказалась неприемлемой. И они сразу меня постарались отшвырнуть в роль "борца"»³³.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ признак идентификации морального выбора – два уровня, два яруса *перепутья*. Идентифицируя моральный выбор как фундаментальный акт автономии субъекта (человека, общности, общества в целом), его самоопределения, я уже сказал, что речь идет о выборе в отношении (а) той или иной системы и/или подсистемы норм и ценностей, определенной системы общих моральных ориентаций, прежде всего целей большого ранга, придающих смысл нравственной деятельности субъекта, определяющих его линию поведения; (б) варианта конкретного

³³ *Абрамкин В.* Странные ощущения // Век XX и мир. 1992. №3.

решения, поступка (в постановке нравственной цели, принятии решения об адекватных цели средствах и в практическом исполнении морального решения, воплощении его в реальном действии, а в конечном счете – в соответствующем намерению результате).

В каких отношениях находятся два яруса *перепутья*? Один из возможных ответов заключается в указании на односторонность имеющего место в популярных работах нравоучительного жанра подхода, характерного сведением акта морального выбора к предпочтению либо того или иного варианта поступка, либо той или иной нормативно-ценностной системы. Достаточно ли для критики такой односторонности утверждения, что свобода морального выбора предполагает как выбор субъектом исторически изменчивой системы морали в ее вертикальном и горизонтальном измерении (выбор касается и самого понимания природы добра и зла, а не только желания выбирать между добром и злом, следуя предписанию или уклоняясь от него), так и выбор единичного поступка, его смысла, адекватности используемых средств, соответствия намерений и результатов?

Представляется конструктивным конкретизировать это утверждение идеей *линии поведения*, определенным образом организующей поступки субъекта. Если бы деятельность субъекта представляла собой не более чем ряд разрозненных актов, ему хватило бы ограниченной способности ставить разрозненные цели, подбирать эффективные средства их достижения и оценивать успешность результатов каждого такого акта деятельности в отдельности. Но человеческая деятельность не дробится на изолированные акты, а представляет собой чрезвычайно сложную систему поступков, образующую более или менее последовательную цепь – линию поведения. Отсюда значимость умения выдвигать не только близкие, но и далекие цели, подчинять одни цели другим, подвергать систематическому анализу как непосредственные результаты, так и отдаленные последствия деятельности, сопрягать свои поступки с дея-

тельностью других субъектов, вписывать их в деятельность больших групп, общностей.

В свою очередь, здесь уместна еще одна конкретизация: в рамках деятельности одного субъекта его *линия поведения* не есть простая сумма решений и поступков, их произвольный набор. Она вытекает из них и в то же время является фактором, воздействующим на выбор поступков. Но и сам поступок так или иначе верифицирует всю линию поведения, содействует ее принятию или отклонению. Более того, когда в экстремальных, пограничных ситуациях производится выбор особо важного поступка, решающего шага в биографии субъекта, оба уровня выбора настолько сближаются, что, в сущности, можно говорить об их наложении, совпадении. Поступок тогда оказывается узловой мерой развертывания линии поведения, способом проверки ее на прочность в ценностном плане, фактором закрепления или, напротив, смены направленности деятельности, ее характера.

Необходимость идентификации морального выбора с акцентированием значения каждого из двух ярусов может быть аргументирована критикой распространенной точки зрения, согласно которой *проблема* морального выбора заключается не в (не)принятии и (не)усвоении требований морали, а в их применении, особенно – в конфликтной ситуации, в ситуации выбора одного из сталкивающихся между собой моральных правил. Проблема выбора в ситуации нравственного конфликта действительно и сложна, и актуальна. Оставляя ее анализ для следующего параграфа, целесообразно уже здесь усомниться в оправданности занижения роли мировоззренческого выбора – выбора в пользу морали. Занижения, которое мы находим в рассуждениях автора сетевой статьи. «Воровать или не воровать? Что за вопрос! Само слово означает “брать то, чего брать нельзя”. Но: украсть или не украсть, если нет иного способа избавить кого-то от голода? Что ж, если ситуация и вправду такова (а смысл ситуации можно выяснять бесконечно и

лишь тогда, когда сам в ней находишься), – пожалуй, когда-то придется и украсть, решай сам; не помочь – не то же ли, что губить?.. Однозначного решения нет». Уместно ли упрощать ситуацию перепутья, как это фактически делает автор? (Не)однозначное решение – самостоятельная проблема. Но она не отменяет мировоззренческого масштаба морального выбора. А сам этот масштаб – наряду с масштабом ситуативным – один из критериев идентификации морального выбора.

4.3. Нравственно-конфликтная ситуация выбора

Весьма наглядный путь доказательства тезиса, что предпосылки формирования и развития прикладной этики следует искать в феномене морального выбора, обращение к особому типу ситуаций выбора – *нравственным конфликтам*.

Свое определение понятия «нравственный конфликт» я предложил много лет назад³⁴, и оно, судя по литературе, стало практически «народным».

Особенность нравственно-конфликтной ситуации выбора заключается в том, что моральное сознание субъекта, которому предстоит решение, констатирует противоречие: осуществление каждой из выбранных альтернатив решения, поступка, предпочтенных во имя какой-либо нравственной цели, ценности, нормы, одновременно приведет к нарушению другой ценности или нормы, тоже представляющей для субъекта определенную моральную ценность. В ситуации нравственного конфликта от субъекта требуется совершить выбор между сталкивающимися моральными ценностями в пользу одной из них и, тем самым, в ущерб другой и только через разрешение данного противоречия реализовать

³⁴ См., напр.: *Бакштановский В.И.* Моральная свобода и ответственность // *Беседы о нравственности*. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 73.

свои нравственные цели. Сложность решения заключается в такой ситуации не столько в том, что субъект не ориентирован на ценности, не знает нравственных норм или не желает их выполнять, сколько в необходимости найти рациональные критерии разрешения их столкновения.

ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА тезиса о том, что нравственно-конфликтная ситуация выбора является проблемой, своеобразным «вызовом» и «запросом» к теории и практике нравственной жизни, *предпосылкой прикладной этики в обеих ее ипостасях*, обращусь к конкретизации общей модели ситуации нравственного конфликта с помощью сюжета из опыта самоопределения отечественного университета Н, решившего спроектировать свою миссию. В исходный вариант Декларации о миссии университет Н включил раздел «Дилемма самоопределения». «Степень (не)соответствия идеалу научно-образовательной корпорации определяется мерой (не)успешности решения *дилеммы самоопределения* современного отечественного университета. Ее альтернативы: научно-образовательная деятельность университета – “сфера услуг” или *высокая* профессия? В этой связи университет: “хозяйствующий субъект”, оказывающий “*образовательные услуги*” и тем самым вольно-невольно упускающий миссию ценностно-ориентирующего института гражданского общества? Или научно-образовательная корпорация людей, *высокая профессия* которых предполагает миссию служения делу *духовного производства человека* (а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнес-корпорация)? Должна ли *высокая* профессия в такой альтернативной ситуации отступать от своих ценностей во имя прагматической стратегии развития университета? Или университет должен корректировать свою стратегию во имя ценностей научно-образовательной профессии?».

Прямо не прибегая к понятию нравственного конфликта, авторы Декларации фактически зафиксировали противоречивую ситуацию выбора, предполагающую для своего разрешения жертву одной ценностью во имя достижения другой. Кажется, что в этой дилемме сталкиваются лишь неморальный – прагматический – ориентир самоопределения университета и ориентир собственно моральный? Однако за стратегией «образовательные услуги» стоит вполне ясная ценностная ориентация. Она проявляется в истолковании ценностного статуса образования через функцию «обслуживания потребностей экономики», «подготовки кадров», выпуска «специалистов для народного хозяйства» и т.п., через доминирование тенденции, предполагающей приоритет «образования через профессию» над «профессией через образование», через сведение профессионализма выпускника к «функциональной», «технологической», «операциональной» трактовке, под которой подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Тем самым современная образовательная деятельность становится все более дуалистичной по своей природе. Такой дуализм создает особое моральное напряжение, связанное с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется базовой ценностью. И это вполне определенное ценностное предпочтение, выбор определенной системы ценностей – *моральный выбор*³⁵. А ситуация самоопределения университета в отношении двух альтернативных стратегий – нравственно-конфликтная.

Как можно увидеть из этого сюжета, ситуация нравственного конфликта является серьезным испытанием способности субъекта к свободному выбо-

³⁵ Самоопределение университета: нормативные модели и отечественные реалии. Ведомости. Вып. 27, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

ру уже потому, что, как и вообще в ситуации выбора, здесь важна способность *понять* именно нравственную конфликтность ситуации выбора, *увидеть не всегда очевидное* этическое содержание альтернатив.

Так, в приведенном выше сюжете о самоопределении некоторые участники обсуждения проекта Декларации о миссии университета «прошли мимо» определенного – *ценностно* «нагруженного» – содержания такой альтернативы, как трактовка образования в качестве «сферы услуг».

Завершая лекцию, полагаю подготовленным вывод, что попытка интерпретации феномена морального выбора как *предпосылки* прикладной этики поставила более сложную задачу – характеристики морального выбора как *способа существования* прикладной этики, а прикладной этики – как науки и искусства морального выбора. Попытка постановки и решения этой задачи – предмет следующей лекции.

Лекция 5

Моральный выбор как *modus vivendi* прикладной этики

Условие адекватного понимания природы прикладной этики – стремление понять природу зрелой морали. Стремление понять природу зрелой морали предполагает адекватное понимание роли ее *универсальной структуры*, «*первоклеточки*» – ситуации морального выбора. В ее тотальности и в различных сферах прикладной этики.

Метафорическая характеристика *первоклеточка* адекватна лишь для морали *современного общества*, способом существования которого является свобода выбора – выбора политического, выбора образа жизни, выбора ценностных приоритетов и т.д. Для образа морали, с которым работает инновационная парадигма прикладной этики, ориентированная на субъект (индивид, профессиональная группа, общество), которому можно *доверить выбор*, на свободу и ответственность его выбора. Иначе прикладная этика подменяется пара- и неморальными регулятивами – «правилами игры», «стандартами поведения», «регламентами» и т.п.

Для инновационной парадигмы значима идентификация прикладной этики как этики морального выбора: ноу-хау инновационной парадигмы – идея-технология морального творчества, изобретенная для продуцирования и решения ситуаций морального выбора как универсальных структур *приложения*. Может быть даже так: ноу-хау инновационной парадигмы – идея-технология существования прикладной этики как науки и искусства морального выбора. Морального выбора как науки и искусства *приложения*.

5.1. Тотальность морального выбора

ПЕРВЫЙ признак идентификации морального выбора

как способа существования прикладной этики – *тотальность* ситуации морального выбора во всех сферах и значениях *приложения*. Предварительная характеристика этого признака предпринята уже в процессе идентификации феномена морального выбора как *предпосылки* прикладной этики, представленной в лекции 4.

Развитие этой характеристики – в обзоре сюжетов, подобранных как из разных сфер прикладной этики в ипостаси нормативно-ценностной (под)системы, так и в ипостаси теоретизирующего знания. При этом выбранных не по критерию (не)причастности сюжетов к буму прикладной этики последних лет, а по критерию *авторской причастности* инновационной парадигмы к разработке ойкумены прикладной этики.

* *Ситуация из сферы этики образования*. Размышляя на тему «Первый и Последний в классе», С.Соловейчик в интервью со мной для журнала «Этика успеха» так охарактеризовал ситуацию морального выбора в деятельности педагога: «Возможны, по крайней мере, две ценности, два критерия педагогического успеха. Один из них – дело, то есть знания, прохождение программы, реальное умственное развитие детей. Другой – чувство внутреннего достоинства, обретенное ребенком, самоопределение ребенка с точки зрения его места в окружающем мире и отношения к нему как равноценному человеку, какие бы у него ни были способности. Знание или достоинство – вот как формулируется проблема. Нельзя ли сформулировать иначе, через “и”? Во всем мире, на практике, реально получается именно “или”... Теми методами, которыми обладает сегодня учитель и педагогика вообще, знания можно дать только способным детям, а когда вы начинаете давать знания способным детям и хотите таких же знаний от неспособных, то чем ниже у Последних шкала способностей, тем больше вы унижаете их достоинство, тем больше они чувствуют себя второстепенными, третьестепенными и десятистепенными».

* *Ситуация из сферы журналистской этики.* В интервью для проекта «Моральный выбор журналиста» В.В. Познер на вопрос «какие сюжеты всплывают в его сознании, когда он слышит выражение “журналист в ситуации морального выбора?”» ответил: «это не один сюжет, это бесконечные сюжеты, это вся жизнь. Каждодневная жизнь профессионального журналиста есть постоянный моральный выбор. Наиболее, наверное, драматичный выбор – между благополучием и возможным неблагополучием. Например, между пониманием, что в зависимости от того, что ты скажешь, власть или твое руководство выразят недовольство, и ты даже можешь потерять работу, – и пониманием того, что есть твой журналистский долг. Выбор между благополучием жены, детей, твоей семьи – и правдой, при этом правда умозрительна, а семья совершенно конкретна».

* *Ситуация из сферы этики воспитания.* Идет заседание ректорского семинара в ТюмГНГУ, проводимого совместно с НИИ прикладной этики. Тема – «Идеи и ценностные ориентиры современного воспитания». Один из пунктов программы семинара – «Воспитатель в ситуации выбора». Для рефлексии участников семинара предложено описание альтернатив выбора. «Ситуация советского общества отличалась признанием лишь одной системы ценностных ориентиров воспитания. Современная ситуация характерна одновременным сосуществованием различных – в том числе и противоположно ориентированных – ценностных систем. Одна из них знаменует возврат к доктрине коммунистического воспитания. Причем проблема возврата радикализируется в установке на “выбор прошлого” – слегка подкорректированное под современность знаковое “светлое будущее” с присущим этой идеализированной модели набором неотрадиционалистских ценностей, с реанимацией пропитанных этими ценностями форм воспитательной деятельности. Другую систему характеризует освоение потенциалов свободы для серьезной реконструкции целей и способов воспитательной деятельности на основе либе-

ральных ценностей (в сотрудничестве со здоровым консерватизмом, органически присущим всякой устойчивой воспитательной деятельности), для лучшего понимания ее общественной значимости, для выбора будущего нашей страны как демократического общества». Вопрос для обсуждения на семинаре: что делать воспитателю в ситуации вариативности ориентиров, каковы основания его выбора?

* *Ситуация из сферы бизнес-этики.* Фрагмент из взятого мною интервью для рубрики «Биография побед и поражений» журнала «Этика успеха»: «Считаю своим успехом то, что родился не слишком рано и не слишком поздно. Это главный мой успех: родился вовремя. Выбор – это самое главное, что мне представило время... Я чувствовал в себе достаточно сильный, как я сейчас только понял, частнособственнический инстинкт. Но не в смысле инстинкта накопительства – я не считаю себя жадным человеком, – а в том смысле, что во мне росло очень сильное желание вспахать своё собственное поле. Горбачёв дал мне возможность завести своё поле и на этом поле рисковать, высаживать всё, что угодно... Был период кризиса, когда я понял, что построил для себя идеальные схемы, что на самом деле для занятий бизнесом в России нужен определенный цинизм, достаточно серьёзный пересмотр своих морально-этических принципов. Мои решения уже не могли строиться на тех основах, на которых меня воспитали мама-папа и пионерский отряд. Например, я столкнулся с такой проблемой, как взятки. ...Сегодняшние реалии во многом отличаются от того первоначального представления, которое у меня было в голове, и которое я искренне пытался привнести в свое дело. Я увидел, что ребята, которые работают по правилам, идут на дно. Ребята, которые приспособливаются к ситуации, не позволяют себе никаких иллюзий, выживают. Есть и третья категория людей, которые формируют новые “правила игры”, более агрессивные, более жёсткие, более российские. Но с ними мне было не по пути. Я не мог себя заставить вести более агрессивно – исходя из моего

происхождения, воспитания, трудно было вычеркнуть все эти начала».

* *Ситуация из сферы политической этики.* В своем выступлении на парламентских слушаниях, организованных Комиссией по депутатской этике Государственной думы РФ, я предложил участникам слушаний сюжет о профессионально-этическом самоопределении депутатства относительно правил честной игры. «Сердцевиной политической этики являются ценности честной политической игры в ситуации морального выбора: такая ценность своеобразно соотносена с правилами политической целесообразности. Политик обязан быть *успешным* деятелем, ориентироваться на достижение своих целей по принципу максимизации. Долг депутата – проводить именно такую установку; в противном случае вся его легислатура (срок полномочий) обесмысливается. Но ориентация на профессиональный успех нравственно оправдана лишь в том случае, если не нарушается другое, не менее существенное должностное. Речь идет о необходимости соблюдения правил честной игры (не лицемерить, не обманывать, держать слово, выполнять взятые обязательства и т.п.) *независимо* от того, выгодно или невыгодно это делать в каждом конкретном случае. *Соединить* одновременно критерии успешности с критериями честности, то есть лишь *в конечном счете* сплавляемые стратегии поведения, не просто: нельзя уклониться ни от одной из них. Можно, конечно, сослаться на логику политической необходимости. Но на почве такой «логики» легко вызревают политическое двуличие и цинизм, которых вскоре перестают стыдиться, которыми подчас бравируют, почитают за доблесть».

* *Ситуация из сферы профессиональной этики.* Участник проведенного Центром прикладной этики проекта «Городские профессионалы», геолог В.И. Шпильман, обсуждал тему писаных или неписаных «правил игры», избираемых профессионалами. Отмечая сложность краткого ответа для характеристики своего первого правила, он воспользовался

цитатой из песни Андрея Макаревича: «Я давно уже не вру, врать вообще не хочется, самому себе не врать во сто крат трудней». И все же дал комментарий профессионала: «очень трудно, проводя исследования, занимаясь геологической аналитикой, не соврать. Ты потратил очень много сил, но одна точка на графике ложится “не туда”. Может быть, и бог с ней? Трудно не соврать – своей профессии, самому себе? Но ты должен иметь мужество сказать соблазну упрощения “нет”. Как часто эта, случайно не лежащая “туда”, точка потом оказывается самой важной. Думаю, что это правило и для профессии, и для жизни в целом».

* *Ситуация из сферы этики науки* – из сферы науки, называемой «*прикладная этика*». На упомянутых выше Парламентских слушаниях по депутатской этике я так сформулировал ситуацию выбора, в которую считал себя вовлеченным, когда занялся исследованием проблем прикладной этики. «В отношении к исследовательской работе над проблемами парламентской этики есть три сходных сценария. Первый: бежать от этой темы подальше, ибо какая же может быть *этика* в деятельности наших парламентариев, известных как средоточие всех возможных грехов. Что политическая этика, что предпринимательская – парадокс в самом названии! Второй: исследовать-то, может быть и надо, но с предельной настороженностью и критичностью – как бы незаметно не стать адвокатом депутатских нравов. Третий: предмет исследования вполне привлекателен, отличная возможность проявления “научного любопытства за казенный счет”. Решение? Если бы это выступление состоялось не *сегодня*, а много лет назад, когда мы принесли свой первый проект в депутатскую комиссию по этике Верховного Совета СССР, то, наверное, выбрали бы *третий* сценарий. И это было бы естественно для того – окрыленного романтическими ожиданиями – времени. А сегодня? Первый вариант? До такого *катастрофизма* мы еще не дозрели. Да и вообще в *чистом* виде нам, как ис-

следователям проблем парламентской этики, не нравится *ни один* из трех вариантов. Первый – уже тем, что в нем не различается *мораль* как должное и *нравы* как сущее. Второй – отводит деятельности исследователя лишь две полярные роли: либо адвоката, либо прокурора. Третий – своей наследственностью, геном соцреализма. Поэтому мы сконструировали еще один – *понимающий* – вариант. Он позволяет увидеть отечественную парламентскую этику на реальной шкале исторического времени, т.е. в определенной – переходной – ситуации, как *становящуюся* этику, имеющую свой шанс».

ОСТАНОВЛЮ конструирование панорамы, призванной сюжетами из разных сфер – «малых» систем – прикладной этики подкрепить тезис о тотальности ситуации морального выбора для всех сфер и значений приложения.

Подкрепить тезис о тотальности ситуации именно *морального* выбора – ситуации, смысл которой отнюдь не равен смыслу бесконечного многообразия ситуаций выбора в современной жизни. И с различением этих смыслов трудно справиться не только *умеренному фильтру* поисковика «Яндекса» – в найденных числом 8998 картинках на запрос «моральный выбор» множество таких, как «в наличии 5 удобных участков на выбор», «выбор валюты», «большой выбор песен», «выбор модных юбок» и т.д.

Остановлю, еще раз подчеркнув понимание ограниченности представленной мною панорамы: за ее пределами остались ситуации морального выбора, регулируемые биоэтикой, экологической этикой, этикой войны и мира и т.д. Разумеется, и эти направления этики работают с ситуациями морального выбора, но они интерпретируют феномен прикладной этики в иных парадигмах, особенности которых были проанализированы в лекциях 2 и 3.

Остановлю, так как уже достиг своей цели – продемонстрировать, что представленные в панораме ситуации выбора объединяет тотальный вызов-запрос к способности субъекта совершить моральной выбор. Но, одновременно, – и потребность субъекта в *рациональных основаниях* такого выбора, в основаниях-ответах прикладной этики на этот вызов.

Вызов ситуации, в которой *этика образования* открывает конфликт таких ценностей, как знание – и достоинство, проблему рациональных оснований ориентации педагога на Первого – или Последнего в классе.

Ситуации, в которой *политическая этика* открывает проблему рациональных оснований решения конфликта критерия успешности с критерием честности, не давая политику права уклониться ни от одного из них.

Ситуации, в которой *воспитателю* предстоит сформулировать основания предпочтения одного из ценностных ориентиров деятельности воспитателя, рационально определив свой выбор.

Ответа на вызов ситуации, в которой *журналист* должен решить конфликт между ориентацией на благополучие семьи – и неугодной руководству правдивой информацией («правда умозрительна, а семья совершенно конкретна»). И т.д.

ГОВОРЯ о рациональных основаниях морального выбора в сфере прикладной этики, рациональных основаниях морального решения, являющихся особенностью практически всех ситуаций в сконструированной здесь панораме, и ситуаций, рассмотрение которых нам предстоит в последующих лекциях (например, нравственных конфликтов, возникающих между ценностями и нормами общей и профессиональной этики, между ценностями и нормами различных профессиональных – или надпрофессиональных – этик, в рамках какой-либо одной из профессиональных этик), уместно отметить, что феномен рациональности в морали историчен и многогранен.

В рамках инновационной парадигмы рациональность морального выбора рассматривается в разных аспектах. 1. Как особенность морального выбора, определяемая самим *типом нормативно-ценностной системы*, присущей гражданскому обществу («постестественная», «рациональная» мораль). 2. Как установка на поиск рациональных оснований предпочтения какой-либо из нормативно-ценностных альтернатив – признак моральной компетентности субъекта, связанный с рациональной процедурой *приложения как конкретизации*. 3. Как соответствие выбора *этико-практикологическим* критериям – актуальным в ситуациях, когда сложность решения нравственного конфликта заключается не столько в том, что субъект не ориентирован на ценности, не знает норм или не желает их выполнять, сколько в необходимости найти *рациональные критерии* эффективного разрешения их столкновения. И т.д.

Первый из этих аспектов в лаконичной форме рассматривается в лекции 6, а с необходимой обстоятельностью – в монографии «Гражданское общество: новая этика»³⁶. Третий аспект с такой же обстоятельностью описан в монографии «Введение в прикладную этику»³⁷.

ТЕЗИС о тотальности ситуации морального выбора имеет ограничение:

моральный выбор – феномен *зрелой* («рационализированной», «постестественной») морали.

В свою очередь рациональная мораль может быть гипотетически представлена в пофазном развитии, начиная с эпохи Возрождения (Макиавелли репрезентирует соответствующие перемены в наиболее последовательном виде). Следующая фаза – долгая эпоха классицизма. Затем – ра-

³⁶ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003.

³⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006.

ционализм эпохи Просвещения (Лейбниц, Кант, Гегель), эпоха романтического индивидуализма (рождение идентичности личности современного типа, форсирование национализма, становление формального равенства, гражданства, формирование гипериндивидуализма и нигилизма и т.д.). Завершается этот процесс моральным кризисом цивилизации, становлением эпохи Постмодерна.

Как уже было сказано в предшествующей лекции, на ранних ступенях развития человеческого общества факт стремления человека к выбору мог восприниматься прежде всего как покушение на незыблемость канонов. В качестве примера была отмечена невозможность проектирования человеком своей биографии: свобода выбора наглядно характеризуется переходом от стандартизированных биографических проектов к рефлексированному, максимально индивидуализированному биографическому проектированию.

Известно, что в традиционном обществе, отличающемся слабой выраженностью социального динамизма и способности к мобилизации внутренних ресурсов развития, авторитаризмом архаического типа, характерным для этого общества регулированием доморального типа, т.н. «естественной моралью», выбор предельно ограничен. Здесь личность принимает свою судьбу как неизбежность случайности факта своего рождения, не нуждающегося в обдумывании; границы жизненной активности личности четко очерчены и она хорошо знает, кто она есть, что должна делать, каков ее земной путь. Понятно, что узник событий и обстоятельств не имеет проекта своего «Я».

По мере становления и развития гражданского общества простой социум заменяется сложным, происходит качественное изменение границ выбора и поля возможностей выбора. Человеческая практика выходит из того состояния, когда она, подавленная однообразием жизненных процессов, их изначальной заданностью, почти не стимулировала стратегический выбор. Идентифицируются поиски обществом альтернатив самому себе, либерализуются социаль-

ные узы, возникают новые источники долженствования и ответственности, способы их поиска, выявляются новые центры санкционирующей активности, образуются новые поведенческие ориентации.

В то же время в процессе развития самого гражданского общества идут перемены. От порядков «массового общества» с принятыми в нем стандартизированными биографиями – к свободному выбору социальной идентификации (с рисками, следующими вслед за таким выбором), к индивидуализации рефлексивных жизненных проектов, к переосмыслению понятия социального неравенства в социализации личности в духе плюрализации жизненных стратегий и стилей поведения, что особенно присуще глобализирующему обществу. В таком обществе свобода выбора оказывается не только ядром все расширяющегося пакета прав человека, но и *культурной доминантой личности*. Эта доминанта возникает и утверждается благодаря в корне изменившемуся отношению личности как к обществу, так и к самой себе, к своим жизненным ресурсам и поведенческим стратегиям.

Исследуя особенности ситуации выбора в *глобализированной, информационной* цивилизации (постмодерн), Ю.В. Согомонов выделил выбор между этическим универсализмом – и локализмом; завершенными ответами на вопрос «кто я?» – и бесконечным вопрошанием с признанием незавершенности любого ответа; ценностью стандартизированной биографии – и ценностью полной риска биографии рефлексивной; надежной и прозрачной устойчивостью ценностного мира эпохи Модерна – и ставшим непрозрачным, динамичным ценностным миром с расшатанным нормативным порядком, без строгой иерархии ценностей и норм; долженствованием и идентификационной привязанностью по отношению к территориальному сообществу типа «нация-государство» – и долженствованием по отношению к солидарности низового уровня, к «малым» территориальным сообществам; ценностью исключительного существо-

вания только пострациональной морали – и ценностью существования этой морали с исторически предшествующими моральными системами; ценностями «социальной оседлости» – и ценностями «социального туризма» с непривязанностью к месту; идеологизированными идеалами совершенства человека и общества – и пестрыми культурными идеалами разного уровня обобщенности; алармистскими катастрофическими интерпретациями морального кризиса – и реалистическим диагнозом, ориентированным на поиск перспективных выходов из кризиса; ценностями общекультурной макроидентичности – и ценностями микроэтнической и субкультурной идентичности; запредельной морализаторской критикой нравов социума – и умеренной критикой этих нравов, вплоть до ориентации на установление партнерских отношений с наличными нравами; поведением, ориентированным на ценности общественной, публичной жизни, систематические гражданские инициативы, – и поведением, ориентированным на ценности частной жизни с широким доступом к информационным ресурсам общественной жизни, но без личного участия в общественном строительстве; ценностями самоуправляемых общин – и ценностями сверхлокальных общин типа виртуального коммунитаризма в киберпространстве «Седьмого континента»; установкой на доминирование во всех аспектах жизни социума – и приверженностью к диалогическому общению, к бытию в диалоге³⁸.

5.2. Моральный выбор как творчество общественного масштаба

Разверну идею, что рациональный моральный выбор – способ существования прикладной этики, посредством сравнительного анализа двух конкретных ситуаций морального творчества общественного масштаба: ситуаций выбо-

---

³⁸ См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 8-20.

ра обществом определенного типа нормативно-ценностной системы. Выбора, который при достаточно конкретной идентификации каждой из альтернатив совершался (совершается) по *рациональным основаниям*. В той мере, в которой эти основания могут быть рациональными в транзитивной ситуации, ситуации затянувшейся неопределенности. В ситуации *исторически не сформировавшихся альтернатив*. Материалом для анализа являются результаты проекта НИИ ПЭ «Двадцать лет спустя», реализованного в технологии экспертизы-консилиума³⁹.

«Двадцать лет спустя» – со времени старта одного из весьма успешных проектов в отечественной прикладной этике – «*Самотлорского практикума*». Как было показано в лекции 2, проект был посвящен гуманитарной экспертизе-консилиуму нравственной ситуации в советском обществе первых лет Перестройки, трактуемой авторами и организаторами (Ханты-Мансийский окружком КПСС, Философское общество СССР, АПН, ИПОС, кафедра этики МГУ, кафедра этики ТИИ) проекта как *ситуация морального выбора* общественного масштаба. Это была первая попытка инициативного движения этического сообщества *приложить* потенциал знания о морали к современной практике, работая в формате этического форума, технологизированного методами экспертного опроса и игрового моделирования.

Уже первое знакомство с двумя изданиями материалов этой экспертизы – «*Самотлорский практикум*» и «*Самотлорский практикум-2*»⁴⁰ – позволит сразу обнаружить ее ключевую тему. Обращаясь к участникам проекта (философам, этикам, социологам, психологам, политологам, публицистам, литературным критикам) с просьбой провести коллективную диагностику моральной ситуации в обществе, авторы проекта выдвинули гипотезу

---

³⁹ См.: Этический консилиум. Ведомости. Вып.29. Тюмень: НИИ ПЭ. 2006. С. 5-112.

⁴⁰ См.: Самотлорский практикум. Тюмень, 1987; Самотлорский практикум-2. Тюмень, 1988.

о Перестройке как *инновационной* для всего нашего общества и каждого гражданина ситуации морального выбора. Субъекты морального выбора – индивиды, группы, общество в целом – творят свою биографию и свою историю на перекрестках человеческой деятельности, используя сложившиеся шансы и создавая шансы свои собственные. И Перестройка – такого рода перекресток: в глобальной ситуации выживания, в переходной для советского общества ситуации исторического масштаба, в судьбоносной ситуации самоопределения индивида.

Гипотеза сработала. При этом сформировалось более конкретное представление о роли идентификации моральной ситуации в стране как ситуации выбора и о признаках, по которым можно квалифицировать нравственное состояние общества именно как ситуацию выбора. Причем многие из диагностических и прогностических оценок, содержащихся в экспертных текстах тех лет, оказались значимы и сегодня.

Двадцать лет спустя авторы проекта «Самотлорский практикум» предположили, что отечественная ситуация во многом повторяется – как *новое перепутье*, как ситуация стратегического выбора обществом ценностных ориентиров своего развития. Отсюда – проект НИИ ПЭ «“Двадцать лет спустя”: Выберет ли Россия ценности гражданского общества?». В характеристике результатов *пилотного* этапа этого проекта я сосредоточу внимание на тех его задачах, которые значимы с точки зрения темы данной лекции:

апробация самой идеи о возможности и необходимости экспертизы новой ситуации в российском обществе именно как ситуации морального выбора;

попытка сравнительного анализа ситуаций Перестройки и ситуации «Двадцать лет спустя» с точки зрения

их идентификации как ситуаций морального выбора и выявления общего и различного в содержании характеризующих эти ситуации альтернатив выбора.

Обратимся к материалам проекта. Его гипотеза, как отмечено в программе, иницирующей и организующей экспертный опрос-консилиум «Двадцать лет спустя»⁴¹, заключалась в характеристике актуальной ситуации российского общества как ситуации исторической развилки. Характер переживаемой Россией новой ситуации выбора не исчерпывается финансовым, экономическим, социальным, политическим и т.п. аспектами. У всех них есть системное основание, которое проявляется в остром кризисе веры в идеалы и ценности трансформации России, с одной стороны, и во все более усиливающимся тенденциях смены декларируемых на старте постсоветского периода ценностных ориентиров развития общества – с другой. Речь идет не просто о принятии-непринятии обществом инструментальной части российского модернизационного проекта. Предельная напряженность современной ситуации выбора связана, во-первых, с заметным разочарованием в изначально декларируемой ценностной ориентации этого проекта, в тех либеральных смыслах, которые еще недавно оправдывали новое самоопределение России, связываемое с идеей гражданского общества. Во-вторых, с тем, что пока наглядной альтернативой этому разочарованию оказывается лишь доминирование в реально реализуемой стратегии развития страны ценностей *неотрадиционализма*. Поэтому и уместно говорить о том, что наше общество снова оказалось вовлеченным в ситуацию морального выбора исторического масштаба.

5.2.1. Апробация идеологии проекта

ЗДЕСЬ ВАЖНО обратить внимание на восприятие экс-

---

⁴¹ Текст программы экспертизы открывается подборка материалов проекта в выпуске 29 «Ведомостей» НИИ ПЭ.

пертами замысла проекта, постановки сформулированных перед консилиумом задач, оценить степень реалистичности ожиданий авторов проекта от результатов экспертного опроса и, тем самым, извлечь уроки из реакции экспертов на идеологию проекта.

С необходимой скромностью можно указать на оценки типа *«хотел бы прежде всего приветствовать замысел повторения “Самотлорского практикума”»* (А.А. Гусейнов) или *«Время экспертного опроса выбрано, как мне кажется, очень удачно. ...Именно сейчас этот вопрос более чем уместен»* (А.Ф. Филиппов), которые содержатся в текстах экспертов⁴². Обращу внимание и на поддержку идеи проекта «по факту» – она содержится уже в заголовках некоторых экспертных текстов, например: *«Российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора»* (Р.Г. Апресян).

Очевидно, что с точки зрения апробации идеи проекта не менее значимы и суждения экспертов, содержащие разнообразный критический потенциал. Например, весьма важны скептические суждения о самой возможности говорить о таком субъекте морального выбора, *как общество. «Совершает ли общество моральный выбор? – рассуждает А.Ю. Согомонов. – Строго говоря, нет, хотя такая проблематизация вполне допустима и порой вполне эвристична»*. Принимая тезис автора о необходимости для решения этого вопроса «самостоятельного теоретического и исторического экскурса», отмечу само допущение автором эвристичности такой проблематизации. А отвечая на скепсис других экспертов, отмечу, что стоит различать, с одной стороны, саму возможность выделять субъект морального выбора в масштабе общества (*«Возникает вопрос: можно ли по этому признаку характеризовать социумы в целом?»* – А.А. Гусейнов) и, с другой, степень зрелости такого

---

⁴² Набранные курсивом цитаты взяты из текстов участников проекта «Двадцать лет спустя», опубликованных в выпуске 29 «Ведомостей» НИИ ПЭ.

субъекта (*«Казавшийся естественным двадцать лет назад вопрос о моральном выборе общества сегодня вызывает у меня настороженность и сомнения. Может ли общество в целом быть субъектом выбора, а если может, то как оно проявляет свою субъектность?»* – Р.Г. Апресян). Отмечу, что оба автора говорят фактически об одном и том же индикаторе являющейся объектом экспертизы ситуации выбора в масштабе общества: «единый народный порыв».

Специальное исследование вопроса о корректности идеи институализации субъекта морального выбора в масштабе общества еще предстоит предпринять. Но уже сейчас обращаю внимание на то, что, во-первых, один из цитированных выше экспертов в своих диагностических оценках прямо допускает возможность экспертизы ситуации морального выбора в масштабах общества: уже цитированный тезис *«российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора»* (Р.Г. Апресян). Во-вторых, ряд экспертов вполне определенно рассуждают о правомерности выделения такого субъекта. Так, по мнению Г.Л. Тульчинского, ситуация морального выбора *«существует всегда перед каждой личностью и любым обществом. Такой выбор и определяет исторический процесс, даже если личность и общество не отдадут себе в этом отчета»*, а Б.Н. Кашников полагает, что *«ситуация морального выбора как для общества в целом, так и для отдельной личности имеет место всегда»*. Косвенно о субъекте выбора в масштабе общества говорит и эксперт, отмечающий, что время экспертного опроса выбрано удачно.

В ПРОЦЕДУРЕ апробации идеи проекта нельзя не обратить внимание на весьма категоричное отрицательное суждение по поводу идентификации современной российской ситуации в категориях именно морального выбора. Самые первые слова текста И.М. Клямкина: *«Мне не нравится определение современной российской ситуации как си-*

туации морального выбора. Более того, меня смущает даже использование для ее характеристики самого слова «мораль»». Аргумент – зависимость смысла слов от контекста. Автор подчеркивает, что его скепсис по поводу актуализации экспертизы ситуации в нашем обществе в категориях морального выбора реально направлен против *«традиционалистского верховенства морали над правом, что в индустриально-городском обществе ведет к формированию доправового, морально-репрессивного типа сознания и утверждению соответствующей ему и на него опирающейся политической практики»*.

Трудно спорить с убедительной характеристикой автором «исторического контекста», включающей наглядные доказательства активных попыток реставрации традиционалистских представлений о природе морали, отождествления содержания морали как таковой с одной из ее исторических моделей. Критика автором вполне конкретной тенденции в нашем обществе справедлива и актуальна. Но, может быть, трезвое понимание контекста не обязательно должно приводить к отказу от экспертизы российской ситуации в категориях морального выбора, предложенных проектом?

Возможно, оправдан и поиск рациональной альтернативы реставрации традиционалистских представлений о природе морали в рамках идентификации ситуации именно как ситуации морального выбора? Альтернативы в виде *рациональной морали гражданского общества*, в котором мораль не подменяет право, а согласует оба эти регулятора жизни общества? Во всяком случае, в гипотезе проекта такая альтернатива представлена – не случайно вынесено в его заголовок вопрошание: «Выберет ли Россия ценности гражданского общества?».

Фактическим продолжением апробации идеи проекта является конкретная диагностика экспертами (а) ситуации Перестройки и (б) ситуации «Двадцать лет спустя».

5.2.2. «Двадцать лет назад»:

эскиз ситуации морального выбора времен Перестройки

НАСКОЛЬКО (не)адекватной посчитали участники «Самолиторского практикума» идентификацию Перестройки как ситуации морального выбора? И, что не менее важно, какие признаки такой идентификации можно выделить в экспертных суждениях?

Естественно начать с характеристики базового признака любой ситуации выбора – самой возможности выбирать, наличия реальных альтернатив для самоопределения. Этот признак ситуации «двадцать лет назад», казалось бы, очевиден. *«Ситуация морального выбора в условиях Перестройки характеризуется расширением диапазона предоставляемых альтернатив. Это одно из нравственных последствий процесса демократизации»*, – полагал участник практикума А.П. Вардомацкий. Но почему очевидность такого признака, как расширение возможностей выбирать, оговорена мной осторожным «казалось бы»?

Во-первых, из-за того, что, как отмечает тот же эксперт, в «перестроечной» публицистической литературе особенность ситуации *«схвачена двумя однокоренными, но намертво схлестнувшимися словами: перестройка или подстройка»*.

Во-вторых, из-за особых обстоятельств начального этапа формировавшейся в то время ситуации выбора. *«Происшедшие в обществе перемены не означают, что уже сейчас человек поставлен в такие социальные условия, когда от его собственной нравственной позиции зависит возможность практической реализации осуществленного выбора»*, – отмечал Е.И. Головаха. Аргумент: *«Авторитарные стереотипы сильны и в массовом сознании, которое настолько свыклось с однонаправленным движением лю-*

рых решений (с верхних этажей – на нижние), что для большинства людей моральный выбор является проблемой, связанной в лучшем случае с коллизиями, встречающимися в социальной среде».

В-третьих, очевидность такого признака, как расширение возможностей выбирать, оговорена осторожным «казалось бы» из-за *морального риска* (а не просто дискуссионности) самой идентификации ситуации выбора как «переходной». Я имею в виду тезис А.И. Пригожина: *«Следует обратить внимание, что уже сейчас появляется особая разновидность перестроечной морали».* Особенность такой морали состоит, на взгляд автора, *«в допущении тех нравственных норм, которые в развитом, ставшем стабильном, обществе не могут быть приняты в таком виде. Например, лозунг “нравственно то, что эффективно”».* С точки зрения автора, *«для переходных периодов следует признать возможным функционирование некоей экстремистской или промежуточной морали, поскольку необходимость перенастройки общественного сознания, возможно, требует необычно сильных воздействий».*

СГРУППИРУЮ суждения экспертов вокруг другого признака ситуации выбора – *содержания альтернатив.* И здесь следует отметить, что характеристика экспертами содержания альтернатив связывается с переходным характером ситуации. При этом одна и та же констатация такого рода характера ситуации приводила экспертов к разным диагностическим заключениям – в зависимости от идентификации проблем морального выбора, встающих перед субъектами разного масштаба.

Так, ряд экспертов, сосредоточивших свое внимание на идентификации ситуации выбора общественного масштаба, прямо или косвенно переводили очевидную характеристику общественной ситуации как ситуации переходного периода в идентификацию Перестройки как *перехода к иной нормативно-ценностной системе.* При этом констатировалась вполне естественная неопределенность возникших альтер-

натив, недостаточная рациональность в их идентификации. Например, И.М. Клямкин полагал необходимым поостерегаться оценивать ситуацию Перестройки в качестве классической ситуации выбора. С его точки зрения, выбор предполагает наличие *«готовых вариантов, из которых предстоит отдать какому-то предпочтению. А если варианты не ясны? Если они исторически не сложились? Тогда выбирать приходится между позициями абстрактными, непроясненными, недовыявленными»*. Автор вел речь о двух такого рода альтернативах: *«С одной стороны – ориентация на равенство, понимаемое как антипод свободы. С другой стороны – ориентация на свободу как основу всего, в том числе и равенства»*.

Конкретные аргументы эксперта? В основе первой позиции он видит *«примитивный добуржуазный коллективизм, который Маркс назвал грубым»*. А вторая, с точки зрения И.М. Клямкина, – *«позиция развитой индивидуальности, противостоящей примитивному коллективизму и слепому, нерассуждающему послушанию»*. И само возникновение такой позиции, тем более ее все более широкое распространение, дает автору основание для оптимизма. *«Раз появляется вдохновляемая идеей свободы индивидуальность, значит, появляется нравственная ответственность; значит, ситуация выбора осознается как глубоко личная проблема, которую не решит за меня никто – ни бог, ни царь и ни герой»*.

Переходный характер ситуации с точки зрения смены ценностных систем подчеркивал и А.А. Гусейнов. *«Нравственная жизнь советского общества характеризуется в настоящее время рядом таких признаков, ...которые обычно всегда были показателем переходного состояния, кризиса одной системы ценностей и зарождения другой»*, – писал автор. И вполне определенно утверждал, что *«общее направление, исторический вектор происходящих в этой области бурных, порой драматичных, изменений можно определить как движение от жесткой норматив-*

ности к большей свободе индивидуального выбора, от общинно-экстенсивных к личностно-автономным формам поведения».

И ВСЕ ЖЕ большинство интерпретаций Перестройки как ситуации морального выбора в суждениях экспертов, участвовавших в проекте «Самотлорский практикум», оставались в рамках идеи нравственного очищения, выхода из кризиса социалистической морали за счет восстановления «подлинных моральных ценностей». А моральное обновление *исчерпывалось* идеей «прививки» к социалистической морали норм общечеловеческой нравственности, простых норм нравственности. О ситуации выбора как выборе *иной* нормативно-ценностной системы в этом случае речь фактически не шла. Более того, такого рода выбор рассматривался как рискованный («Мы совершаем один из последних, решающих скачков в сторону личностной автономии, имея перед собой опыт развитого буржуазного индивидуализма, нравственно-разрушительные следствия которого, если не перевешивают, то вполне соразмерны его позитивным сторонам» – полагал А.А.Гусейнов).

Принципиальная постановка вопроса о выборе в пользу иной системы моральных ценностей могла возникнуть лишь на следующем историческом этапе жизни России.

5.2.3. «Двадцать лет спустя»:

эскиз современной отечественной ситуации морального выбора

ПЕРЕХОДЯ к анализу результатов пилотной диагностики *современной* отечественной ситуации в категориях морального выбора, напомним, что экспертам было предложено идентифицировать современную моральную ситуацию через соотнесение ее с ситуацией Перестройки. И начну с реплик экспертов по поводу самой идеи сравнения двух этих ситуаций.

Скептическая реплика: «Повторяется ли сегодня ситуация морального выбора перестроечного времени? В

этом вопросе авторов проекта экспертам, безусловно, содержится некоторая ирония, поскольку любой акт свободного морального выбора аутентичен и неповторим», – говорит А.Ю. Согомонов.

Реплика солидарная: «Вопрос анкеты состоит в том, не стоим ли мы снова перед выбором. Но выбором в пользу чего? С отказом от чего? Пожалуй, этот вопрос вообще не имел бы смысла, если бы не рефлексия по поводу того, что произошло за эти годы» (А.Ф. Филиппов).

Что касается конкретных диагностических суждений экспертов по первому тематическому направлению анкеты, то среди них: (а) вполне определенное принятие идентификации современной ситуации в нашем обществе как ситуации морального выбора; (б) не менее определенное непринятие; (в) противоречивый диагноз.

Первая из позиций характеризуется следующим образом: *«российское общество стоит сейчас, возможно, перед самым тяжелым выбором за всю свою историю. Речь идет о том, чтобы перестать быть обществом вечной неопределенности, обществом, колеблющимся постоянно “между бытием и смертью” (Хомяков), и перейти к состоянию “мужественной формы” (Бердяев). ...Современное российское общество – это отвратительный гибрид, который умудряется сочетать самые противоречивые модели общественной морали, но ведущая роль остается все же за традиционной патримониально-клиенталистской моралью господства и подчинения. Эта мораль не имеет в себе ничего мистического и не содержит никакой “тайны русской души”» (Б.Н. Кашников).*

Вторая позиция аргументируется следующим образом: моральное состояние современной России *«является вполне устоявшимся во всех отношениях, в том числе и в своих моральных деструкциях».* Соответственно, *«нет никаких оснований специально выделять его как ситуацию морального выбора» (А.А. Гусейнов).*

Наконец, модель противоречивого диагноза складывается из суждений, прямо или косвенно поддерживающих апробируемую проектом идентификацию, в сочетании с диагностическими указаниями на незрелость подвергаемой экспертизе ситуации. В этой связи обращу внимание на позицию, фиксирующую противоречие между объективной необходимостью выбора, с одной стороны, и степенью его реальной возможности – с другой. *«Российское общество находится перед необходимостью национального морального выбора»,* однако *«в отсутствии национальной (гражданской) консолидации его понимание на уровне общественного сознания и его реализация маловероятны».* Более конкретное объяснение противоречия: *«Особый вопрос, который необходимо учитывать, насколько такая консолидация – перед лицом не национальной угрозы, тем более внешней, а именно морального выбора – возможна в нашем российском обществе, с его сложным социальным составом и множественностью социально-ценностных ориентаций»* (Р.Г. Апресян).

Близкое по смыслу объяснение указанного противоречия: *«Если говорить о главной “болевой точке” нашего развития, то она остается прежней: неразвитость понятия об общем интересе и, соответственно, о его сочетании с индивидуальной свободой»* (И.М. Клямкин). Определенную переключку в оценке степени зрелости ситуации можно увидеть и в диагностическом наблюдении А.Ю. Согомонова: *«мы все менее отчетливо распознаем единство морального поля».*

СОГЛАСНО замыслу проекта «Двадцать лет спустя», самая конструктивная часть экспертизы – характеристика современной моральной ситуации как ситуации переходной с точки зрения самоопределения общества к одной из исторически конкретных нормативно-ценностных систем. Предполагалось, что именно это направление программы проекта даст возможность операционализации идеи об экспертизе современной ситуации в категориях морального

выбора. Выбора, совершаемого благодаря ясному и конкретному пониманию альтернатив, по вполне рациональным основаниям (насколько эти основания могут быть рациональными в транзитивном обществе). И действительно, анализ экспертных текстов дает возможность не только зафиксировать согласие-несогласие экспертов с оценкой ситуации как переходной, но и выявить достаточно отрефлексированное содержание альтернативы, которую предпочло общество – при разном отношении экспертов к моральному достоинству этой альтернативы.

Но прежде отмечу, что эксперты дают противоположные оценки по поводу степени зрелости самого процесса перехода общества к новой нормативно-ценностной системе. Одна точка зрения – *«Переход уже совершился»*. Аргумент: *«Объективно в обществе представлены многие перечисленные в анкете нравственные системы (кроме постиндустриальной этики)»* – А.В. Разин. Другая точка зрения заключается в констатации затянувшейся неопределенности в выборе. *«Современное, в нравственном плане дисперсное и невменяемое, российское общество не в состоянии сделать определенное предпочтение. Оно живет мифами и ожиданиями»*. Причина: *«люди не являются хозяевами собственной жизни и не осознают сферы собственной ответственности и свободы. Это очевидно не только в политике, но и в деловой активности, даже в быту – ТСЖ»*. Последствия: *«Россия (в том числе – в силу упомянутых причин) не может сделать цивилизационного выбора. Она огрызается на христианский Запад и пытается заигрывать с хвостом дракона Юго-Восточной Азии и ислама. В результате она остается наедине с собственной невменяемостью»* (Г.Л. Тульчинский).

Свою версию причин затянувшейся неопределенности переходной ситуации предложил А.Ю. Согомонов. *«Вероятнее всего, российские реформы пока почти не коснулись ни институциональной матрицы российского общества, ни индивидуалистической парадигмы его граждан»*

ского корпуса. Иными словами, для выбора в пользу современной морали и гражданской этики все еще нет достаточных предпосылок социального и культурного свойства. Подобный выбор, разумеется, в каждом случае совершается индивидуально, но при этом «визируется» обществом, в противном случае любая сумма индивидуальных выборов в пользу морали никогда не станет критической и, более того, легитимирующей. Только в этом смысле можно говорить о нравственной переходности российского общества: индивидуальные выборы в пользу морали носят редкий и случайный характер, предопределяя нашу этическую «дремучесть». В эпоху «высокой» современности выбор в пользу морали «осложнен» искушениями расширяющейся вселенной жизненного выбора и биографического проектирования. Глобализация, свобода перемещений и информации, универсализация стилей жизни – все это и многое другое приводит к чрезвычайно сильному давлению – извне и изнутри – на нравственную ситуацию в России и, очевидно, в недалекой перспективе неизбежно приведет к коллапсу морального этатизма и неизбежному развороту в сторону нравственной автономии личности. Однако чем больше общество, находясь под сильным государственным гнетом, оттягивает этот выбор, тем сложнее в будущем он дастся морально незащищенным слоям населения. И тогда можно будет говорить о подлинных моральных издержках модернизации».

Сопоставляю суждения о неопределенности отечественной ситуации морального выбора с позицией, в которой уверенная констатация определенно направленной переходности ситуации сочетается с указанием на желаемую экспертом альтернативу выбора и подчеркиванием реальных трудностей исполнения его надежд. «Общественная мораль современного российского общества представляет собой удивительную смесь самых разнообразных моральных систем, начиная от архаики и кончая постмо-

дерном. Хочется верить, что российское общество решит, наконец, “каким оно хочет быть Востоком” (Соловьев). Полагаю, что этот выбор завершится в пользу современного либерального общества, предполагающего горизонтальные связи, социальное доверие, четкое различение между публичной и частной сферами, властью закона и т.д. Иными словами – переходом к либеральной модели общественной справедливости. Трудность подобного перехода связана с отсутствием у нас не только “либерального”, но даже “экономического” индивида, поскольку оба эти исторические типы личности предполагают автономию индивидуальной морали. В нашем крайне атомизированном обществе еще нет даже предпосылок для превращения автономной морали в массовое явление. Господствующая форма индивидуальной морали – это, в лучшем случае, патримониальная мораль авторитета (по Кольбергу), а в худшем – не рационализируемый обычай подчинения любому источнику силы» (Б.Н. Кашников).

Третья точка зрения, позволяющая конкретизировать содержание альтернатив ситуации выбора, исходит из констатации достаточной определенности этой ситуации. Соглашаясь с постановкой вопроса в анкете: «речь надо вести не просто о переходе к “морали вообще”, словно мы прежде находились в аморальном или доморальном состоянии, а к “одной из исторически конкретных нормативно-ценностных систем”», А.А. Гусейнов говорит, что «если исходить из принятого в социологической литературе деления последних на феодальную (традиционную), буржуазную (либерально-демократическую) и социалистическую (в другой терминологии: тоталитарную), то несомненно, что Россия предпочла буржуазно-нормативную ценностную систему». Другое дело – возможные оценки такого предпочтения. Например, автор последнего диагноза специально подчеркивает, что «такую констатацию нельзя признать удовлетворительной». Причина в том, что

«люди не очень рады выбору, который они сами сделали, как если бы они запутались в закоулках истории и забрели не туда, куда хотели. Разочарование в либерально-демократических ценностях стало доминантой общественных настроений (достаточно упомянуть вывод Всемирного русского собора о необходимости ограничить права человека служением добру, из чего вытекает, что сами по себе они – права человека – добром не признаются или что, по крайней мере в условиях России и для России, возможна более совершенная и адекватная конкретизация идеала добра, чем либерально-демократическая практика прав человека)». Поэтому автор полагает необходимым «переосмыслить, составить более конкретное представление о моральных основах современного общества западного типа, чтобы выяснить, почему оно, это общество, не получает моральной санкции (по крайней мере безусловной моральной санкции) в российском общественном сознании» (А.А. Гусейнов).

Содержание альтернатив морального выбора может быть охарактеризовано и по другому основанию. Р.Г. Апресян имеет в виду иную – по сравнению с предложенной в программе проекта – классификацию: он говорит не о тех системах морали, которые привычно связываются с цивилизационными этапами развития человеческого общества, а о «конфигурациях ценностей». С его точки зрения, «в любом обществе в различных конфигурациях представлен определенный ограниченный набор нравственных ценностей». Допуская, что «в традиционалистских обществах этот набор не проявлен, а в тоталитарных подавлен (в той мере, в какой моральность как выражение личной автономии и индивидуальной ответственности систематически ограничивается)», автор говорит, что «во всех обществах во все времена» сосуществуют четыре системы нравственных ценностей: «гедонистически-потребительская, утилитарно-меркантилистская, перфекционистски-аскетическая, гуманистически-альт-

руистическая. «Исторически конкретно» они проявляются в разных смежных формах и опосредованы культурно-национальными особенностями».

ЗАВЕРШАЯ эскизный обзор экспертных суждений по поводу современной отечественной ситуации морального выбора,

нельзя не признать рискованной интерпретацию его результатов в качестве аргументов в пользу идеи о том, что рациональный моральный выбор – *инвариантное основание* прикладной этики. И у авторов проекта был большой соблазн поддаваться скептическому настроению в отношении его потенциала.

Но все же есть некоторые аргументы для развития проекта, в том числе и для усиления его идеи. Более того, есть и наброски соответствующей программы.

5.2.4. О программе экспертизы шансов выбора Россией ценностей гражданского общества

Гипотеза о возможности и необходимости идентификации современной ситуации как ситуации морального выбора для российского общества содержала не декларированный (в прямом виде) в программе экспертного опроса тезис, что ситуация морального выбора в данном случае – это ситуация (не)выбора именно ценностей гражданского общества. В замысел проекта была заложена версия о том, что если основные альтернативы морального выбора эпохи Перестройки – это социалистическая мораль и нормы общечеловеческой морали,

то основные альтернативы морального выбора нашего времени – ценности гражданского общества и традиционалистские ценности общества, склонного к неосоветизации.

Программируя следующий этап экспертизы, авторы проекта должны учесть уроки ее *пилотного* этапа. Уроки, определяющие (не)успех исследования *меры рациональности* оснований морального выбора, совершаемого обществом.

1. Вполне убедительные аргументы экспертов в пользу вывода об уже свершившемся предварительном выборе общества в пользу идеи гражданского общества, выраженном, говоря словами А.А. Гусейнова, в *«движении от жесткой нормативности к свободе индивидуального выбора, от общинно-экстенсивных к личностно-автономным формам поведения»*. И не менее убедительные скептические выводы на эту тему другого эксперта: *«Гражданская этика все еще остается индивидуальным выбором очень немногочисленных и совершенно разрозненных групп относительно автономного и дееспособного населения. Околовластная бюрократия (по мировым меркам – весьма многочисленная) и социально зависимые от нее слои “тяглогового” населения сделали свой выбор в пользу корпоративного гражданства и, соответственно, корпоративной этики патерналистского государства, что в известном смысле возвращает нас к несколько забытым образцам позднесоветских времен. С одной лишь разницей, что теперь идея “государства-империи” становится ключевой в процессе форматворчества актуальной модели общественной морали»* (А.Ю. Согомонов).

2. Наряду с первым уроком, значимым для программирования следующего этапа экспертизы, еще один урок стоит извлечь из позиции эксперта, который двадцать лет назад *«поостерегся»* оценивать ситуацию Перестройки *«как классическую ситуацию выбора (в том числе и морального)»*. И сегодня можно сказать, что пока *«варианты не ясны, исторически не сложились»* и *«выбирать приходится между позициями абстрактными, непроясненными, невыявленными»* (И.М. Клямкин). Прежде всего речь здесь идет о такой альтернативе, как нормативно-ценностная сис-

тема гражданского общества – в российской ситуации речь может идти лишь о становлении такого общества и его этики.

3. В программе предстоящей экспертизы предстоит сбалансировать две тенденции. С одной стороны, необходимость *«переосмыслить, составить более конкретное представление о моральных основах современного общества западного типа, чтобы выяснить, почему оно, это общество, не получает моральной санкции (по крайней мере безусловной моральной санкции) в российском общественном сознании. ...Прошедшие годы показали, что мы не смогли “перехитрить” историю и воспринять несомненные достоинства буржуазной цивилизации, отбросив столь же несомненные ее недостатки»* (А.А. Гусейнов). С другой стороны, необходимость рационального взвешивания последствий, связанных с тем, что «антибуржуазная» альтернатива, конструируемая через пафосное противопоставление отечественных ценностей и традиций ценностям и традициям западным, альтернатива, в пользу которой сегодня все настойчивее предлагается сделать моральный выбор, – *«это выбор далекого отечественного прошлого в его наиболее архаичных проявлениях»*. Аргументируя это суждение, его автор, И.М. Клямкин, убедительно подчеркнул архаичность такой альтернативы. *«Синкретизис неписаного права и морали, причем морали именно общинной, возвышавшей интересы локальной коллективности над интересами отдельных людей и исключавшей их личностную автономию, синкретизис, характерный для всех общностей традиционного типа, и пытаются реанимировать сегодня российские традиционалисты, интерпретируя его как самобытное морально-ценностное достояние российских народов и их отличие от народов западных стран»*.

4. Программирование следующего этапа экспертизы предполагает операционализацию очевидного тезиса о

том, что сами ценности гражданского общества вовсе не исчерпываются лишь либеральной моделью.

5. Заинтересованность в эффективности предстоящей экспертизы требует включить в ее программу задачу конкретного анализа состояния общества с точки зрения его готовности к выбору. Пока это состояние описано в весьма общих характеристиках типа: *«отсутствие гражданской консолидации на уровне общественного сознания»* (Р.Г. Апресян), *«в настоящее время нет такого концентрированного общественного напряжения, которое соединяло бы большинство граждан в неких общих нравственно-окрашенных ожиданиях и действиях»* (А.А. Гусейнов).

6. Предлагая для продолжения экспертизы идею выбора современной Россией в пользу ценностей гражданского общества, важно будет не забыть, что критика охотно упрекает гражданское общество и его этику за самомнение, гордыню и нарциссизм. Однако не менее важно учесть, что при всем желании затруднительно отыскать в истории такую социальную и нормативно-ценностную систему, которая была бы столь расположенной к фундаментальной самокритике, иронически, иногда эпатажно и даже алармистски настроенной по отношению к царящим порядкам и к ожидаемому будущему. Что не испытывая особой нужды в рукоплесканиях идеологических клакеров, гражданское общество умело преобразовывает самую острую критику и самокритику в средство, ведущее к его развитию и самосовершенствованию.

***

Один из вариантов продолжения аргументов в пользу вынесенного в заглавие лекции 5 тезиса о ситуации морального выбора как способе существования прикладной этики (в обеих ее ипостасях – прикладной морали и этико-прикладного знания) – добавить параграфы о выборе профессии как моральном выборе, о моральном выборе профессионала с точки зрения креации и интериоризации

«малой» нормативно-ценностной системы; о выборе поступка и т.д.

Но я предпочел уклониться от этого варианта. Во-первых, имея возможность сослаться на ряд обстоятельных проработок этих тем в монографиях «Этика профессии», «Введение в прикладную этику», «Моральный выбор журналиста», «Моральный выбор личности» и т.д.

Во-вторых, имея возможность представить необходимые аргументы, например, в последующих лекциях 6 и 7. Или в процессе анализа спроектированных в духе инновационной парадигмы этических кодексов, экспертных суждений, стенограмм этических деловых игр, проблемных семинаров и т.д. Практически – в каждой из последующих лекций курса.

Полагаю, этих аргументов достаточно и они будут убедительны.

Научное издание

Бакштановский Владимир Иосифович

**Прикладная этика:
инновационный курс
для магистр(ант)ов и профессоров**

Часть первая

Редактор выпуска И. А. Иванова

Подписано в печать 19.12.2011.
Формат 62x90/16. Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 17,12
Тираж 300 экз. Заказ № 480.

НИИ прикладной этики ТюмГНГУ.
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.
Контактный телефон: (3452) 46-92-44.
E-mail: priclet@tsogu.ru.

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, г. Тюмень, ул. Киевская, 52.

